

Ю. ГЕРАСИМОВ

A detailed illustration in a woodcut style. A reindeer with large, branching antlers stands on a rocky, grassy slope, looking towards the left. The background features jagged, snow-capped mountains under a clear blue sky. The foreground shows more of the rocky terrain and some sparse vegetation. The overall color palette is dominated by blues, yellows, and browns.

ТРОПОЙ
ТАЕЖНОГО
ОХОТНИКА

Ю. Тeрасимов

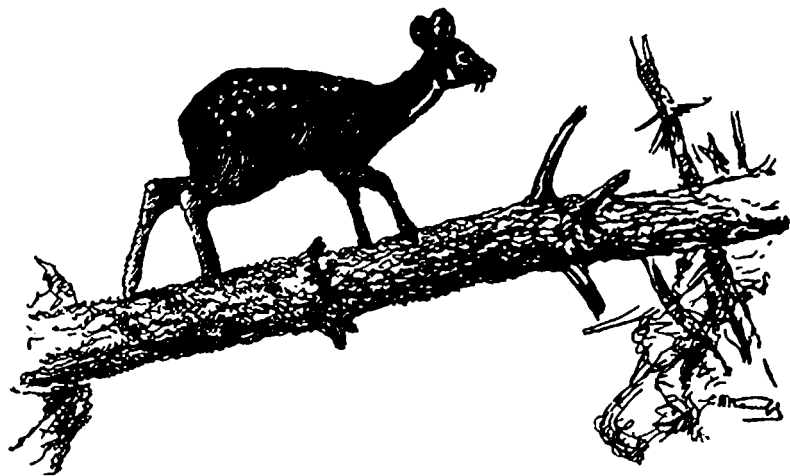
ТРОПОЙ
ТАЕЖНОГО
ОХОТНИКА

Издание второе, дополненное

Читинское книжное издательство
1960

Глава I

В ДАЛЬНИЙ ПУТЬ

В конце зимы 1944 года в читинской газете появилось объявление:

*Совет Забайкальского военно-охотничьего общества
объявляет набор охотников для выезда в тайгу
в верховья реки Ингоды.*

В этот день в совет общества началось паломничество.

Как обычно, первыми явились искатели легкой жизни и приключений. Потолковать на охотничьи темы навевались и городские охотники-любители. Заходили и разного рода личности неопределенных занятий, видимо, имевшие веские причины укрыться на время в тайге.

Всех их принимал инструктор общества охотовед-биолог лейтенант Симов.

При знакомстве посетитель обычно начинал красочно расписывать свой охотничий опыт. Когда же разговор касался таежных районов и промысловых зверей, «охотник» смущенно переспрашивал и, наморщив лоб, начинал блуждать глазами по сторонам, припоминая всевозможные рассказы, слышанные им когда-то от таежников. После дополнительных вопросов о повадках лесных обитателей такой посетитель окончательно терял красноречие. Уши у него розовели, и становилось ясно, что он либо никогда не бывал в тайге, либо провел там в увеселительной прогулке несколько дней, постреливая рябчиков.

Так за неделю прошло десятка три «кандидатов», но среди них не оказалось ни одного настоящего таежного охотника. Симов уже стал было терять надежду.

В конце недели в приемную вошли два посетителя. Их обветренные лица и руки, спокойный взгляд, рассчитанная медлительность в движениях внушали доверие.

— Зачем пожаловали? — спросил Симов. — В охотничью бригаду хотите записаться?

— Стало быть, да... — уверенно ответил один из них.

Симов пригласил гостей присесть.

— Ничего... Мы привыкли больше на ногах, — заметил тот же. — Нам бы условия узнать...

— Условия простые: добывать в месяц не меньше тонны мяса, рыбы или на тысячу рублей пушнины, смотря на что будет сезон и разрешение. Добудете больше — того лучше. Самим понятно: время военное, госпиталям и армии продукты нужны...

Охотники присели на краешки стульев и, не сводя с лейтенанта глаз, внимательно слушали.

— С марта по август, — продолжал он, — в запретное для охоты время, каждому установлен месячный оклад. Потом бригада перейдет на сдельщину. Расчет за все добытое будет вестись по государственной цене.

Посетители переглянулись. Затем один из них, закулив самокрутку, поинтересовался количеством разрешений, выданных на отстрел лосей, изюбров и соболей.

Симов ответил. Охотники продолжали нерешительно переглядываться, перебирая в руках свои меховые шапки. Заметив их замешательство, лейтенант добавил, что бригада обеспечивается хлебом, нарезным оружием, патронами и армейским обмундированием.

Это обстоятельство сразу оживило беседу. Охотники удобнее

устроились на стульях, и разговор перешел к системе винтовок.

— Тульские охотничьи карабины слабы, — заметили оба в один голос. Когда же лейтенант сообщил, что пули будут с оболочкой, а заряды бездымного пороха увеличены вдвое, до двух граммов, — они успокоились, придвинулись вплотную к столу лейтенанта и стали отвечать на задаваемые вопросы.

Рослый и широкоплечий Гаврила Данилович Уваров выглядел, несмотря на свой шестидесятипятилетний возраст, крепким человеком. Седина едва тронула его виски, а крепкая атлетическая фигура еще нисколько не ссутулилась. Темно-синие глаза на широком русском лице, ямки в уголках рта и на середине крепкого, гладковыбритого подбородка придавали его лицу выражение прямооты и добродушия.

Прокоп Ильич Рогов, хотя и был двумя годами моложе своего товарища, казался гораздо старше своих лет. Щупловатый и сутулый, он производил впечатление слабосильного человека. И фигурой, и морщинистым скуластым лицом с роговыми очками на остром с горбинкой носу он напоминал хищную птицу. Симов с интересом разглядывал его. Он слышал о Рогове много рассказов как о смелом охотнике и неуловимом браконьере. Встретившись с его холодными, прищуренными глазами, он спросил:

— Сколько сот крупных зверей на вашем счету?

— Да все мои... — уклончиво ответил старик, обнажив ровный ряд крепких белых зубов.

— Я о вас много слышал... Что же, Уваров тоже из Улетовского района?

Рогов утвердительно кивнул головой.

— У нас еще один есть на примете, — добавил он, — Фокей Кондратьич Трохин. Он здесь, в рабочей колонне, армейскую службу несет. Правда, почти глухой, но парень удалый и крепкий, еще сорока нет. А охотник что надо! Таежный человек... Я за него ручаюсь.

Лейтенант обещал похлопотать о переводе Трохина в бригаду и, простившись с охотниками, назначил на завтра встречу для заключения договора.

Приказом командующего Трохин был в тот же день отозван из части и на следующее утро, вместе с Уваровым и Роговым, пришел к лейтенанту.

Получив четыре тульских карабина и к ним четыреста патронов, тонну соли, бочки, неводную дель с веревкой и двухмесячный запас продуктов, охотники уложили все это на грузовой автомобиль и выехали в деревню Новые Ключи.

Надежный ЗИС катил по городским улицам, миновал

пакгаузы товарной станции, заснеженные ряды одноэтажных домиков окраины и, переваливаясь с боку на бок, выбрался на тракт. Мимо проплыли постройки пригородных хозяйств. За ними дорога обогнула большую сопку. Гора как бы сдвинулась с места и, развернувшись боком, заслонила синеющий в морозной дымке город. Грузовик мчался навстречу ветру. Слева тянулись скованные льдом плесы Ингоды, справа — холмистые низины поймы.

По временам грузовик врвался в сосновый лес. Дорога жалась то к сопкам, то к самой кромке обрывистого берега реки, то выходила в широкие долины, спускавшиеся к Ингоде. Здесь, на просторе, встречались деревни. Они тянулись на несколько километров вдоль тракта одной главной улицей.

На полпути, в Улетах, охотники зарегистрировали в районных учреждениях винтовки и разрешения на отстрел зверей. Отдохнув, бригада продолжала свой рейс и к вечеру была на месте.

Деревня Новые Ключи, в двадцать добротных изб за частоколом, поражала своей безлюдностью. А как здесь жили до войны!

Деревня расположена в двухстах километрах от Читы, на берегу Ингоды. За рекой, на юг, по сопкам Борщовочного хребта до самого Онона, раскинулись просторы горной девственной тайги, прорезанной долинами Ушмуна и Джилы, — двух главных правых притоков в верховьях Ингоды. Плодородные земли, просторные луга, строевой лес, кедровники и ягодники, богатейшая охота и рыбная ловля — всем этим богаты ключевские леса. Но мужчины ушли на фронт, а многие женщины — на производство, и опустела тайга. Не слышно в ее дебрях лая зверовых собак и выстрелов. Умолк стук топоров. Притихла деревня. Вернулись к колхозному труду глубокие старики и пожилые женщины. На них да на совсем еще зеленую молодежь легли все хозяйственные заботы.

Охотники остановились на квартире деда Исака. Поговорив с ним о деревенских делах, Симов понял, что на помощь лошадьми нечего рассчитывать ни в Ключах, ни в соседних селениях. Он написал об этом майору, своему начальнику, а шофера попросил еще на словах передать, чтобы лошадей обязательно прислали в мае, с появлением травы.

Вечером Рогов ушел на заимку и привел оттуда свою любимицу и верную помощницу в охоте — огромную белую лайку. Ввалившись с клубами пара в жарко натопленную избу, он представил товарищам своего четвероногого друга.

— Вот мой Батыр... По-бурятски богатырь значит,— пояснил он Симову и тут же стал расхваливать достоинства собаки: — Гляди, какой высокопередый. Спина, как у скакового коня. А лапа! В ком сбита! Неделями бегаёт и усталости не знает!

Батыр действительно был богатырским псом. Рослый, с широкой грудью и с мускулистым легким телом, он казался неутомимым. Клинообразная голова с выпуклым лбом, стоячие уши и умные миндалевидные глаза придавали ему горделивое выражение. Пренебрегая лаской, пес из вежливости обошел и обнюхал всех присутствующих в избе. Никому не оказав предпочтения, он не спеша вышел на середину комнаты, покружился на месте, как это делали его дикие предки, и лег, положив голову на передние лапы.

— Вы думаете, он не понимает, что про него рассказываю? — продолжал Рогов. — Она, тварь, все понимает, только сказать не может. Я уж знаю... Три года назад взял его пятимесячным щенком. Ну, растил, думал, бельчатник выйдет. Он у меня, было, в первый год по белке пошел. Да случись как-то, что косил я сено в тайге. Слышу, Батыр залаял у реки. Выбежал я на берег и глазам не верю: посереде плеса здоровенный сохатый похаживает, а Батыр на другом берегу разрывается, не даёт зверю из воды выйти. Завалил я того лося. С тех пор, как попробовал кобель сохатиной печенки, от него ни один лось не уходит.

— Ну, положим, кое-какие уходят,— возразил Симов, зная,

что иногда встречаются так называемые «отбойные» лоси, которых собаки никакими силами не могут остановить.

— Сам поглядишь... Он черта тебе поставит! А с изюбрами* чего делает? Я сроду не сижу на солонцах. Приду утром, смотрю: ежели бык был и соленой земли наелся — значит и напьется до отвала. Вот по его следу и пускаю собаку. Одним моментом зверя догонит и поставит. Трубку, бывает, не успеешь выкурить, а он уже зовет... Конечно, другим разом приходится побегать, не без того, а все одно панты добудешь. От Батыра и зимой изюбрам отбою нет. Как погонит по снегу, так и гляди куда-нибудь на утес: завсегда зверя на кручу выгонит, и встанет там как окаменелый... Кабаргу на отстой загоняет. Чушку, ежели за ухо ухватит, — никуда не пустит. А с соболем что делает! Все может. Когда мне нужно, и боровую птицу садит, — не унимался Прокоп Ильич.

Товарищи Рогова подтвердили, что Батыр действительно прекрасно работает. Пришлось лейтенанту уступить. В душе он был только рад, что в бригаде оказался такой надежный помощник.

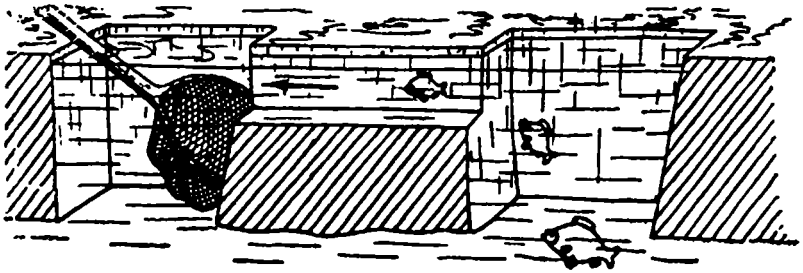
Нависший над деревней морозный туман искрился в холодных лучах восходящего солнца. Серебристый иней оседал на телефонных проводах и ветвях пушистым кружевом. Дорожки, протоптанные по обочинам, припорошило тонким скрипучим снежком. В это морозное утро охотники вышли в тайгу.

Дорогой сибиряки зашли на ближнее лесное озеро. На середине ледяного поля они пробили пешней метровый лед. За время долгой забайкальской зимы отмершие растения загнили подо льдом, и мутная вода издавала тяжелый затхлый дух. Рогов опустил в прорубь лопату и поболтал ею: со дна поднялся ил и вместе с ним десяток карасей. Рыбешки плескались у поверхности и жадно вбирали освеженную воду. Чтобы прорубь не замерзла, ее накрыли хворостом и тростником. За день охотники обошли все ближние озера и продолжили в них десятки прорубей, предупредив этим массовую гибель задыхающейся рыбы.

Под вечер Рогов привел бригаду к продолговатому озеру:

— Здесь крупный карась. Будем ловить.

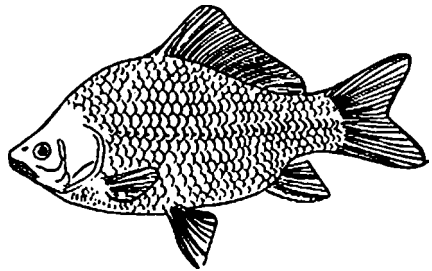
* В Забайкалье обитают олени-маралы, несколько крупнее алтайских. Местные охотники называют их изюбрами. Собственно изюбры обитают в бассейне Амура и в Северном Китае. В этой книге забайкальские маралы названы общепринятым для тех мест названием — изюбры.

Поперечный разрез двух прорубей, соединенных канавой.

Выйдя на лед, он наметил пешней, на расстоянии трех метров, две проруби, а между ними канаву. Охотники дружно взялись за работу и вскоре продолбили во льду канаву в полметра глубиной, а по краям ее две проруби. Затхлая вода, выйдя из проруби, наполнила канаву. Рогов погнал лопатой воду из одной проруби в другую. Прошло несколько минут, и искусственным течением вынесло в канаву плаунца. Жук всплыл наверх и выставил наружу конец брюшка. За ним всплыла лягушка. Причудливо расставив лапки и шевеля ими, она старалась преодолеть течение. Рядом с ней появилась зеленовато-серебристая спина с большим плавником и сильно зазубренным передним лучом. Это поднялся крупный серебристый карась — обычный обитатель Амура и его притоков. От золотого карася он отличался серебристой окраской и удлинненным телом. Прошла минута, и показался еще такой же карась, потом сразу несколько. Рыбы раскрытыми ртами глотали воздух и, войдя в канаву, направлялись по течению ко второй проруби, где Трохин преграждал им путь сачком.

За два часа он выбросил на лед полторы сотни килограммовых карасей. На этом ход рыбы прекратился. Сибиряки объяснили это тем, что крупная рыба уже частично задохлась подо льдом.

Серебристый карась.

— Другим разом тонну начерпаешь! — говорили они.

Пересыпав рыбу снегом и прикрыв ее хворостом, бригада отправилась в лес. Вскоре в вечерних сумерках, на небольшой поляне, среди молодой сосновой заросли, запылал яркий костер, зашипели на углях распластанные караси, шумела в котле закипающая уха. Когда Уваров объявил, что «шарба» — уха без овощей — готова, притихшие, было, охотники зашевелились. Поварешка обошла всех, и каждый склонился над своей посудой, прихлебывая на крепком морозе обжигающую наваристую уху.

На другой день было решено, что Симов и Уваров отнесут улов в деревню, а Рогов и Трохин, как лучшие охотники и следопыты, перебросят весь скарб отряда на Джилу, к устью речки Пасной, и заодно разведдают ее долину.

Протившись с товарищами, огромный Гаврила Данилыч легко поднял на спину мешок, почти доверху наполненный рыбой, и, нисколько не ссутулившись, быстро зашагал. Симов тоже взвалил на плечо свою ношу и последовал за ним. Спустя несколько минут он почувствовал, что такой темп ходьбы ему не выдержать: на первом же километре сердце сильно забилося, одышка перехватила дыхание. Напрягая силы, он старался не отставать, но усталость одолевала. С каждой минутой движения становились медленнее, шаги короче. Чувство стыда перед стариком охватило его. «Почти втрое старше и впятеро сильнее...» — подумал он про Гаврилу Данилыча.

К счастью, на устье Джилы Уваров присел отдохнуть. Симов подошел к нему, постоял с мешком на плечах и, как бы нехотя, сбросил его на землю, стараясь всем видом показать, что он вполне может идти дальше. Но его учащенное дыхание и мокрый лоб не ускользнули от внимания старого охотника. Уваров лукаво взглянул на молодого товарища, набил трубку, раскурил ее и предался воспоминаниям о днях своей молодости.

Неожиданно с ближнего утеса послышался лай собаки.

— Ну, паря, никак Батыр глухаря посадил или зверя поставил, — сказал старик.

Симов приподнялся.

— Погоди малость, не торопись. Может, сейчас Прокоп там грохнет...

Оба товарища прислушались. Собака продолжала лаять на одном месте, где-то высоко на утесе.

Прошло несколько минут. Решив, что Трохин и Рогов ушли далеко вверх по Джиле и не слышат призыва собаки, громоздкий Уваров, кряхтя, поднялся и направился на лай. Симов тем

временем вышел по косогору к вершине сопки, одна сторона которой стометровым обрывом нависла над рекой.

Лай раздавался все громче. Вскоре Симов увидел на краю обрыва собаку.

С приближением охотника Батыр замолк и, нетерпеливо перебегая с места на место, стал заглядывать вниз. Осторожно переступая и цепляясь за каменные выступы, Симов подошел к краю и наклонился над пропастью. Вправо от себя, совсем рядом, на крошечной скальной площадке, он увидел небольшое темно-серое животное. Первое, что бросилось в глаза, — это козья мордочка с большими стоячими ушами, как у породистой лайки, и светлая грудка, испещренная двумя рядами белых полос. Это была кабарга-самка — самый маленький представитель семейства оленей, обитающих в горах Алтая и восточнее Енисея, до Приморского края. Удивительно грациозна была эта миниатюрная «козочка», уверенно стоявшая над обрывом и спокойно смотревшая в глаза своему врагу. Поражала ловкость, с которой перепрыгнула она три метра над головокружительной пропастью и точно встала всеми четырьмя ножками на выступ в ладонь величиной.

Налюбовавшись вдоволь красивым животным, Симов выбрался наверх, взял собаку на сворку и отправился с ней вниз. Батыр упрямылся, натягивал поводок. Ошейник напознал на голову собаки, топорща ее пышный меховой воротник.

Когда они подошли к Уварову, тот спросил:

— Ну, что? Поди, самка? — И, не дождавшись ответа, добавил: — Самцов-то мы с Прокопом еще в декабре побрали, во время гона, когда у них мускусные пупки большие были.

— Давай посмотрим, как кабарожка с отстоя выскочит, — предложил Симов. Уваров охотно согласился. Товарищи перешли Джилу и спрятались за молодой сосной.

На расстоянии двухсот метров кабарга настолько сливалась с серым фоном скалы, что стала почти незаметной.

Не прекращая наблюдения, охотники раскурили трубки. За это время кабарожка успокоилась и неожиданно поднялась на дыбки. Стоя на задних ножках, спиной к пропасти, а передними переступая по вертикальной стене, она повернулась и легко прыгнула на карниз. Затем по каменным уступам вышла наверх, осмотрелась и рысцей побежала к густому лиственничному лесу на северном склоне долины.

Спустя два дня охотники двинулись дальше. Идти пришлось по скованному льдом руслу Джилы. На мелких перекатах река замерзала много раз до дна. Запруженный поток шел поперек

льда, сносил сугробы и снова застывал. Как выжались старики, река кипела и становилась наледи. По ледяной дороге идти было легко и не опасно.

Сноровкой покорять пространство забайкальцы владели в совершенстве. Размеренный шаг их был рассчитан на сотни километров. Как бурлаки, подавшись под тяжестью котомок, вперед грудью, они шли молча, и в морозной тишине дружно поскрипывал единый шаг людей. Незаметно проходили часы, позади оставались десятки километров. Когда кто-нибудь сбавлял шаг и нарушался общий ритм, товарищи присаживались отдохнуть. Сибиряки раскуривали носогрейки. Симов записывал дневные наблюдения: как изменялся лес, где и какие встречались птицы, звери...

Белка у своего «гайна».

За каждым поворотом реки перед охотниками все шире раскрывались картины горной девственной тайги. По крутым южным склонам — «увалам» встречались осыпи камней и скалы. Обширные поляны чередовались с березово-сосновым лесом. На ярком солнце искрились сугробы снега, и изумрудный полог бора казался кружевным.

Здесь, на опушке, с осени был урожай сосновой шишки, поэтому на корм собралось много белок. На высоких лиственницах часто чернели «гайна» — беличьи гнезда, похожие на сорочиные. Зверьки отлично перезимовали и в солнечные дни подолгу бегали по лесу, подыскивая себе пару.

Среди молодого сосняка и осинника встречались многочислен-

ные заячьи тропы. Охотясь на зайцев, рябчиков и глухарей, сюда часто наведывались рыси и россомахи.

На увалах и по солнечным опушкам синели снежные надувы, взрытые табунками изюбров, выходявших пастись на горные лужайки. На северных склонах — в «сиверах» — мрачнели обомшелые базальтовые глыбы и стоял темный лиственничный древостой с густым подлеском сибирского багульника — даурского рододендрона. Здесь было царство кабарги. Эти небольшие животные предпочитали одиночество. В непроходимых зарослях они в избытке находили свой любимый корм — лишайники, а среди скал — защиту от врагов. За склонами долины теснились горные отроги. А за ними, в забайкальском синем небе, виднелись пунцовые вершины дальних сопок — крайних форпостов намеченной охотниками цели.

По мере продвижения вверх по Джиле долина реки и распадки ее притоков становились шире, а склоны ниже и положе.

В широких падах чернели заросли «ерника» — кустарниковой карликовой березы. На увалах, южных склонах, росли густые сосняки. Местами по низинам стояли хмурые пихтарники, а по сиверам по-прежнему частила лиственничная тайга. Следы изюбров в таких местах встречались редко. Их сменили следы лосей.

В верховье реки на склонах появились кедры. За ними, выше — редколесье, сухостой, завалы камня, кедровый стланик и, наконец, на высоте полутора километров, — гольцы. Здесь обитали белки, соболи и сеноставки.

На третий день пути охотники достигли соболиных урочищ. В затишье из елового лапника был сделан односкатный балаган, запасены дрова, пробита прорубь.

Костер у балагана едва тлел. Под навесом лежали рюкзаки и котелки. Стоянка пустовала. Все разошлись по ближним склонам.

Симов отправился вверх по Шепшулте. За первым поворотом речки его внимание привлек небольшой бурый зверек величиной с котенка. Пушистый, но в то же время гибкий, соболь ловко прошел прыжками по бурелому и каменистым осыпям. Зверек вскочил на пень, перебежал вдоль по колодине и скрылся в буреломе. Его парный следок замысловатой стежкой шел по опушке верхом, то уходил порой под снег.

Свернув по ключу в смежную падь, Симов встретил след другого соболя, по-видимому, старого, отяжелевшего. В отличие от первого, этот зверек ходил короткими полуметровыми прыжками, придерживаясь каменистых осыпей. Следы его часто терялись в расщелинах и под камнями. Под вечер охотник вышел по

Соболь.

следу на каменистый склон, поросший кедровым стлаником. Здесь соболь столько напетлял, что Симов запутался в его следах. Сделав большой круг, он снова обнаружил знакомый след и по нему пришел к поваленному кедру. Под ним скрывалась норка с обледенелыми стенками. К норке сходились разной давности следы.

Стустились сумерки. Симов спустился по ключу к Шепшulte и вернулся на стан. Сибиряки уже собрались у костра.

— Так вот, товарищи, — сказал лейтенант, подсаживаясь к очагу, — сегодня посмотрел я, как ваши соболи живут. Придется нам делом заняться и посчитать их.

— Пустое дело, — пренебрежительно заметил Рогов, — черт их сочтет... Нешто мы пришли сюда лесную бухгалтерию заводить? От счета зверя не прибудет... — закончил он и испытующе взглянул на лейтенанта.

Симов будто и не слышал этих слов и продолжал рассказывать, что видел днем и как придется проводить учет зверей.

— От этого учета зависит план осеннего отстрела соболей. Ведь гон у них проходит летом и срок беременности — 9 месяцев, а соболюшки только в двухлетнем возрасте и старше приносят в среднем трех щенят. Стало быть, из ста зверей можно до-

быть не больше трех десятков, иначе соболь снова пойдет на убыль.

Уваров живо заметил:

— Чудно! Мала зверюшка, а носит, что лосиха, — девять месяцев... А все же добро-то соболей в тайге прибавилось. Ты помнишь, чтоб они на устьях речек выходили? — обратился он к Рогову.

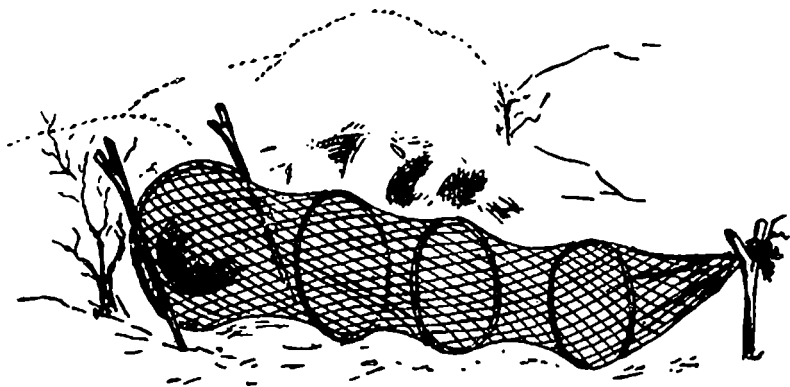
— Я сорок лет зверую по тайге и этого зверька раньше только в гольцах промыслял, — ответил Рогов. — Видно, запрет охоты пошел на пользу. Теперь в каждом ключе по соболу живет, это верно. Здесь осенью с Батыром можно десятки их добыть.

— А разве без собаки нельзя? — осведомился Симов.

— Пошто нельзя? Поймать можно капканом и кулемкой. Можно стропить и самому. Вот как тебе нынче далось, — продолжал Рогов. — Будь с тобой рукавчик — растянутая на деревянных кольцах сеть в рукав величиной, — поставил бы ее открытым горлом к норке, а сам через щели меж камней пошуровал палкой, ан смотришь — и вскочил бы соболь в сеть.

Поговорив о соболях, сибиряк стал рассказывать о разных случаях из таежной жизни:

— У нас здесь лоси ходят по два-три вместе. Держатся они низинных мест: в ключах, по старым гарям занимают небольшой район в 5—10 километров. В таких местах они обламывают по-

Рукавчик на соболя, поставленный у норы.

беги молодых осин, берез, рябин и ив. Едят сосновую хвою, обципывают кустики брусники, таволги и голубики. Наш сохатый и летом ветки ест, хотя кругом полно травы. Потом на солонцовые болота ходит, за раз съедает по пуду соленой грязи. Изюбры — те по-другому. Ходят они табунами до десяти голов, живут в горах, по крутым южным склонам — увалам. Зимой, как и сохатые, ломают много веток, но и траву едят, а в сиверах — лишайники.

Узнал Симов от стариков, что забайкальские сохатые теряют рога в январе и в феврале, что росомаха сильна, как небольшой медведь, и с ней не могут сладить даже две собаки, что по увалам встречается кабан, и подходить к нему нужно только тогда, когда он роет землю и вертит хвостом. Если хвост замер — и ты замри: кабан насторожился.

В свою очередь и Симов рассказал товарищам много такого, о чем они не знали. Таежники слушали с интересом. Глуховатый Фока подставлял ухо чуть не к самому лицу лейтенанта. Чего он недопонимал, Рогов растолковывал ему жестами: старые приятели умели отлично сговариваться друг с другом.

Много повидали на своем веку охотники, до тонкости знали нрав таежных зверей и птиц, а вот чем вызваны те или иные их повадки — объяснить не умели.

Здесь, у вечернего костра, они узнали от Симова, что лоси, изюбры и другие травоядные потому падки так на соль, что в растительных кормах ее очень немного, значительно меньше, чем требуется животным, что бурундук во время зимней спячки настолько остывает, что жизнь едва теплится в нем, а в сильные морозы, когда промерзнет его норка, он просыпается, ест запасенные орехи, согревается таким путем и снова засыпает.

В иной год зайцы и полевки обильно размножаются, а порою, в голодный год, слабеют и почти поголовно вымирают. Это сказывается на благополучии и численности многих животных тайги. Когда мало полевков, ценные пушные звери — лисицы, колонки и горностаи — голодают. Если же нет зайцев, то росомаха, волк и рысь сильнее преследуют оленя, косулю, кабаргу и боровую птицу.

Рыхлый и глубокий снег в лесу мешает расселяться по тайге волкам, лисицам и косулям. Зато в малоснежную холодную зиму худо приходится глухарям, косачам и рябчикам: ночью не в снегу, а на земле, они отмораживают себе зоб, набитый мерзлой почкой и хвоей, а весной, если во время кладки нагрянут сильные морозы, — гибнут их яйца. В такой год боровая птица почти полностью исчезает.

С особым интересом слушали сибиряки рассказ о том, как зайца-русака расселяли по Сибири. Не мог преодолеть заяц уральские леса, пришлось завозить его на поезде и самолете. Норка, небольшой ценный зверек, прижилась на речке Чикое, а вот на Джиле не может жить, так как по этой речке зимой нет полыней.

О многом говорилось в долгие вечера у костра. Но, конечно, больше всего о войне, которая гремела в те тяжелые дни на Западе, за семь тысяч километров от охотничьего табора, в долине Шепшулты.

За две недели охотники исходили все северные пади Улурийского гольца. Повсюду им встречались соболиные следы. По ним они учитывали соболей окладом на пробных площадях. Делалось это так: охотники по гривам обходили пади в 5—10 квадратных километров и, считая все входные и выходные соболиные следы, определяли количество зверьков на этой площади. Было замечено, что один соболь занимает площадь примерно в 4—5 квадратных километров и что на этой площади пересечешь семь-восемь раз следы зверька.

В начале марта морозы сдали. Днем солнце заметно стало пригревать, растапливая занастивший снег. На южных склонах появились проталины. Охотники выпаливали на них сухую прошлогоднюю траву, расчищали олени солонцы.

На Пасной охотники на несколько дней задержались, чтобы пополнить свои запасы рыбой и боровой птицей.

Пасная, последний правый приток Джилы, — небольшая речка в три метра шириной. В ее глубокой, с крутыми склонами, долине обитали изюбры, косули, кабарги. С утра Рогов отправился на разведку и на южном склоне, на высоте полукилометра, обнаружил следы парных копыт. Тут же виднелся свежий черный помет изюбров, по форме и размерам схожий с желудями. Следы тянулись по опушке с неглубоким снегом и проталинами.

Выбрав большую поляну с проталиной, опытный охотник обошел ее кругом. Поляна со всех сторон была окружена завалами камней и снежными лощинами. Убедившись в том, что она хорошо изолирована от леса и огонь не сможет перекинуться на деревья, он спустился вниз и поджег траву.

Пламя с шипением поползло вверх, в гору, оставив за собой черную полосу с дымящимися головешками. По краю лужайки,

в куртинах ерника — карликовой березы, перевитой визилем, — завивался густой дым, прорезанный огненными языками. Но снежные сугробы останавливали огонь. Пламя спадало и гасло. Когда выгорела вся трава, Рогов вышел на середину выжженной лужайки и очистил от дерна площадку в пять квадратных метров. На ней он пробил в земле с десятков углублений размером 10 на 5 сантиметров. Всю эту площадь и ямки он обильно засыпал поваренной солью.

На таком выпаленном южном склоне, раньше чем на других местах, вырастает пышный травостой, который привлекает оленей. На солонцовом же участке трава не растет. Пасущиеся здесь олени и косули замечают голое место, подходят к нему и пробуют лизать. Обнаружив солонец, животные посещают его уже регулярно. По их следам отыскивают солонец и другие травоядные, обитающие поблизости.

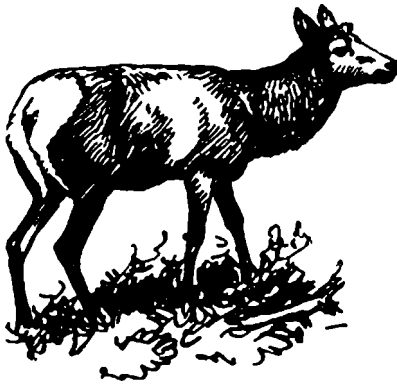
За день Рогов обошел всю долину. В березняке он вспугнул четырех косуль: три из них были самочки, а четвертый — самец с молодыми рожками, покрытыми бархатистым рыжеватым мехом.

Изюбров выследить не удалось. На вершине долины они забрели в густую заросль и залегли на дневку. Бесшумно к ним не подойти. Но соблазн был велик. Старый браконьер, забыв про уговор с лейтенантом, про все охотничьи законы и про то, что он вышел только на разведку, вернулся на оленью пастбище. Здесь, на опушке, где сходились три тропы, он соорудил из соенок засаду.

Ждать пришлось недолго. С закатом солнца на опушке бора появился весь табунок изюбров. Впереди шли три прошлогодних теленка, за ними две самки и самец. Десятимесячные телята, величиной с косулю, не превышали метра. Бык уже сбросил рога и отличался от самки мощной гривастой шеей и яркой окраской. Туловище его было пепельно-серым, с соломенным оттенком, голова, шея и ноги — бурых и темно-бурых тонов. Вокруг короткого хвоста и в промежности выделялось «зеркальце» — светлое пятно серо-песочного оттенка. Такая покровительственная окраска хорошо скрывала изюбров на фоне пожелтевшей травы и оголенных деревьев и кустарников.

В сумерках олени появились у выжженной лужайки. Более осторожный бык вернулся в лес. Коровы постояли перед свежей гарью, а затем, не пугаясь дымящихся головешек, перешли через них.

Тем временем Фока, в поисках пернатой дичи, наткнулся на перевернутые медведем каменные плиты и ямки от вырытых им

Изюбр, сбросивший рога.

саранок — луковиц горных лилий — и решил здесь подкараулить зверя. Оглядев увал, он выбрал место для засидки на опушке молодого осинника, среди нагроможденных каменных глыб, и, расположившись поудобней, стал ждать медведя.

Когда Фока перевел свой острый взгляд на противоположную сторону долины, то увидел в полукилометре от себя табунок из четырех косуль. Медведь был забыт. Охотничьи вожделения Фоки устремились к косулям. Терпеливо выжидая, когда они, кормясь, перейдут на увал, Фока из-за своей глухоты не слышал, как невдалеке прогремело подряд два

выстрела. И там, в долине, стельная корова-изюбриха и ее прошлогодний теленок, припадая к земле простреленной грудью, в предсмертных судорогах скатились с крутого косогора.

Косули, тревожно вскинув головы, замерли в минутном ожидании. Но, успокоившись, они снова пошли между кустами багульника, ошипывая набухшие почки и лиловые бутоны цветов. Подняв винтовку, Фока не спеша выстрелил три раза подряд. Торопливость была не к чему: перекатистое эхо не позволяло животным определить местонахождение охотника, и они растерянно стояли на месте.

После каждого выстрела одна из косуль делала несколько прыжков в сторону и падала. Табунок шараялся от нее и останавливался.

Снова сухо щелкала винтовка, и от табуна отскакивала и падала очередная жертва. Только одной косуле удалось скрыться в кустах.

Уваров с Симовым в этот день поймали несколько десятков щук. Накануне в старой протоке Джилы они пробили прорубь и, отступив на полметра, выдолбили вокруг нее во льду кольцевую полуметровую канаву. Ледяной вал между канавой и прорубью в одном месте был продолблен, и получился суживающийся коридор в 10 сантиметров со стороны канавы и в 70 сантиметров со

стороны проруби. Ночью шуки из проруби зашли через ворота в канаву и кружили по ней, пока охотники не выловили их сачком. На Джиле они провели два дня.

Возвратившись к устью Пасной, Симов издали увидел на таборе висевшие туши крупных животных. Подойдя ближе, он определил тушу изюбрихи. Рядом с ней висел прошлогодний теленок. Тут же, через колодину, были перекинуты такие же по размеру три туши косуль.

Симов подошел к товарищам.

— Кто убил изюбриху с телком?

— Я убил, — сплевывая сквозь зубы, процедил Рогов.

— Для кого же я говорил, что оленей и косуль сейчас стрелять запрещено?

— А кто в лесу узнает? — спокойно ответил Рогов. — Головы здесь уничтожим, шкуры в лесу упрячем, а мясо в бочки заколотим. Вот и порядок! Никакой контроль не дознается...

— Нет, дознается, — хотел было припугнуть его Симов.

— Все одно: не родился еще такой, чтоб я его боялся.

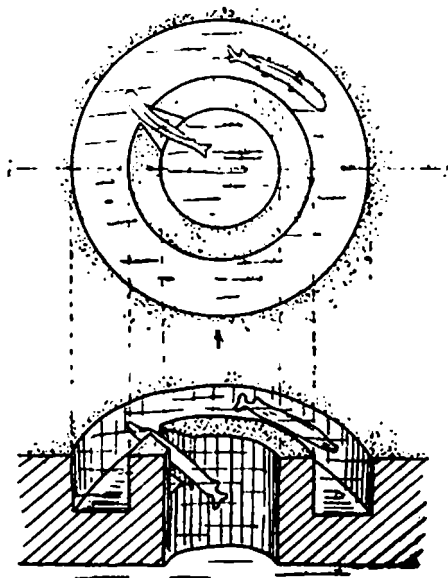
От спокойного тона старика лейтенант растерялся, но тут же, едва сдерживая ярость, сказал:

— Охотничья совесть твоя где? Взяли тебя за смелость, за уменье, за эти твои достоинства. Так вот, знай, где применять их... А стрелять зверей сейчас, в неположенное время я запрещаю! Если это повторится — отдам под суд тебя и Фоку. Запомните это раз навсегда.

Услышав такое вместо похвалы, Рогов оторопел.

— Да вы что? Рябчиков да косачей добывать собираетесь? Так мы не то, чтоб город накормить, а сами сдохнем с голоду...

Старик не на шутку рассердился. Будучи стра-

Прорубь с кольцевой канавой.
Вид сверху и сбоку (разрез).

стным охотником, считавшим вывозку мяса последним делом, он в тот же вечер первым вызвался идти в деревню за лошадьё и, бросив карабин, ушел.

Разделявая туши убитых животных, Симов обратил внимание на то, что кожа старой косули часто продырявлена, будто прострелена дробью. Свищи эти образовали готовые к выходу личинки кожного овода. Симов насчитал 247 темно-бурых личинок, разместившихся одна около другой на спине и на крупе старой косули.

— Видали? — сказал он Уварову и Фоке. Весной даже шкура косули ни на что не годна...

У изюбров и молодых косуль, рожденных в мае прошлого года, личинок под кожей не было. Эти наблюдения говорили о том, что лёт кожных оводов и откладывание ими яиц происходят до рождения молодых косулят. То, что их не было у изюбров, подтверждало мнение об известной «специализации» кожных оводов.

Иначе ведет себя носовой овод. У всех убитых животных, независимо от возраста и вида, в носовой полости и в носоглотке оказалось по полтора-два десятка янтарно-желтых личинок не более одного сантиметра длиной. Этот овод причиняет диким животным еще больше вреда: накапливаясь в носоглотке в большом количестве, личинки его иногда приводят к потере слуха и обоняния у животного. Недаром наблюдательным охотникам известно, что весной лоси, изюбры и косули глохнут.

По совету Фоки, Симов отправился в долину смежной речки на глухариный ток.

Ранним утром, едва солнце обласкало вершины сопок, он вышел к устью Ягодной. Широкая долина этого небольшого потока была известна старой гарью. За двадцать лет по ее южным склонам поднялся сосновый лес-брусничник. Низины заросли ольхой, черемухой и ивой. Местами разрослись куртины ерника, а между ними остались обширные поляны.

С ближнего склона, заваленного обгоревшими стволами, из зарослей молодых сосен доносилось ритмичное пощелкивание, напоминающее бесконечно повторяющиеся четырехкратные слоги «тек-тек-тек-тек...». Это токовал каменный глухарь. До него было не больше полукилометра. Глухари токуют очень тихо. Несмотря на небольшое расстояние, голос этой самой крупной таежной птицы, достигающей четырех килограммов веса, был едва слышен.

Определив место токовища и прикинув путь незаметного подхода, Симов стал осторожно подниматься на гриву. Из-за нее доносилось несколько глухариных голосов. Особенно азартно пел

ближний петух. Невдалеке, справа, вторил ему другой, за ним третий... Отвечали петухи и слева и дальше — на соседней гриве.

Симов, маскируясь теневой опушкой, стал пробираться к гари. Под его ногами захрустел снег. Ближний петух насторожился: защелкал с интервалами в две-три секунды, затем еще реже, и смолк. Сидевшая с ним на валежине глухарка заклохотала и слетела на землю. Петух побежал к ней и скрылся в чаще.

Было восемь часов утра. Солнце пригревало и ярко освещало долину, а глухари все продолжали токовать. Некоторые петухи сближались друг с другом, и тогда вместо песни доносилось хлопанье крыльев. Симов прислушался, достал коробок спичек, перепоясал его ниточкой и, продев в нее спичку, стал перебирать спичку пальцами, подражая песне глухаря. Ближний петух через несколько минут вышел на опушку. Его иссиня-черная голова и грудь были приподняты, а темно-бурые крылья с белыми пестринками на плечах оттопырены книзу. Маховыми перьями он чертил по земле. Темно-бурый хвост глухаря был приподнят кверху и развернут веером. По временам он вздрагивал в такт песне.

В отличие от европейского, каменный глухарь воспроизводил лишь первое колено песни — «теканье». Второе колено — «точение», во время которого его западные сородичи гложут и позволяют охотнику подбегать на выстрел, у него отсутствовало. Поэтому едва только Симов шевельнулся, как глухарь сразу же насторожился. Но в это время раздался выстрел. Все глухари в распадке на несколько минут смолкли.

Токующий каменный глухарь.

С закатом солнца, настроив глухарей, Симов по пути к стану вышел на край поляны. Неожиданно на другой стороне, в нескольких десятках шагов от себя, он увидел припавшего к земле огромного медведя; зверь услышал шаги охотника и, затаившись, приготовился к нападению. Симов замер. В одно мгновение у него пересохло во рту и перехватило дыхание. Лоб покрылся холодной испариной. Медведь приподнял косматую широколобую голову и, разобравшись, что перед ним не олень, а самый страшный его противник — человек, сердито рывкнул и в одно мгновение исчез в чаще.

Симов сразу почувствовал страшную слабость. От своей нерешительности он пришел в отчаяние.

«Упустил такой случай...» — прошептал он и, едва передвигая ногами, направился к Джиле.

Поздно вечером, усталый, он подходил к табору. У костра сидели старики, толковали о чем-то, и до Симова донесся обрывок фразы: «... навязался на шею». Он стал за ель и прислушался. Зло говорил Рогов:

...навязался на шею, паразит. Изюбров бить нельзя, ко-суль тоже!.. Все мясо собирается в город отправлять. Я убил, и я же спрашивай, можно ли кусочек отрезать... Как собакам, голову и печенку отдает. Я не потерплю этого! Всю жизнь был вольным, а тут на старости довелось... тобой понукают... «Запрещаю». И кто? Молокосос... Доведет он меня! Да, пожалуй, он сам закружит в лесу, так — убей на месте! — искать не пойду. Нам с него все одно проку мало. Сожрет мяса больше, чем добудет. Не будь его, мы бы в сельпо, братану моему, пару сохатых сбыли! Вот-те — по кулю хлеба получай! И деньжатами не обидел бы. А тут, на тебе — полкило, бейся!..»

Огромный Уваров, слушая приятеля, кивал головой и изредка поддакивал.

Глухой Фока сидел против стариков и, не слыша их сдержанного разговора, но зная, о чем он идет, безучастно поглядывал в сторону большими, всегда печальными глазами, обдумывая какую-то свою мысль. Вдруг он резко повернулся к товарищам и, перебив говорившего на полуслове, вклинился в разговор.

— А я вам скажу прямо, что «контру» начинать нечего. Его винить не за что. Своим последним пайком с нами делится. Парень он «дошлый». По-своему не «грезит», у вас же, чертей старых, спрашивает, что к чему и как лучше... Не он запретил и не ему разрешать бить сейчас зверей. На то охотничий закон есть! Ленин еще подписывал! Ждать нам недолго осталось. На июнь нам пять разрешений на пантачей дадено? Дадено... Вот добу-

дешь — тогда зверины и нажрешься. И зимой можно ладно лосей добывать, будет тогда мясо и городу, и нам.

— А сейчас голодному таскаться? Зверей беречь, а себя гробить? Нешто она, тайга, обеднеет, ежели одного изюбра убьешь?

— Таких, как мы, тысячи. Вот и гляди: каждый по зверю убьет — и опустеет лес. Захочешь в хребет съездить, зверя добыть, сунешься — а его нет...

— Новые подойдут. Тайга, она большая... Отцы наши и деды всех подряд били? Били! И не перебили зверей. И нам их никогда не перебить. Мне майор прямо сказал: насчет охоты все берите на свое усмотрение. Сейчас война, зверей не время беречь. Люди на фронте, эвон, каждый день как пропадают. Так что нечего нам слушать молокососа.

От этих слов Симова охватила ярость. Он хотел рвануться к костру и отчитать старика. Но последние слова старика остановили его. «Верно, что молокосос. Упустил из рук медведя...» — подумал он. «Да и что сделаешь окриком, если авторитета нет...» — с горечью продолжал размышлять Симов. И он, нарочно треща валежником, вышел к костру. Разговор сразу прекратился.

Симов подошел, поприветствовал товарищей и скинул с себя котомку. Из нее он вытряхнул четырех глухарей, предложив Уварову ощипать одного к ужину. Затем подсел к очагу, расспросил, где кто был и что видел, и сам рассказал, как он упустил медведя.

Рогов презрительно ухмыльнулся.

Симов ждал этого и поспешил ему ответить:

— Вот погоди. Освоюсь с тайгой — и медведя возьму, и тебя в добыче обгоню.

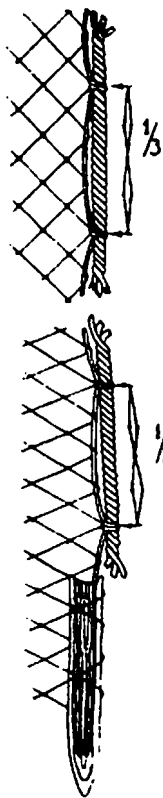
Он сказал это настолько уверенно, что старик не нашел ответа и только отвел глаза, стараясь не встречаться с пристальным взглядом лейтенанта.

За охотой и рыбной ловлей незаметно наступила вторая половина апреля, а вместе с ней пришла и забайкальская весна.

Солнце стало заметно пригревать, сгоняя остатки снега. Прилетевшие огори* разбились на пары и, высматривая места для гнездовья, закружились над утесами, оглашая долину Джины криками. «Коу-коу-кrrrr-коу», — разносилось по распадкам.

Развернулись на деревьях глянцево-липкие листочки. В на-

* Огоря — красную утку — забайкальские охотники неправильно называют турпаном. Турпаны — крупные морские нырковые утки, черного и темно-бурого цвета.

Посадка невода
на $\frac{1}{3}$ и на $\frac{1}{2}$

рядную позолоту и серебро оделись ивы. На южных склонах показались синие бутоны «ургуя» — сон-травы.

Зашумели овраги, а поверх крепко скованных льдом речек понесся весенний «свежун» — мутный поток талых вод.

В такой лучезарный день охотники вернулись из тайги и занялись подготовкой к рыбной ловле. Пока медлительный Уваров кроил дель и шивал из нее пятидесятиметровый невод, Рогов и Трохин сколачивали лодку. Остругав три пятиметровые доски до полуторасантиметровой толщины и тридцати сантиметров ширины, сбили из них дно. Для этого доски заклинили между упорами в бревнах, а затем на козлах дну придали изгиб, а борта обшили досками. Получилась легкая плоскодонная лодка в пять метров длины и метр ширины, грузоподъемностью около тонны.

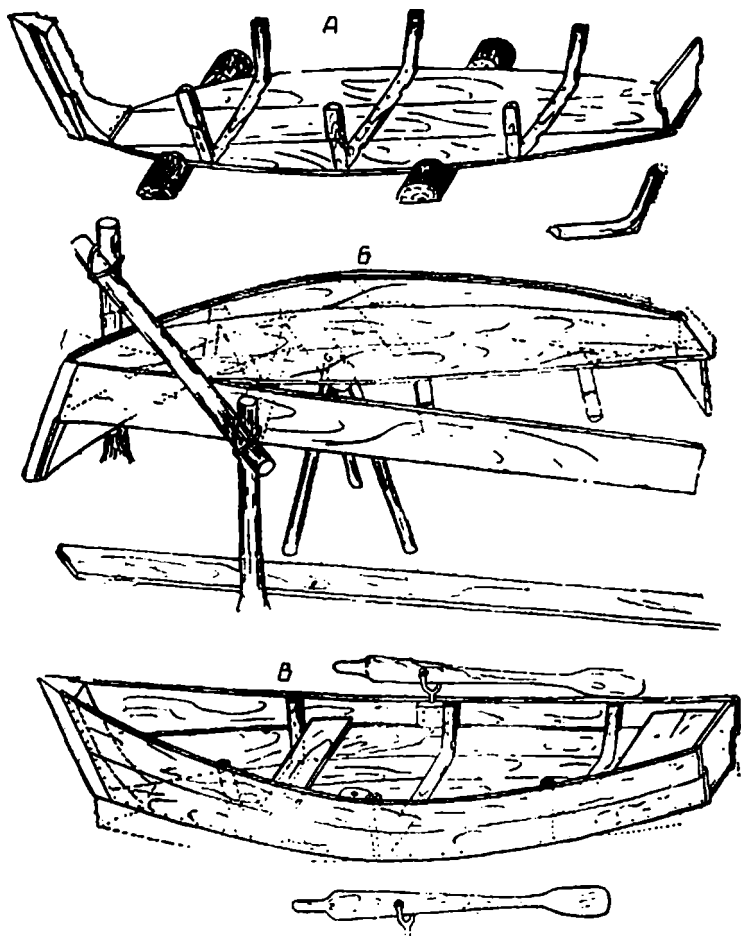
Каждое весло вращалось на стальной вилкообразной уключине, которая укреплялась болтом на середине весла, а штырьком вставлялась в стальную трубку, заколоченную в деревянную подушку, прибитую к борту.

Закончив плотничьи работы, охотники законопатили паклей щели и, заварив их смолой, спустили лодку на воду. Лодка оказалась отличной, водонепроницаемой.

Через три дня был сшит и «посажен» невод. Он отличался от симметричного озерного невода разной длиной крыльев. Одно береговое — в 15 метров — было в два раза короче «морского, «бежного» крыла.

«Садилась» крылья «на одну треть»; на длину двух растянутых ячеек, отмеченную на шнуре, нанизывалось три ячейки, которые привязывались к тетиве — бечевке в палец толщиной. У горла мотни садилось по четыре ячеи — «посадка на половину», — как у ставных сетей.

В горле мотни высота невода не превышала трех метров. Нижняя тетива, загруженная через каждый метр пятидесятиграммовыми гайками, не представляла чрезмерного груза для рыболовов. Верхняя тетива была оснащена небольшими наплава-

Лодка-плоскодонка: А — сборка дна, Б — прогиб дна и обшивка боков, В — готовая лодка.

ми — дощечками в ладонь величиной, привязанными одна от другой на расстоянии полуметра. К мотне над горлом был привязан «маточный наплав», сбитый из досок. На конце мотни крепилось грузило — железная пластина в ладонь величиной. Все это делало снасть сравнительно легкой, удобной и сильной для охотников для ловли рыбы на быстрых речных перекатах.

Таймень — крупный пресноводный лосось, достигающий тридцати килограммов веса. Обитает он во всех горных с быстрым течением реках Сибири (кроме Колымы). Водится в Зайсане и в Байкале. Удлиненное тело тайменя покрыто мелкой серо-стальной чешуей с зеленоватым оттенком на спине и красноватым на боках. Прианальный и хвостовые плавники красного цвета. Приплюснутая с боков пятнистая голова имеет огромную пасть с крепкими зубами, расположенными на челюстях, нёбе и языке.

Весной таймени поднимаются к верховьям речек с холодной ключевой водой, где в конце мая мечут икру. Осенью рыбы спускаются вниз и зимуют в глубоких ямах больших рек.

Перед ледоходом, как только у берегов образуются проталины и полыньи, таймени идут вверх по реке. Они придерживаются береговых затонков, чистых ото льда. Здесь этого хищника легко поймать на донную удочку с наживленным налимом. Зная эту повадку тайменя, Уваров наловил на червя мелких налимов и всех их использовал на наживу.

Расщепленной палочкой он протаскивал веревочный поводок от крючка через туловище налима. Вытащив поводок наружу через заднепроходное отверстие рыбки, он конец его привязывал к длинному трехмиллиметровому шнуру. Здесь же привязывался килограммовый камень. Укрепив конец снасти на берегу, рыболов забрасывал другой, с наживой и камнем, в глубину затонка.

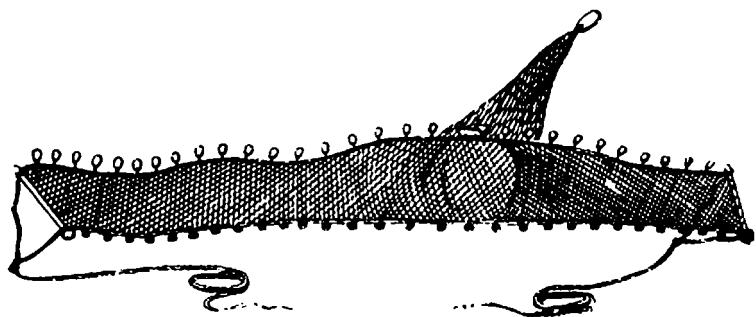
На следующий день утром Уваров и Симов отправились проверить «закидушки».

Первая снасть была срезана продвинувшейся за ночь льдиной. Вторая, поставленная рядом, уцелела и натянулась, как струна.

— Сидит... — таинственно прошептал Уваров.

Симов взялся за шнур и почувствовал, что на другом конце ходит большая рыба.

— Сразу не тяни... Поводи малость, пусть уморится, — наказал старик и отправился проверять следующую снасть.

Невод для ловли рыбы на речных перекатах.

Очевидно, рыба поймалась с вечера и, выбившись за ночь из сил, почти не сопротивлялась. Через несколько минут ее удалось подвести к берегу. Удивительно было, что семисантиметровый крючок едва-едва держался в его огромной разинутой пасти. Симов, не дожидаясь старика, спрыгнул в воду, подхватил тайменя под жабры и выволок полутораметровую добычу на берег.

В это время подошел Уваров. За его плечом виднелась раскрытая пасть такой же рыбы, а по песку чертил ее красный хвост.

— Это «мастные», одна пара, — заметил старик. — Они весной всегда так, парами, ходят.

Тем временем выше по реке прогрехотало несколько громopodobных раскатов. Лед треснул. Река тронулась. Вскоре против табора охотников, у переката, образовалось торосистое ледяное нагромождение. Река заполнила русло и, выйдя из берегов, стала обходить препятствие. Подмытая ледяная плотина не выдержала напора весенней воды и рухнула. Льдины, подхваченные бурным потоком, с грохотом

Насадка налима для приманки.

понеслись вниз по течению. Открылась весенняя путина — начало рыбной ловли.

Рогов и Трохин притащили к берегу невод, спустили на воду лодку и, нетерпеливо поглядывая на чистую ото льда водяную гладь, ждали товарищей.

Вскоре подошли Уваров и Симов.

— Вы где там путаетесь? Невод бросать пора, — горячился быстрый Рогов. Приняв на себя роль «башлыка» — старшего рыбака, — он набрал в лодку невод, отдал Уварову конец веревки берегового крыла и вместе с Трохиным быстро отчалил к середине реки.

Фока ловко лавировал между льдинами, а Прокоп Ильич привычными движениями выбрасывал в воду полотно невода, тут же успевая отталкиваться шестом от наплывающих на лодку хрустальных глыб.

Наконец, он подал команду: «к берегу». Лодка круто развернулась, на мгновение исчезла за потеснившей ее льдиной, но, увернувшись от удара, понеслась к берегу. Едва она коснулась

галечной мели, как Рогов выскочил на берег и натянул веревку бежного крыла.

Некоторое время правильный полукруг поплавок тихо сплывал вниз по реке. Затем Рогов и Фока потянули свое крыло и, наполовину вытащив его на берег, уравнили стороны невода. Теперь он подходил к берегу правильным треугольником.

Тщательно «отаптывая» ногами нижнюю тетиву, охотники подтягивали мотню. Перед ней чертили мутную воду красные плавники тайменей. Крупные рыбы металась и с большой силой дергали сетьевое полотно. Первый улов дал четырех тайменей, по 6—8 килограммов каждый. Прокоп Ильич распорядился повторить «тоню».

Идя берегом, он на длинном шесте завел лодку вверх по реке, к исходному месту. Повременив с четверть часа, прыгнул в лодку и вместе с Фокой отчалил. Вторая, «тоня» снова дала около тридцати килограммов рыбы.

В полдень рыба перестала ловиться. Товарищи дождались вечера и сделали еще несколько забросов. В общей сложности за день было добыто свыше ста килограммов первосортной речной рыбы.

Днем позже подвалили ленки. Ленок, как и таймень, пресноводная холодолюбивая рыба из семейства лососевых. Размером он поменьше: редко достигает трех килограммов. Распространен ленок в быстротекущих реках и горных озерах от Оби до Приморья. Икру мечет в начале мая, поднимаясь в верховья речек с ключевой водой. В отличие от тайменей ленки шли небольшими косяками и попадали в невод до десяти штук сразу.

Бригада дружно работала, радуясь возможности успешно выполнить задание по добыче рыбы. Симов и намека не подавал, что слышал разговор Рогова у костра. Он присматривался и выжидал.

Глава II

ВЕСНОЙ В ТАЙГЕ

В конце апреля у изюбров-самцов начинают отрастать молодые рога — панты, которые к началу июня успевают один-два раза раздвоиться и достичь двух-трех килограммов веса. Еще мягкие, обтянутые нежной кожей, покрытой, как бархатом, серыми волосками, панты по всей хрящевой массе пронизаны густой сетью кровеносных сосудов и насыщены кровью. Такие рога, несколько раз обваренные кипятком и затем высушенные, представляют большую ценность для экспорта и отечественной медицины. Из них готовят пантокрин — медикамент, широко применяемый во врачебной практике.

Перед весенней охотой на изюбров-пантачей необходимо было установить, какие выжженные лужайки и солонцы чаще всего посещаются ими. Выполнить эту работу вызвался Фока. После майских праздников он первым ушел в горы.

Спустя три дня вышли в тайгу и старики, рассчитывая где-либо в осинниках встретить медведя. В первый день они прошли вверх десятикилометровой долиной реки Устинихи и перевалили в Ганькин ключ, по которому спустились к Джиле.

На устье ключа, среди полувысохших лиственниц, с которых два года назад кто-то содрал лубье для крыши, приютился не-

большой односкатный балаган. Аккуратно подправленное на нем корье, настланная подстилка из ветоши, сыпучая зола и свежие рыбы кости заставили стариков насторожиться и внимательно осмотреть табор. Устраиваться на ночлег с удобствами — характерная черта опытного таежника. Старым охотникам сразу же бросились в глаза припасенные на ночь сухие листовенничные дрова, сухая тонкая палочка-прикурка и сырая палочка потолка — подшуровка для подгребания углей. Таган на двух ножках был добротно сложен, место очага определено правильно, с заветренной стороны.

— Свой ночевал, Фока, — заметил Рогов, разглядывая на золе отпечатки моршней.

Уваров утвердительно кивнул головой.

— Его, поди, в сиверах снег и грязь отпугнули... Пошел обходом.

Он подошел к тагану и, прицелившись глазом в направлении наклонно поставленной жерди, перевел свой взгляд на правый берег Джилы, где терялась в лесной чаще тропа.

— К устью ключа свой путь указал. Поди, уже на Улане он...

— Да, пожалуй, Фока-то ходить мастак! Молодой еще и удалый мужик! — Последние слова Рогов произнес медленно, с некоторой грустью, но тут же по-молодецки расправил плечи и легко зашагал по тропе к Джиле. Впереди мелькнул Батыр.

Охотники подошли к реке и, усевшись на береговой гальке, разделись догола.

Это превращение охотников для Батыра было хорошо известным сигналом. Он зашел в реку, лакнул из нее и, вытянув вперед голову, поплыл. На другом берегу отряхнулся и исчез в зарослях тальника.

— Вот-те и зверовщик без коня... Горе одно, — проворчал Рогов, — то бы переехал, и все в порядке, а тут — на тебе...

— Да, уж не говори, — подтвердил его товарищ, с тоской поглядывая на холодную, широкую гладь реки.

— Ты, Гаврила, чего-то совсем скрючился. Еще и воды не хватил, а посинел, погляди на себя...

Гаврила Данилыч застенчиво осмотрелся и опустил к поясу свой узелок с одеждой.

— Ну, вали, вали вперед! Ладно тебе насмехаться... Сам, эвон, не лучше.

Прокоп Ильич шагнул в воду.

— Уфф! Эка, дьявол, холодная, — выругался он. — В такой воде только икру метать...

Поеживаясь от холода, оба забрели в ледяной поток поглубже и, не стесняясь в выражениях, наперебой зачастили крепкой бранью. На середине реки вода подступила под живот. От холода захватило дыхание, и охотники замолкли.

Выбравшись на противоположную сторону, старики усердно «потузили» друг друга и, немного согревшись, поторопились одеться, чтобы продолжить свой путь к устью речки Ягодной, где был старинный охотничий табор. Неожиданно на песчаной отмели им бросился в глаза тройной след, оставленный на песке коваными ботинками. Охотники остановились, огляделись по сторонам и, скинув котомки, внимательно осмотрели таинственные отпечатки.

— Сегодня утром люди прошли, — заметил Рогов. — Следы совсем свежие, утренней росы еще не хватило. Только чуть присыпаны пылью... Ну, паря, что-то диковинные гости. Идут с грузом, на пятку давят сильно. Видать, издалека. Устали крепко. Эвон, как следы разметаны елочкой. Коленки широко держат...

Оба вопросительно посмотрели друг на друга.

— Вали на Ягодную, устраивай там табор, а я схожу проверю, что за люди и куда пошли, — сказал Рогов. — С этими словами он снял с плеча карабин, проверил запас патронов в магазине и решительно двинулся по следу. За береговой отмелью он исчез в чаще, и вскоре шорох его удаляющихся шагов затих.

Прошел он по следам вниз по Джиле километра два. Неизвестные все время брели напролом, чаще, минуя попадавшиеся по пути охотничьи тропы.

«Чужие... Видать, впервые забрели сюда», — подумал Рогов. Непреодолимое желание узнать, что это за люди и с какой целью они здесь путаются, заставило его продолжить преследование.

Вскоре он вышел к месту их отдыха.

На обомшелой валежине по смятому лишайнику он определил положение отдыхающих. Сидели на бревне все трое, в ряд. Крайний слева закуривал, оставив на земле обрывки какой-то квитанции и спичку. Курили одну папиросу по очереди; окурок оказался против крайнего справа. Развернув замусоленную губами бумажку, старик легко определил крупинки фабричной махорки. Это открытие заставило его еще внимательнее осмотреть место отдыха.

Мхи и лишайники, сильно примятые брошенными на землю котомками, подтвердили его первое предположение о том, что люди идут с тяжелым грузом. Затем он сделал еще одно открытие, обнаружив около пня две глубокие ямки, выдавленные в долгомохе прикладами стоявших здесь винтовок. Это особенно

взволновало Рогова, и он поспешил на табор, чтобы поделиться с товарищем своими наблюдениями. Уваров встретил его приготовленным ужином. Рогов молча подсел к котелку с супом и обстоятельно, не спеша ел. Только отложив ложку в сторону, он стал рассказывать:

— Три человека идут с грузом. Видать, городские, фабричную махорку курят. Пристали крепко. Шляются давно. По махорке видно. К концу подошла. Трое одну самокрутку сосали. Ну, это все неважно... Главное, что вооруженные. С двумя ружьями. Курят не газету, а какую-то справку. Вот тебе остатки. На-ка, почитай, про что тут писано.

Уваров взял поданные ему бумажные обрывки и, наморщив лоб, попробовал прочитать:

— Сип... зип... зипиз... Черт его, чего-то не по-нашему прописано. «И» с точкой я знаю, а вот перед ней первая какая-то непутящая буква, не то «з», не то «с». По-заграничному писана. Уголки какие-то с цифирками и круглешками над имя...

— Да ты читай, читай дальше, — торопил Рогов.

— Чего читай! Тебе говорят, не по-нашему писано, — рассердился Уваров.

— Эй ты, грамотей тоже! «Зипиз» вычитал. Чем так читать, так лучше совсем грамоту не знать. Лейтенант, тот бы разом разобрал. Он и по-немецки малость умеет.

— Ну, возьми, спрячь. Вернемся в деревню — и лейтенант тебе скажет, что здесь «зипиз» прописан...

— Так, говоришь, не по-русски? — переспросил Рогов.

Уваров утвердительно кивнул головой.

— Может быть, это какие-нибудь гады, шпионы? — предположил Рогов.

— Какой черт шпионы! Сам говоришь, русскую махорку курили.

— Это им выдать могли, для отвода глаз... Ну, чего там гадать! Ты, Гаврила, завтра вали в деревню, в сельсовет заявлять, а я по их следу пойду, — заключил Прокоп Ильич.

На этом старики порешили и, погасив из предосторожности костер, улеглись спать.

Поздно вечером, весь мокрый и взъерошенный, вернулся Батыр. Подобрав обедки ужина, сложенные для него на куске бересты, он пошарил по сторонам, вокруг табора, в надежде найти случайно завалившийся кусочек и набрел на котелок с остатками супа. Потянув в его сторону носом, он сладко облизнулся, но не решившись шкодить, отошел в сторону, повертелся и улегся на свое обычное собачье место, свернувшись калачиком.

С рассветом оба охотника были уже у берега. Попрощавшись с другом, Уваров пожелал ему удачи и, с тоской поглядывая на Джилу, стал не спеша стягивать рубаху.

Тем временем Рогов направился по знакомому следу и вскоре вышел к месту вчерашнего отдыха «диверсантов». Тропить в этот день было значительно труднее. Примятые ботинками, долгомох и лишайники за ночь отсырели и успели подняться, скрывая и без того еле заметные следы человеческих ног.

Старик поминутно терял направление. То и дело ему приходилось возвращаться назад, «выправлять след». Упорствуя в своей погоне, он дошел до устья Пасной речки. Но здесь, на месте охотничьего табора, лужайка оказалась настолько истоптанной, что следы окончательно потерялись. Рогов поднялся на косогор в надежде где-нибудь увидеть в распадке подозрительный дымок, но ничего не обнаружил. Слежку пришлось оставить: тайга молчаливо скрыла в своей чаще таинственных чужаков. Досадуя и мысленно ругаясь, он повернул назад в долину.

Проходя осиновыми перелесками, охотник остановился и прислушался. Его острый слух уловил подозрительный шорох. Затем донеслось урчание, напоминающее часто повторяющиеся слоги «жу-жу-жу».

Рогову сразу стало все ясно. Бегом поднявшись на каменистый завал, он заглянул вниз. Шагах в семидесяти от него, в поросли молодых осинков, стояла медведица с двумя медвежатами. Временами она поднималась на задние лапы, пригибала к земле осинку и объедала на ней молодые побеги с липкими листочками. Медвежата вертелись тут же, у морды матери, благодушно урчали и, следуя ее примеру, также обламывали тонкие веточки. Звери были настолько увлечены своим делом, что не заметили человека.

Прислонившись к каменной глыбе, Прокоп Ильич поднял к плечу винтовку, прицелился под левую лопатку медведицы и выстрелил. Страшный рев зверя тут же заглушил перекатистое эхо выстрела. В первую минуту нельзя было понять, что случилось с медведицей: бурая громадина волчком вертелась в вихре поднятой пыли. Не переставая реветь, медведица каталась по косогору, стараясь лапой и зубами достать место ранения.

Пуля прошла слишком низко. Старик поторопился и не учел, что при стрельбе круто вниз винтовка низит, а при стрельбе вверх — высит. Через минуту, оправившись от легкой раны, зверь с невероятной быстротой бросился вверх по косогору. Следом бежали медвежата.

Рогов успел выстрелить еще раз. Пуля снова остановила зве-

ря, вызвав такой же яростный рев. Медведица заметалась из стороны в сторону, разыскивая врага. Легкий ветерок помог ей по запаху определить местонахождение охотника. Рогов едва успел наполнить патронами магазин и вскинуть карабин, как медведица была уже рядом с ним.

Нарастающий рев разъяренного зверя, грохот винтовки и ответное эхо смешались в один протяжный вопль, внезапно оборвавшийся на последнем выстреле. Среди каменных глыб стоял Рогов с обнаженным в руке ножом. У ног его валялся разряженный карабин, а за ним — убитая медведица.

Безмолвие продолжалось недолго. Неожиданно сверху донесся рев медвежонка и лай Батыра. Рогов бросился собаке на помощь. Вцепившись в горло медвежонка, Батыр крепко держал его. Молодой зверь пытался оказать собаке сопротивление, но силы его покидали, и пока охотник добежал к ним, все было кончено. Батыр отпустил безжизненное тело своей жертвы.

Проводив в тайгу товарищей, Симов в этот же день перетащил в лодку свой скарб и, взяв с собой спиннинг, поплыл вниз по Ингоде. Под перекатами и в затонках за камнями он выбрасывал якорь и останавливался порыбачить. В полдень от тающего в горах снега вода была мутна, и рыба не брала блесну.

За вторым поворотом Ингоды в нее влилась мощным потоком Джила. За ней потянулась живописная панорама ингодинских берегов, покрытых сосновым лесом. Спустившись по реке километров пятнадцать, Симов завел лодку в небольшую бухту,

которая соединялась с длинным озером — старой речной протокой. Место оказалось красивым и удобным для табора.

Причалив к берегу под нависшими ивами и кустами черемухи, охотник выгрузил весь свой скарб, а сам поплыл дальше вдоль протоки. Уложив весла и перейдя на корму, он взялся за шест, и лодка бесшумно заскользила по зеркальной глади.

Вокруг виднелись старые затопленные коряжины. Лавируя между ними, Симов услышал впереди несколько сильных всплесков. Всмотревшись в воду, он заметил полуметровый «чурбан», сверху бурый и с боков желтоватый, с темными пестринками. Это стояла щука. Уткнувшись длинной и приплюснутой мордой в коряжистую колодину под самой поверхностью воды, она неподвижно застыла.

Симов поднял винтовку, но разогнавшаяся лодка спугнула рыбину, и она, всплеснув хвостом, исчезла в глубокой яме. Симов выбросил якорь и тотчас метнул блесну вслед за исчезнувшей щукой.

Через несколько секунд удилище дрогнуло, шнур натянулся и со свистом зачертил по воде. Затрещал тормоз катушки. Рыба ожесточенно сопротивлялась, и рыболову показалось, что на блесну попала добыча необыкновенных размеров. В этот момент отчаянно метавшаяся щука вместе со шнуром свечкой выскочила из воды и, мелькнув над озерной гладью золотистой лентой, снова плюхнулась в воду.

Убедившись в том, что рыба не превышает двух килограммов, уверенный в прочности полумиллиметровой капроновой лесы, Симов без промедления подтянул щуку к лодке. Она еще сопротивлялась, но все ее попытки уйти под лодку или запутать и обо-

Касатка-селезень.

рвать шнур в корягах не удалось. Через минуту она безжизненно лежала в лодке. Снова блесна полетела на середину озера. Через час рядом с первой шукой лежали еще четыре.

С заходом солнца Симов вернулся на табор, развел у смолистого пня огонь и повесил над ним котелки с ухой и чаем. Пень быстро разгорелся и озарил ярким пламенем тальниковую поросль, раздвинув вечерние сумерки. Над табором, совсем близко, перекликаясь мелодичным посвистом, пронесся запоздавший на жировку табунок касаток.* Сделав вираж над старицей реки, утки с шумом пошли на посадку и, усевшись, заплескались на озере. С воды доносились голоса касаток, посвист шилохвостей, а где-то со стороны — надрывистое криканье одинокой криквы.

Неожиданно все звуки заглушило сердитое рявканье, похожее на редкий грубый лай собаки. Это на солнцепечную сторону сопки вышел пастись на «ургуй» старый гуран — самец косули. «Гхао-гхао», — сердился гуран, обнаружив в районе своих владений непонятное ему огненное зарево.

Спустя полчаса пламя костра исчезло, и обуглившийся пень, пышащий жаром, перестал тревожить лесных обитателей.

Тени подползали к очагу. Симов прилег на сухой подстилке

* Касатка — род утки, распространенной от Енисея на восток до Приморского края.

из «ветоши» и, прислушиваясь, раскуривал трубку. Неожиданно к утиному полосканию и всплескам присоединилось чавканье и чмокание какого-то крупного животного. Зверь брел береговой кромкой и вскоре подошел совсем близко к табору. Почуввав человека, он замер. Притих и охотник. Безмолвие продолжалось несколько минут, после чего послышались торопливые шлепки бросившегося прочь животного.

Утром на береговой застывшей грязи, где вечером бродил неведомый зверь, стали видны отпечатки тупых копыт неправильной овальной формы. Это были следы старого кабана-одинца.

Пожалев, что напуганный с вечера кабан ушел далеко, Симов обошел бухту и направился к сопкам, где вечером рывкал гуран. Преодолев кочковатое болото, он подошел к крайнейку леса и, обернувшись, увидел, как на берег вышли три человека. Люди подошли к его лодке и принялись сталкивать ее в воду. За спинами незнакомцев были котомки, а у двоих — винтовки.

Симов прилег за кочку, навел на пришельцев карабин и приказал оставить лодку. Люди тотчас остановились, внимательно вглядываясь в противоположную кромку болота.

— Положите винтовки! — донеслась к ним новая команда.

Незнакомцы переглянулись, перекинулись между собой несколькими словами и, пригнувшись, бросились в кусты.

Стрелять по кустам было бесцельно. Но время военное, поведение пришельцев подозрительно, и лейтенант решил начать преследование.

Пробираясь лесной опушкой, он попытался перерезать беглецам путь отступления в главный массив тайги. Однако незнакомцы раньше его добрались к лесному мысу, который клином подходил к реке. Здесь отпечатки кованых башмаков протянулись через песчаную поляну и затерялись в лесной чаще.

Дальнейшее преследование казалось невозможным. Но в это время в полукилометре впереди рывкнул гуран.

«Это на них», — подумал Симов и бросился вперед. Вскоре снова показались следы беглецов. Удвоив осторожность, он тихо двинулся вперед. Вскоре послышался сдержанный разговор, а затем, метрах в ста, Симов увидел людей. Они сидели на колодине.

Лейтенант притаился в зарослях молодых сосенок, мысленно выбрал путь незаметного подхода и стал терпеливо ждать удобного момента.

Встревоженный гуран замолк, и беглецы с каждой минутой теряли осторожность. Покурив, они развязали котомки и достали сухари. Один из них с котелком спустился к ключу за водой и, вернувшись, предложил развести огонь. Но его товарищи запротестовали.

Симов стал наступать. Он видел, что винтовки стоят в стороне, и голодные люди заняты дележкой сухарей.

Крадущейся, бесшумной поступью, прикрываясь стволами деревьев, Симов подобрался поближе. Беглецы подняли головы, когда его тень упала на котомки. Один из них бросился к винтовкам, но лейтенант решительным окриком остановил его и угрожающе вскинул к плечу карабин.

Незнакомцы уставились на Симова. Ноги его были завернуты в мешковину и затянуты в звериные моршни. Изодранная и пропитанная кровью старая охотничья шинель перепоясана кушаком из армейской обмотки. Из-под засаленной шапки-ушанки глядело загорелое, давно не бритое, закопченное у костров лицо. Все это, видимо, наводило на них ужас. Пока они рассматривали эту страшную фигуру, Симов подошел к винтовкам и вынул из них затворы.

Незнакомцы переглянулись, и снова испуганно уставились на него.

— Ну, что? Аппетит пропал? Кто вы? — спросил Симов.

Старший из задержанных, человек лет сорока, стал объяснять, что они из геодезического отряда, заблудились и не знают, как им переправиться через реку.

— Геодезисты и заблудились?.. Почему вы бросились бежать?

— Да так, знаете, неудобно как-то стало. Ведь на чужую лодку позарились. Испугались...

— Что у вас в мешках? — спросил Симов и, не дождавшись ответа, раскрыл одну котомку. Там оказалось маралье мясо.

— Не только лодки воруете, но и браконьерством занимаетесь?.. Где ваше разрешение на отстрел изюбра?

Все трое растерянно переглянулись.

— Придется вам со мной пройти в деревню, — приказал Симов, — там разберемся... Только предупреждаю: если кто побегит — убью, как гурана.

Задержанные покорно встали, не спеша закинули за спину котомки и побрели впереди Симова.

— Правее держись! В чашу не заходить! — командовал он.

Вскоре все подошли к лодке. Старший прыгнул в нее и медленно поплыл вдоль берега. Двое других в сопровождении Симо-

ва шли берегом. За ночь вода в реке спала, и Курея обмелела. На устье лодка засела в грязи.

— Перетащить к реке! — приказал лейтенант.

Люди нехотя прохлюпали по вязкому илу и, увязая в нем до колен, поволокли лодку. Когда она закачалась на волнах, лейтенант легко вскочил в нее и подал команду рулевому и гребцу отчаливать к противоположному берегу Ингоды.

В тот же день рано утром вернулся в деревню Уваров, а спустя несколько часов и Рогов.

Рассказ их о подозрительных следах в тайге взбудоражил всю деревню. Каждый высказывал свои догадки.

— Лейтенанта не грохнули б, — с беспокойством заметил Уваров.

Все сразу всполошились, и председатель сельсовета поторопился послать нарочного за подмогой в село Николаевское. А пока что решили действовать своими силами. Рогов с Уваровым вызвались идти на розыски товарища.

Только было собрались они в путь, как на деревенских задворках появились три незнакомца, конвоируемые лейтенантом.

Задержанные молча прошли по деревне к сельсовету. Навстречу им вышел удивленный председатель и остался на пороге, разглядывая пришельцев.

Симов объяснил ему, в чем дело, а затем, передав затворы винтовок, посоветовал немедленно позвонить в Улеты и узнать, находится ли там геодезический отряд Дебринина и числятся ли в нем задержанные растяпы... С этими словами он попрощался и ушел домой.

В это время у деда Исака собрались соседи. Среди общего шума был слышен голос Рогова:

—... А вы думали как? Один охотник не то, что троих, а пятерых возьмет!

Симов вошел в избу.

— Ну, вот и он... Рассказывай, как все вышло...

— Так уж сразу и рассказывай! Дайте с дороги хоть умыться и поесть, — рассмеялся Симов.

— Успеешь... расскажи! — не отставали соседи.

Пришлось уступить, и лейтенант вкратце поведал, как было дело.

— И в лодке с ними переплывал? Ну и рисковый, — заключил Рогов. — Да! Вот тебе бумажки, — вспомнил он про собранные на Джиле обрывки, — на-ка прочти...

Лейтенант взял полоски и на одной из них прочитал: «Синус угла трех градусов пятидесяти двух минут четырнадцати секунд».

Рогов хотя и ничего не понял, а все-таки торжественно взглянул на Уварова:

— Ну? Где тут твой «зипиз»? А? Грамотяга!

— Там он, гляди зорче...» — обиженно отозвался Уваров.

Симов расхохотался.

— Правильно! Гаврила Данилыч верно прочитал, только это латинские буквы, они иначе читаются. Этот самый «зипиз» и есть синус.

Уваров довольно улыбнулся: как-никак, а даже латинские буквы разобрал!

Приведя себя в порядок, лейтенант поспешил в сельсовет. Там уже справились о геодезическом отряде, вызвали охотинспектора и представителя милиции.

Вечером на незадачливых геодезистов составили протокол, конфисковали у них мясо, а иск на взыскание штрафа в 10 тысяч рублей за незаконно убитого изюбра направили в нарсуд.

Этот день остался памятным в деревне для всех, а для Рогова и Симова послужил началом их крепкой дружбы.

Взяв в колхозе пару лошадей, старики отправились за убитой медведицей, а Симов напросился в попутчики к деду Исаку и уехал с ним в Тележную падь заготавливать березу на полозья и берестяные сколотни для туесов.

— Вот простое дело — срубить березку на полозья, а выбрать-то ее нужно с большим умением, — рассказывал по дороге дед Исак. — Другой целый воз привезет, а начнет гнуть — и дуги не загнет, все на дрова переломает. Выбирать-то надо на солнцепеке. Ничего, что там березка корявее той, что в сиверах. Зато ее легче гнуть. А гнуть надо на теневую сторону, на которой годичные кольца поуже. Кто этого не знает, вот и ломает...

Скоро старик свернул в лес и, спрыгнув с телеги, пошел выбирать березки. Он пометил северные стороны нескольких деревцев и, срубив их, сложил на воз. Затем разыскал толстую и стройную березу, надрубил ее и свалил, оставив держаться комлем на пне.

Крону этой березы он отрубил, а на стволе дерева выбрал чистые места без сучков и надрезал ножом тридцатисантиметровые цилиндры. Между ними он содрал ненужную кору до древесины и, достав из-за голенища ичига подсечку — сплюснутую полуметровую стальную проволочку, — стал ею подсачи-

вать каждый цилиндр, отделяя от древесины бересту с лубом.

Подрезав таким образом кору кругом ствола, он без труда сворачивал цилиндр на сторону и затем снимал его через верхнюю, суживающуюся часть ствола.

Более толстые берестяные цилиндры у комля дерева он сворачивал с помощью веревки с петлей и палки. Для этого веревка несколько раз оборачивалась вокруг ствола так, чтобы витки ее в двух-трех местах пересекались. На свободном конце делалась петля, в которую вставлялась палка, служащая рычагом для поворота цилиндра. Так он снял шесть сколотней — берестяных цилиндров и на обшивку их несколько квадратов бересты.

По Тележной пади дед Исак выехал к Ингоде, где стояла лодка. Подкатив задок телеги к лодке, он с Симовым взвалил ее на воз кверху днищем и выехал на проселочную дорогу к Ключам.

Дома дед показал, как делаются туесы. Сначала он подровнял ножом края сколотая. Затем туго завернул его в бересту и вырезал из нее полосу на три сантиметра ниже сколотня, края которой по окружности заходили друг за друга на 15 сантиметров.

Отступив от края на 6—7 сантиметров, он прорезал три равносторонних треугольника, а на противоположном конце полосы вырезал три шипа — замка, похожих на ласточкин хвост. Каждый шип просунул через соответствующий ему треугольник. Таким образом получился наружный цилиндр — обшивка.

В нее дед Исак вставил сколотень, а выступающий край его распарил в горячей воде и завернул на обшивку. Чтобы крепче держалось дно, он сделал поверх первой вторую обшивку — узенькое кольцо с одним шипом.

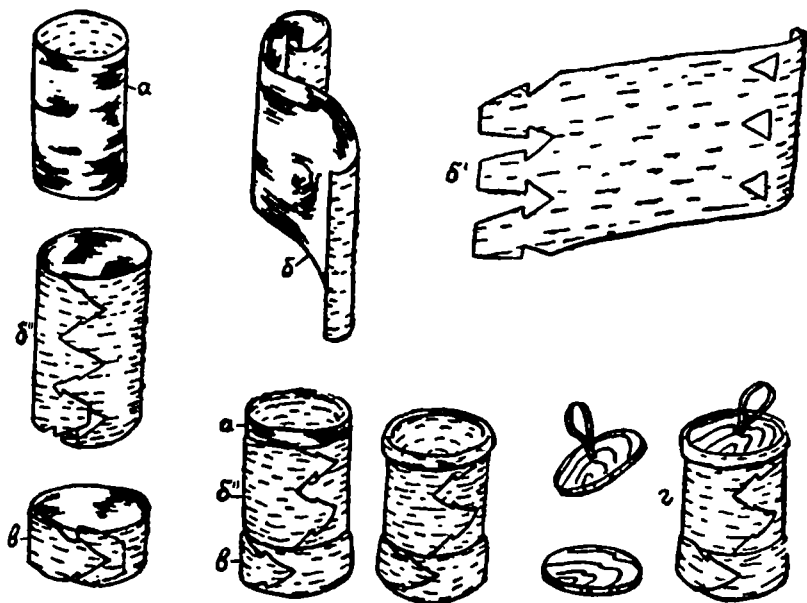
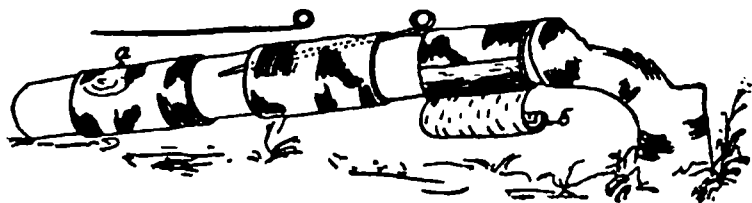
Вырезав из досочек крышку и дно, старик туго вбил их с обеих сторон цилиндра и подал Симову готовый туес.

— Это тебе на память. В тайгу будешь ездить — вози в нем мед, сметану. Для таких продуктов — незаменимая посуда...

На другой день старики вернулись с медведицей, и Симов занялся посолкой мяса.

Разрезав все части туши на двух-трехкилограммовые полосы и разрубив кости, он обвалил каждый кусок в соли и затем плотно уложил их в бочонок. На сто килограммов мяса пошло семь килограммов соли. Такой семипроцентный посол гарантировал сохранность мяса без льда в течение месяца.

Закончив работу, он отправился помогать товарищам, которые объезжали взятую в колхозе молодую монгольскую лошадику.

Изготовление туса: а — сколотень, б — береста, б¹ — береста с прорезанными шипами и уголками, б² — береста, сложенная в цилиндр-обшивку, в — вторая обшивка, г — готовый тус.

Они поймали ее в табуне арканом и привели на конный двор чуть живую, полузадохнувшуюся от туго затянутой на шее петли.

Старики быстро стреножили ее и попробовали засесть. Но степная лошадь, никогда не знавшая человеческих рук, внезапно заметалась, сбросила седло и упала на землю.

Охотники навалились на нее, надели узду и, подсунув под брюхо подпруги, притянули ими седло.

Едва люди успели отпрянуть, как лошадь мгновенно вскочила и, лягаясь, метнулась в сторону. Но сыромятный ремень на ногах сдержал ее, и она снова забилась на земле, стараясь порвать путы и сбросить седло. Наконец, взмокая, в хлопьях пены, она обессилела и, запрокинув голову, затихла.

Охотники помогли ей встать и перекинули через седло тяжелые переметные сумы, наполненные камнями.

Лошадь мелко дрожала, еще раз попыталась бороться и сбросить ношу, но, выбившись из сил, подчинилась людям. С нее сняли треног, и она, едва передвигая ногами, покорно пошла на поводу за Роговым. А спустя час Трохин уже сидел в седле и спокойно проехал на «дикарке» по деревне.

Но испытания лошади в этот тяжелый для нее день еще не закончились. «Учеба» продолжалась. Теперь оставалось приучить ее к запаху диких зверей. Вернувшись на конный двор, охотники снова стреножили ее и навьючили свежую медвежью шкуру. Бедное животное выкатило от ужаса глаза, зафыркало и забесновалось. Но вскоре лошадь примирилась с этим, и ее оставили до вечера с навьюченной шкурой.

На другой день таким же способом были объезжены еще три лошади. После этого охотники приступили к сборам в тайгу.

Глава III

ЗА ПАНТАЧАМИ

Охотники выехали в тайгу 25 мая, в день открытия охоты на самцов-изюбров — пантачей.

Накануне сообще был принят план Рогова. Симову достался охотничий район в низовьях долин Большой речки и Бугурикты, устья которых выходят одно против другого в среднем течении Джилы. В этих местах охотники еще в марте выжгли лужайки и подсолили старые солонцы.

Уваров отправлялся десятью километрами выше по Джиле, на устье реки Улана. А Трохин и Рогов должны были проехать еще 25 километров, к самородным солонцам на устье Бильчира и в вершине Улана.

В первый день похода охотники вьючной тропой преодолели два перевала — Макарячинский и Тыпхейский. С закатом солнца они подъехали к устью Большой речки, где был построен из лубья обширный односкатный балаган, и здесь расположились на ночлег.

На утренней заре, пока Трохин с Уваровым седлали лошадей и готовили завтрак, Прокоп Ильич и Симов отправились на солонцы, что находились на косогоре в полутора километрах от табора. Поднявшись до середины увала, Симов увидел оголенную от травы площадку в десять квадратных метров, сильно истоптанную острыми копытами изюбров.

— Добрались! — сказал Прокоп Ильич и подошел поближе к голому месту, внимательно рассматривая каждый след. — Все в порядке. Зверья хоть отбавляй... Три быка ходит, пара коров да пяток зорголов — прошлогодних телят.

Симов удивился подсчитанному числу оленей.

— Как же ты не видишь? Вот, погляди сам... Бычий след большой, круглый, — рассказывал Прокоп Ильич. — Этот, с тупыми копытами и стертой чашкой, след очень старого быка. С ним рядом, поменьше, опять же круглый и тупой, — тоже старый бык, но мельче первого. А вот круглый и ясно врезанный — это уж молодой натоптал. Он, видишь ли, копыто о камень еще не стер.

— Коровий след, — продолжал Рогов, — узкий, остроносый, вроде как модный. Этот, что пониже, — стельной коровы. Она тяжелая, на пятках ходит и землю копытами не роет. А рядом другая натоптала... Эвон, сколько земли наковыряла. Видать, успела отелиться. Телячьи, сам видишь, наполовину меньше, не более вершка. А понять, телочка или бычок, все одно можно. Что их пять ходит — это факт. Приглядишься хорошенько... Да чего толковать тебе! Сидеть тихо будешь — сам увидешь, кто придет. Пошли теперь к коченку.

«Коченком» Рогов называл сидьбу.

Охотники спустились метров тридцать вниз по косогору и подошли к сидьбе, сложенной из обгорелых бревен.

Коченок возвышался над землей на метр. В передней стенке, направленной к солонцам, было прорублено окошечко в ладонь величиной.

— Вот через него будешь стрелять, — заметил Рогов. — Полежай внутри и в щель погляди, может, веточка какая мешает.

Симов перепрыгнул через загородку. Сквозь окошечко он посмотрел в сторону солонцовой площадки и указал на мешающие кустики. Затем просунул в отверстие свой карабин и прицелился вверх по косогору. Коченок был расположен так, чтобы фигура оленя, вышедшего на площадку, рисовалась силуэтом на фоне неба, что очень облегчало стрельбу в ночной темноте.

Старик посоветовал оборудовать коченок поудобнее.

— Раньше всего отрой полуметровую ямку для ног — как

в кресло сядешь! Сруби березку с рогулькой и воткни ее рядом с собой справа, так, чтобы она винтовку под приклад поддерживала. Ведь ночь сидеть придется! Устанешь, а шевелиться ничем нельзя. На окошко сырой мох подложи, чтобы винтовка не скрипнула, когда целиться будешь. Ну, вот тебе еще напутствие: не садись на сидьбу, когда погода хмурится и по небу морока ходят. Такой вечер непутный.* Ветер не сверху вниз тянет, а крутит по сторонам, и твой дух набросит на зверя раньше, чем он на солонце появится. В такую ночь зря будешь сидеть. Мало того, разгонишь всех изюбров. Ты воткни щепочку и на нее нацепи легкую ниточку; она тебе укажет, можно сидеть или лучше подаваться на табор. Смотри, не ошибись! По телку или корове не стрельни. Их жалко, стало быть. Да и крови набрызгаешь здесь, всех быков на две недели отпугнешь.

Симов поблагодарил старого охотника за советы и принял за оборудование сидьбы.

Товарищи Симова уехали и увели с собой его лошадь. У таборного очага, на стынувших углях, одиноко стоял котелок с супом. Рядом лежала пара печеных карасей и с десятков картофелин.

Позавтракав, Симов прилег отдохнуть, но заснуть не смог. Непривычное чувство одиночества заставило его найти себе дело, и он занялся заготовкой дров, починкой крыши балагана и другими хозяйственными работами.

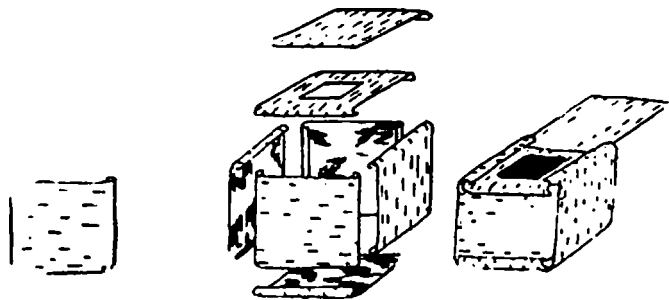
Но этих дел хватило ненадолго. Пришлось выдумать себе занятие. Охотник нарезал из бересты шесть прямоугольников размером 6 на 8 сантиметров. Короткие стороны он нагрел над огнем и завернул так, что получились правильные квадраты. Из них он собрал глухую кубическую коробочку. Затем на одной стороне прорезал окошко, а над ним, под завернутые края бересты задвинул, как в пенале, берестяную полоску, служащую крышкой.

Наловив с десятков паутов-слепней, Симов упрятал их в коробочку, приладил к удилицу тонкую хариусовую леску в два белых конских волоска и вышел на берег.

В глубине реки, освещенной солнцем, серебром чешуи играли хариусы.

Симов наживил на крючок слепня и, закинув снасть, подвел приманку к стайке рыбешек. Когда мушка подплыла к хариусу.

Неблагоприятный.

Берестяная коробочка.

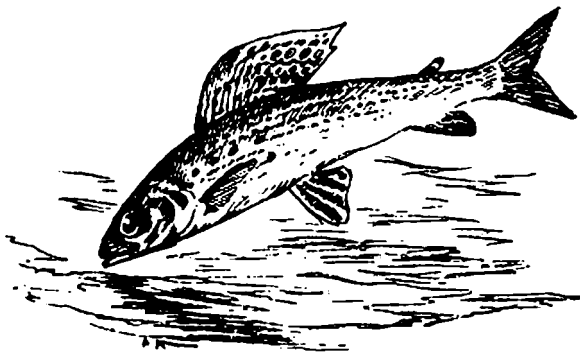
он стремительно метнулся в сторону, оставив на дне взмученную полоску ила.

Замена слепня зеленой мухой также не принесла успеха. Хариусы по-прежнему не брали. Симов решил, что рыбки его видят, и стал забрасывать, маскируясь кустами. Но все уловки оказались напрасными. За два часа удалось выбросить на берег лишь одного хариуса. Это была небольшая стройная и красивая рыбка весом не более 200 граммов. Серебристая чешуя ее в передней части туловища и на спине отливала синеватым блеском, а на боках переходила в красные тона. Большой спинной плавник был разукрашен красными и синими пятнами, а хвостовые плавники — ярко-красные.

Хариус сибирский — из семейства лососевых — обитает в Байкале и во всех реках Сибири. Предпочитает он небольшие водоемы с быстрым течением и холодной прозрачной водой. Весной, после ледохода, хариусы поднимаются в верховья речек метать икру. В сентябре мигрируют назад в глубокие места на зимовку. Мясо хариусов очень нежно и вкусно.

Пассивность рыбок в этот день объяснялась, по-видимому, предчувствием перемены погоды. Симову пришлось отказаться от ухи, а пойманного хариуса наживить как приманку для тайменя.

Насадив рыбку на крючок, как это делал Уваров с налимами, Симов забросил десятиметровый шнур с прикрепленным к нему поводком в глубокий омут и возвратился на стан. К этому времени небо подернулось перистыми облаками, а с запада наплыла разорванная туча.

Хариус.

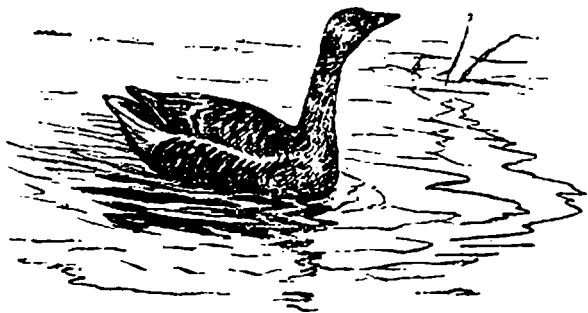
К утру все небо затянуло сплошными облаками. Лес нахмурился и затих в ожидании ненастья. Перестали играть рыбешки. Затихли птицы.

Серый рассвет застал охотника на увале. Он торопился до дождя нарыть на суп питательных саранок — луковиц горных лилий и корневищ лекарственной купены. Наполнив лесными «овощами» котелок, Симов спустился к Джиле и занялся промывкой собранных корней. Неожиданно раздался тревожный гогот гуся. Симов поднял голову и осмотрелся по сторонам, невольно вспомнив про дробовое ружье. Гогот повторился, и из-за поворота реки, на плес, выплыл одинокий гусь.

По небольшой перемычке кирпичного цвета, кольцом охватывающей темно-бурый клюв, можно было легко определить, что это гусь-гуменник.

По пути на стан Симов проверил закидушку. Здесь его ждала удача: на приманку попался полупудовый таймень. Рыба поражала своей праздничной, яркой окраской. Серо-стальной цвет спины переходил на боках в красные тона, а на брюхе — в цвет расплавленного серебра. Мощное туловище украшали ярко-красные плавники. Это был брачный наряд самца-тайменя, сохранившийся после нереста.

Теперь, с таким запасом продуктов, не страшно было пережидать и длительное ненастье. Симову захотелось сохранить тайменя живым; он продернул через его зубастую пасть, в отверстие перед первой жаберной пластинкой, сыромятный ремень. Эта предосторожность необходима потому, что если захватить

ремнем хотя бы одну из жаберных пластинок, у рыбы открывается сильное кровотечение, и она погибает через несколько часов. Затем он привязал ремень крепче к ивовой ветке и пустил рыбу в воду. Таймень примирился со своей участью. Медленно продвинувшись вдоль берега на длину ремня, он уткнулся тупой сплюснутой головой в расщелину между камнями и затих.

Весь день просидел Симов под крышей балагана. Моросил надоедливый мелкий дождь. В такую погоду тоскливо и скучно в лесу. Можно отсыпаться на неделю вперед или заниматься хозяйственными делами.

Назавтра погода не улучшилась. Симов решил проверить солонцы. Там, на расквашенной глине, сохранились свежие следы двух быков-изюбров и двух телят. Коровы почему-то в дождливую ночь не приходили.

На третий день утром раздались сильные всплески воды. Это метался привязанный таймень. До этого он казался уснувшим и, слабо шевеля жаберными крышками, едва подавал признаки жизни. Теперь он ожил и заходил из стороны в сторону, сотрясая ивовую ветку. Иногда он ударял мощным хвостом и, натягивая ремень, старался уйти в глубину. Пробуждение тайменя оказалось хорошим признаком. Скоро погода разгулялась, и к вечеру тучи ушли на запад.

Едва солнце коснулось вершины сопки, как Симов был уже на солонцах и притаился в сидьбе. Справа, на рогулке, покоилась винтовка с направленным на солонцовую площадку стволом. Перед охотником лежали часы и пяток свернутых про запас папирос. По совету Рогова был сделан нитяной «флюгер». Первое время ниточка показывала благоприятное направление ветра, но

Таймень на кукане.

с заходом солнца начала трепетать из стороны в сторону и вскоре закрутилась вокруг щепочки. Симов хоть и видел это, но все же нарушил наказ старика и терпеливо ждал приближающихся сумерек.

Кому доводилось весной проводить вечернюю или утреннюю зорю в глухой сибирской тайге и в подмосковном смешанном лесу, тот хорошо знает, как различны эти зори. Тайга угрюма и мрачна. Это настроение она как бы передает всем своим обитателям. Здесь не услышишь журчащего бормотания тетерева или заливистого пения певчего дрозда. Не порадуют слух трели и щелканье соловья. Нигде не пропоет зяблик. Даже не слышно весеннего «ти-тю-ти» синицы-лазоревки. Не видать на вершине дерева шеврицы или лесного конька, встречающих радостным пением восходящее солнце. В тайге отовсюду только и слышны своеобразные брачные «песни» дятлов. Да и эти птицы не поют, а выбирают себе подходящий по тону дребезжащий сухой сук и барабанят по нему клювом, оповещая своих собратьев о желании вступить в брак.

Интересно отметить, что трель малого дятла звучит на самом высоком тоне. Средний, пестрый, барабанит на кварту-квинту ниже, а черная желна, самый крупный из дятлов, подбирает себе сук, дребезжащий октавой, а то и децимой ниже первых двух. Иногда к этой барабанной дробе с ближнего дерева прибавится шорох поползня и его отрывистое «чик-чик», да где-то в небе раздастся карканье, а затем свист жестких крыльев пролетевшего над головой ворона.

Здесь и таежная горлица не воркует, а угрюмо, с тоской зовет какого-то «кума-кума». И соловей-свистун не поет, а свистит

дрожащим свистом, будто продрог в сырой чаще. И только назойливые комары звенят над ухом и кусают с таким же остервенением, как и в Лосиноостровском лесу под Москвой. Да и то только вечерами. По утрам в нагорной забайкальской тайге до самого июля перепадают легкие морозы, от которых цепенеет царство насекомых.

Спасаясь от «гноуса», Симов надвинул на брови шапку и, втянув голову в воротник своей косулей дохи, выставил на съедение комарам только кончик носа. Когда назойливый рой обнаруживал уязвимое место и набрасывался, он машинально смахивал комарье рукавом, стараясь как можно меньше шевелиться и не прерывать наблюдения за солонцом. Так просидел он с пол часа.

«Цыц-цыц-цыц», — прокричала белшапочная овсянка. Вслед за этим, совсем бесшумно, на солонцовую площадку выкатил заяц-беляк. Он весь уже был серым, и только лапки оставались в зимнем белом наряде, будто вымазанные известкой. Выскочивший зверек на мгновение замер на месте, поводил ушами и тут же, успокоившись, принялся грызть соленую землю.

Симов слегка шевельнулся, наклонившись к окошку сидьбы, и вдруг метрах в двух перед его глазами вырос второй серый столбик с длинными ушами. Он установился одним глазом на сидьбу, стараясь обнаружить нарушителя тишины. В это время с соседнего кустика перепорхнула овсянка и завозилась под нижней колодиной сидьбы, усаживаясь на свое гнездышко. Заяц успокоился, перекусил попавшую ему на пути веточку и, мелькая задними белыми лапками, заковылял в гору к своему товарищу на солонцовую площадку.

Беспечное поведение зайцев успокоило Симова, и он, несмотря на плохие показания «флюгера», уверил себя, что скоро явится олень.

Незаметно прошло еще с пол часа. Вдруг зайцы насторожились: неподалеку таежную тишину нарушили два тупых шлепка, будто кто-то уронил подряд пару кирпичей. Симов слегка высвободил из воротника голову и прислушался. Прошло несколько минут, и на розовом фоне освещенного облака из чащи показалась большая комолая голова на длинной шее. Голова неподвижно замерла, и только большие уши, как звукоуловители, повернулись несколько раз из стороны в сторону. Затем животное переступило несколько шагов, и теперь его стройный силуэт четко вырисовывался в тридцати шагах от сидьбы.

Оленуха спокойно нагнулась и резцами нижней челюсти стала скоблить соленую землю. Но тут случилось то, о чем преду-

прежде Рогов. Еле заметное дуновение ветра завернуло нитку вокруг щепочки. Оленуха мгновенно вскинула голову и, точно отпущенная пружина, одним прыжком исчезла с такой молниеносной быстротой, что невозможно было сообразить, в каком направлении она бросилась.

Снова потянулись вереницы долгих минут, а вместе с ними надвинулась ночная темнота, заставившая внимательнее следить за солонцовой площадкой и перебегающими по ней зайцами. Незаметно наступило успокоение. Но в это время с ближнего увала раздалось в темноте грозное «гхао»; это испуганно рявкнул старый бык, уловив по ветру присутствие человека. Теперь, убедившись в правоте старого охотника, Симов вылез из коченка и, спытаясь в темноте о колодины и камни, угрюмо побрел на табор.

На заре снова заиграл пленный таймень. Рыба взбунтовалась и заметалась с еще большим остервенением. Пришлось перевязать ремень, который заметно истерся в зубастой пасти тайменя.

В полдень утренний туман, висевший молочной завесой над Джилой, рассеялся. Испарилась и роса. Все это предвещало хорошую погоду и, следовательно, успешную охоту на солонцах.

День выпал томительно жаркий. Раздевшись, Симов забрел в прозрачную ледяную воду заводи. Поежившись, окунулся в поток и поплыл, рассекая хрустальную свежую воду мерными саженками. Быстрое течение подхватило его и вынесло на середину Джилы. Дышалось легко и свободно. Круто развернувшись, он поплыл назад к берегу, выбрался на отмель и с наслаждением растянулся на горячем песке, под жгучими лучами. Вскоре горное солнце заставило его перебраться под балаган, да и подошло время собираться на охоту.

Придя к сидьбе, Симов прежде всего присмотрелся к нижнему бревну, под которым вчера возилась овсянка. Наклонившись, он заметил аккуратно сплетенные соломинки и торчащий из-за них маленький острый клювик, затем серо-бурую, с небольшой лысиной, испещренную черными крапинками головку птички. Он не стал тревожить наседку и, обойдя сидьбу, осторожно перелез через бревна.

С заходом солнца исчезли в небе последние румяные барашки. С гор подул легкий ветерок, и ниточка флюгера затрепетала в направлении на сидьбу. Теперь никакой зверь с солонцовой площадки не смог бы уловить присутствие человека.

Перед сумерками, как и накануне, первым аккуратно явился заяц. Через некоторое время к нему бесшумно подкатили еще два.

У камня, под которым Фока насыпал килограмма три соли,

зверьки сошлись вместе и настолько близко, что удачным выстрелом из дробового ружья их можно было бы уложить всех сразу. Разрывая землю лапками и зубами, зверьки и не подозревали, что в тридцати шагах за ними наблюдает человек.

Неожиданно все трое, как по команде, прекратили грызть землю. Они насторожились и навострили уши в одну сторону, на прилегающую чащу. Один зайчишка приподнялся на задние лапки, замер на минуту, огляделся, затем обтер передними, точно в белых рукавчиках, лапками мордочку, спокойно опустил ее и принялся солонцевать. Другие последовали его хорошему примеру, однако изредка все же поворачивали ушки в одном направлении. По их поведению можно было не сомневаться, что невдалеке в чаще кто-то стоит.

Действительно, вскоре на площадку вышла оленуха. Это была старая изюбриха со слегка вздутыми боками, по-видимому, еще не отелившаяся. Шкура ее порыжела, покрывшись летними короткими волосами, и только на холке и спине выделялись серые клочья зимнего наряда. Она отогнала зайцев и, расставив передние ноги, стала скоблить под камнем соленую землю.

Зайцы, покружив, снова подобрались к заветному месту, но оленуха опять отогнала их прочь. Едва она вернулась к камню, как за ней следом подкатил заяц. Оленуха с прижатыми ушами пошла на него и притопнула передними ногами. Но настойчивый заяц ловко увернулся от удара и, забежав с другой стороны на край площадки, снова принялся грызть слабо посоленную землю.

Когда изюбриха собралась уходить, ей навстречу вышли два небольших прошлогодних телка. Это были, по-видимому, одноутробные близнецы, так как у изюбров нередко рождаются двой-

няшки. Наскоро похватав солевой земли, они последовали за ушедшей на увал маткой.

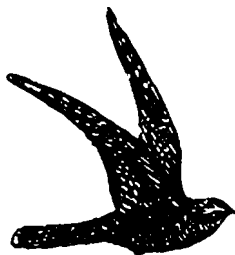
Скоро на солонце снова появился стройный силуэт оленя. Это был молодой бычок с небольшими прямыми рожками. Он дольше всех пробыл на площадке.

В сгустившихся вечерних сумерках солонец опустел. Наступившую тишину нарушил резкий крик, напоминающий часто повторяемый слог «цой-цой». Через мгновение крик повторился рядом, в кустах, и вслед за этим бесшумно вылетел козодой. Он на мгновение повис над сидьбой, затем, как бабочка, метнулся в сторону и исчез в густой поросли. Эта сумеречная птица — последний вестник уходящего дня.

Узкая полоска заката погасла, и наступила темная таежная ночь. Симов протянул руку за приготовленной заранее папироской. Маскируя в полах дохи огонь зажигалки, он с наслаждением закурил махорочную самокрутку. От долгого перерыва в куренье закружилась голова. Замяв огонек папироски, слегка распрямив уставшую от долгого сиденья спину, он поднял голову и вдруг заметил на фоне звездного неба большие ветвистые рога изюбра. Ему показалось, что это видение. Но рога покачнулись и медленно проплыли над вершинами кустов, затем показалась массивная голова на мощной гривастой шее и, наконец, весь силуэт животного. Это был огромный изюбр-самец, чуть ли не вдвое превышающий размеры молодого бычка и самки. Олень с гордой осанкой вышел на площадку и нагнулся к камню.

Повременив, пока улеглось волнение, охотник тихо потянулся за винтовкой, но тут же замер... Олень мгновенно прекратил грызть соленую землю и, высоко вскинув голову, насторожился. Постояв так несколько минут, он успокоился и снова опустил голову к земле.

Симову удалось сделать еще небольшое движение, рука охватила шейку ложа винтовки. Но опять пришлось затаиться. Наконец, в третий раз, когда приклад был на плече, Симов прицелился в лопатку оленя и нажал спусковой крючок. Грянул выстрел и раскатисто понесся по уснувшей долине. За ослепительной вспышкой заряда нельзя было понять, что случилось с оле-

Козодой.

нем. И только донесшийся топот подтвердил, что он не упал на месте, а тяжело поскакал в гору. Топот все удалялся и внезапно затих на вершине косогора.

Во второй половине ночи таежную тишину раскололо знакомое «гхао». Это рявкнул чем-то напуганный олень.

Потеряв надежду увидеть на солонце новых гостей, охотник завернулся в доху и, прислонившись к загородке сидьбы, крепко уснул.

Солнце уже играло мириадами бриллиантов в кристаллах легкого ночного инея и каплях росы, когда Симов очнулся. Скинув доху, он поднялся к площадке и осмотрел ее. Нигде не было видно ни крови, ни выдранного пулей клочка рыжей шерсти. Закинув за спину винтовку, он отыскал вечерний след быка и, ориентируясь по взрытой копытами земле, пошел в гору.

След шел напролом через чащу. Для опытного охотника это верная примета того, что олень смертельно ранен и бежит, как говорится, очертя голову. Но Симов не придал этому должного значения и, пристально разглядывая отпечатки копыт, понурился, брел косогором. Решив, что дальнейшие поиски бесполезны, он остановился, осмотрелся по сторонам и невольно залюбовался величественной панорамой забайкальской тайги, раскинувшейся перед ним в утренней туманной дымке.

Над безбрежным морем густого тумана вдали выступали, грядя за грядой, лиловые и сиреневые горные отроги. Вблизи возвышались — розовые с востока и синие в тени — кудрявые вершины сопки смежных долин. Невольно тянуло еще выше, на водораздел, чтобы увидеть исполненную величия горную панораму с другой стороны отрога.

Поднимаясь, Симов с интересом разглядывал нагромождения обомшелых камней, разукрашенных в оранжевые, желтые, зеленые и бурые тона накипными лишайниками. Среди этого каменного хаоса он неожиданно увидел лежавшего оленя. На его рыжеватой шерсти под лопаткой еще сочилась кровь. Голова с прикушенным языком запрокинулась назад. Это спасло от поломки огромные, почти полуметровой длины панты. Рога имели шесть симметричных отростков с розоватыми, еще мягкими концами. Ствол каждого рога был покрыт нежной кожицей с бархатистым светло-серым пушком.

Охотник бережно повернул голову изюбра, стараясь не повредить нежные панты. Сделав продольный разрез по брюшной белой линии, он выпустил наружу внутренности. Затем подрезал грудобрюшную преграду и вынул желудок с печенью. Прихва-

тив себе на завтрак сердце, кусок печенки, несколько ломтиков внутреннего жира, он спустился вниз по откосу и исчез в клубящемся тумане.

...У балагана пылал костер. Над ним висел котелок с оленьим сердцем, шипели нанизанные на рожни куски печенки с салом. Симов сидел у костра, поджав ноги, раскуривал трубку и благодушно посматривал на готовящийся завтрак.

Налетевший порыв ветра разорвал над Джилой завесу тумана, открыв на несколько секунд противоположный берег реки. И тут перед изумленным охотником предстало неожиданное видение: у самого устья реки Бугурикты, совсем близко от стана, стояла темно-бурая, горбатая и высоконогая фигура, напоминающая вышедшее из глубины веков гигантское ископаемое животное. Лось спокойно поднял большую носатую голову с массивными ветвистыми рогами,* покрытыми кожей с низким желторыжим мехом, и уставился на человека. Оба замерли, пока сомкнувшаяся пелена тумана снова не скрыла их друг от друга...

К концу дня все мясо изюбра было по частям перенесено вниз к реке и убраны со звериной тропы внутренности животного.

Под вечер, когда работа подходила к концу, на крутом берегу Большой речки, над самой головой Симова, появилась

* У забайкальских лосей, как правило, на рогах лопастей не бывает; этим они заметно отличаются от европейских сородичей.

белая волчья голова Батыра. Вслед за этим донесся ляг подков по каменистому броду, а спустя несколько минут на забок Джила вышли охотники с караваном лошадей, навьюченных мясом.

Узнав об удаче Симова, каждый в свою очередь похвастался добытыми пантами. Две пары пантов, добытые стариками, имели по четыре отростка и не превышали трех-четырех килограммов каждый. У Фоки — с шестью концами — тянули килограммов пять.

Охотники, несмотря на усталость после тридцатикилометрового перехода, помогли товарищу перенести и упрятать мясо в холодной ключевой воде ближнего родника.

На таборе закипела дружная работа. Все делалось как-то само собой, без предварительного сговора. Со стороны казалось, что все обязанности строго закреплены за каждым. Гаврила Данилыч и Фока расседывали и путали лошадей, Рогов развешивал на пнях перекидки с мясом, а у Симова тем временем пылал костер и готовился завтрак: шумел суп и на рожнях шипела печенка.

Товарищи собрались вокруг костра, рассказывали про свои похождения за неделю разлуки и подсчитывали количество зверей, приходивших на солонцы. Затем дружно были опустошены котел с супом и рожни, и скоро на стане все затихло в непробудном сне.

Когда солнечные лучи ласково заглянули в балаган, табор ожил. Одновременно поднявшись, охотники отправились к реке освежиться и посмотреть на привязанного тайменя. Рыба, как обычно, стояла спокойно, но с приближением людей метнулась в сторону, натянув ремень. Все были поражены живучестью тайменя, просидевшего на кукане семь суток.

Вдоволь налюбовавшись на него, охотники решили, что все же лучше быть ему в ухе, чем в реке. Гаврила Данилыч, любитель вкусно поесть, бойко принялся готовить уху, а Прокоп Ильич, Фока и Симов отправились проверить уложенное мясо. Пришли они очень кстати, так как за ночь уровень родника понизился, и мясо выступило из воды. Охотники перенесли его в яму поглубже, а чтобы вороны сверху не отыскивали подводной кладовой, яму забросали ветками. Такая предосторожность была подсказана Рогову опытом. Однажды у него из незакрытой ямы исчезло все мясо. Оказалось, что вороны обнаружили «клад» и своим карканьем привлекли внимание медведя, который и вытащил все мясо из воды.

На полпути к стану охотников встретил Уваров. Старик шел

поторопить их к ухе, которая могла перевариться и, как он выражался, «потерять дух». Но его опасения оказались напрасными. Несмотря на то, что таймень голодал неделю, уха из него вышла преотличной — наваристой и жирной. После однообразной мясной пищи друзья с удовольствием опустошили котел и немедленно приступили к сборам в дорогу. Навьючив лошадей, каждый перекинул через плечо по паре лобовых* пантов и вывел своего коня на тропу.

В этот день, преодолев Большереченский перевал, караван спустился в долину Якушихи и к вечеру притаборился на пышной лужайке при устье Якушинского Тыпхья. Отсюда до Новых Ключей оставалось километров восемнадцать, и охотники решили выступить с рассветом, чтобы прийти в деревню по утреннему холодку.

Через неделю тем же путем подвезли и остальное мясо. Удивительно было видеть его таким же, как в день убоя изюбра. Рогов объяснил, что мясо в воде белеет, вымокает, только с поверхности. Достаточно ему повисеть несколько часов на воздухе, как оно «наливается» снова и приобретает первоначальный вид.

Всю неделю, пока Уваров и Трохин ездили в тайгу за мясом, Прокоп Ильич варил панты.

Перед тем как приступить к этому ответственному делу, он у

* Лобовые панты — рога вместе с лобовой и теменной костями. Они ценятся выше, чем панты, срезанные с изюбров, разводимых в неволе.

каждой пары лобовых пантов подровнял края лобовой и теменной костей, а выступающую за их пределы на один-два сантиметра кожу натянул, соединив ее противоположные края суровыми нитками. На одном роге он аккуратно зашил нитками нежную надорванную кожицу.

Варку пантов Прокоп Ильич начал с того, что опустил на две минуты в кипящую воду черепные кости и нижнюю часть рогов до пеньков. С каждой парой пантов он это повторял поочередно пять-шесть раз, после чего кровеносные сосуды в нижней части рогов заварились, и кровь перестала вытекать наружу.

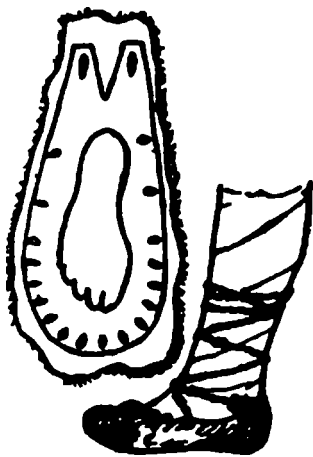
Вслед за этим старик заварил мягкие концы рогов: он поочередно опускал каждый рог в котел на одну-две минуты, отчего мягкие концы набухали. У одного рога, едва начавшего раздвигаться, конец при этом разбух. Старик немедленно вынул его и рукой придал концу правильную овальную форму.

После заварки рога остывали десять минут на ветерке, в тени под навесом, подвешенные кверху черепными костями. Затем они снова заваривались. Всю эту процедуру Прокоп Ильич повторил в течение дня по двадцать (!) раз с каждым рогом. Затем до конца дня и на всю ночь развесил их под навесом. Так, семь дней он ежедневно проваривал панты, опуская их в кипящую воду сначала на минуту, а через два-три дня, когда рога достаточно уварились, проварились и затвердели, — на 2—3 минуты.

К концу недели панты вдвое потеряли в весе и стали твердыми. Только после этого их подвесили для окончательной просушки.

Теперь, когда все мясо было пересыпано семипроцентным количеством соли и уложено в бочки, а панты многократно проварены и просушены, охотники отдыхали, поджидая вызванную из города машину. Симов не стал дожидаться ее и на другой же день выехал в тайгу.

В середине июня на устье Большой речки, среди бескрайних таежных просторов, снова взвилась к небу кисейная дымовая струйка. В первый же вечер Симов навестил известный больше-реченский солонец и, к великому своему удивлению, не обнаружил на площадке ни одного свежего оленьего камада. На следующий день, изготовив моршни из просоленного камаса — кожи с ног оленя, — он обулся в них и отправился на солонцы в долину Бугурикты. На пути повсюду встречались многочисленные парные следы изюбров. Среди них заметно выделялся крупный след старого быка-одинца; он проходил вдоль кромки небольших лес-

**Моршни из изюбрового
камаса.**

ных островков, редколесьем, а затем терялся в густой чаще молодых лиственниц. По сбитой на пыльном травостое росе легко можно было определить, что зверь проходил утром.

Бесшумно переступая мягкими моршнями, охотник медленно продвигался теневой стороной перелесков, зорко осматриваясь. Наконец путь ему преградил небольшой распадок, на склонах которого стеной поднималась густая поросль сибирского багульника, усыпанного нежно малиновыми и розовыми цветами. Симов решил идти не обходом, а прямоком. Но шорох его стеганой куртки по кустам оказался достаточно громким для лесных обитателей. Уловил его и тонкий слух старого изюбра, который не

замедлил рывкнуть грубым басом метрах в трехстах за стрелкой. Прошло минут десять, и бык снова рывкнул, но уже выше, по-видимому, поднявшись на стрелку, чтобы разглядеть нарушителя таежного покоя. Действительно, скоро среди обломков скал, заросших молодыми лиственницами, мелькнул рыжий бок оленя, затем проплыли над кустами большие штаны, и зверь скрылся.

...Рассвет охотник встретил наверху, у горного пастбища оленей. На нем только что паслись изюбры, оставив еще теплый помет, напоминающий телячьи шевяки. Определив направление, в котором ушли звери, Симов стал осторожно спускаться к соседнему увалу.

Добравшись до каменистой россыпи, он выглянул из-за гранитной глыбы и увидел на лужайке, метрах в трехстах от себя, двух спокойно пасущихся молодых оленух, а в стороне — старого массивного быка с небольшими рожками. С этого расстояния уже можно было стрелять. Но Симову захотелось подобраться ближе. Таясь, он бесшумно перешел к небольшому островку кустов и от него ложиной поднялся к лиственничному лесу.

Теперь до быка оставалось не больше ста метров. Укрываясь

за стволами вековых деревьев, Симов сделал еще несколько шагов. Но в это время его ревматическая коленка хрустнула в суставе. Звери сразу подняли головы и повернули уши в сторону охотника. Встревоженный бык сделал несколько шажков, поднявшись на пригорок. Повторись теперь малейший шорох — и он, как стрела, исчез бы в лесных дебрях...

Только через несколько минут звери успокоились и снова стали щипать траву.

Симов не спеша поднял винтовку, хорошо прицелился в быка и выстрелил. Пуля глухо ударила зверя в бок. Весь сжавшись, он замер, но через мгновение сорвался с места и стремглав помчался в гору вслед за оленухами. Проскакав метров сто, бык стал отставать от них, перешел на шаг, пошатнулся и лег.

Симов бегом бросился в обход, отрезая зверю путь к таежному массиву. Забежав повыше, он стал подходить к нему. Тяжело раненный олень собрался с последними силами, вскочил и поскакал вниз по увалу. У реки он с разбегу вломился в заросли ерника и, обессилев, безжизненно повалился набок.

Это был очень старый бык со стертými резцами, которые едва выдавались из десен редкими пеньками. Рога его были короткими и толстыми, с небольшими корявыми отростками. При падении один отросток сломался, и из него текла струйка малиновой крови.

Сняв с оленя основные размеры, Симов освежевал и разделал тушу. Кожа старого изюбра отделялась с большим трудом. Только через пять часов работа была закончена и мясо связано в перекидки.

Отдохнув, Симов вернулся с заседланной лошастью. С приближением к оленю, конь попятился назад. Раздувая ноздри, он захрапел, испуганно кося глаза на залитое кровью место. С трудом удалось подвести его к парному мясу.

Привязав повод, Симов поднял перекидку с лопатками и пошел к коню. Тот шарахнулся, но, успокоенный ласковыми словами, дал перебросить через седло первую связку. Стегна — бедра — оказались вдвое тяжелее и, сляясь их перекинуть, Симов неосторожно ткнул оленьей костью в пах лошади. Она тут же отскочила, лягнув хозяина ногой. От сильного удара Симов отлетел в сторону и упал навзничь. Когда он очнулся, то понял, какого несчастья ему удалось избежать; рядом лежало оленьё стегно, разодранное конской подковой. По счастливой случайности оно прикрыло его бедро и приняло на себя удар кованого копыта.

Успокоившись и успокоив коня, Симов осторожно навьючил на него остальные перекидки и вышел на тропу к переправе. Брод оказался каменистым и глубоким, с быстрым течением. Пришлось перевозить мясо в два приема, разделив его на два вьюка по 80 килограммов.

Охотник вернулся в деревню только на другой день. Товарищи его за это время отдохнули и приготовились к очередному выезду в тайгу. От них узнал он, что приходила автомашина и увезла в город восемь стокилограммовых бочонков солонины и столько же соленой рыбы. Приезжал майор вместе с начальником охотинспекции. Оба они остались довольны работой бригады и пообещали в скором времени прислать хороших лошадей.

Глава IV

НЕХОЖЕНЫМИ ТРОПАМИ

В начале июля охотники собрались в верховья Ингоды, на левый ее приток — Большой Улелей.

Широкая заболоченная долина этой реки была известна богатыми сохатиными пастбищами, а примыкающие горные отроги — большими кедровыми островами. Проводником вызвался идти Уваров, который лет двадцать назад белковал в улелейской тайге.

С выездом пришлось задержаться. Обещанные лошади, которых пригнали из Читинского ветеринарного лазарета, оказались из числа выбракованных и не пригодных для войсковой службы. За время длительного перегона они настолько ослабели и отощали, что выехать на них за полтора километра в малоизвестные таежные места нечего было и думать. В колхозе же готовились к косовице и помочь лошадям тоже не могли. Пришлось, как выразился Рогов, «наращивать штаны» своим горе-коням.

Кони были распределены между охотниками. Каждый занял-

ся своей иждивенкой. Ежедневное скормливание полвоза сочной подсолонной травы, стойловое содержание и регулярный водопой дали отличные результаты. Через неделю лошади повеселели, шерсть на них залоснилась, бока закруглились, налились и «штаны», почти сомкнув просвет в промежности.

— Эх, овсом бы их поддержать! — сокрушенно заметил Проккоп Ильич. — Вот тогда б они набрались хлебной силы! А эта, травяная, ненадолго... За неделю набрали, за неделю и спустят...

Но медлить больше нельзя было. Восьмого июля отряд потянулся на Улелей. Дорога шла по припойменной террасе левого берега, среди живописных березовых колков и молодых сосняков.

К середине дня охотники, пройдя 30 километров, вошли в Ленинский поселок, последний населенный пункт в верховьях Ингоды. Эта небольшая деревня поражала добротностью и новизной построек. За пятистенными избами, сложенными из свежих толстых бревен, стояли такие же надежные амбары и сараи. Обширные усадьбы были огорожены частоколами с тесовыми воротами и калитками. На каждом дворе высился над крытым срубом колодезный журавель.

Охотники проехали деревню и не встретили ни одного человека. Все были на покосе. Лишь в крайней избе удалось обнаружить больного старика. Расспросив его о фарватере Ингоды и о пути на Большой Улелей, охотники отправились дальше. К вечеру они достигли Хинкарая.

Сопки отступили здесь от реки на пять-восемь километров, образовав широкую долину. В прирусловой пойме виднелись небольшие тихие заливы, а по старице—озера, заросшие кувшинкой, вахтой, рдестами и стрелолистом. По берегам озер темнели осоковые кочки и заросли хвоща. Над ними склонялся редкий низкорослый тростник. За старицей по пойменной террасе раскинулись луга с широколиственным и злаковым разнотравьем.

Дорогой охотники видели много звериных следов. К лесной опушке выходили кабаны, оставив на лугу рытвины и темные полосы измятой и перепутанной травы. Через Ингоду перебродила лосиха с теленком. Встретившись с медвежьим семейством, она рысью ушла за реку, оставив на песчаной отмели следы полтораметровых шагов. Медведица с двумя медвежатами прошла по этой отмели и забрела в реку вслед за лосихой. Но медвежата вернулись на берег. За ними вышла мать и повела их своим следом назад, в сосновый бор.

С лесных опушек со всех сторон раздавалось рвяканье косуль.

Путники пересекли долину и вышли к старому, заброшенному стойбищу, заросшему пыреем и рослой крапивой.

Здесь и отаборились.

Под вечер на стане остался один Батыр. Охотники отправились «в ночное», на засидки.

С закатом солнца растаяли розовые барашки облаков, и прозрачное небо стало нежно-сиреневым. Изумрудная зелень наполнилась лиловыми тонами. Над озерами поднялись шапки тумана, и от реки, вниз по долине,

потянулись зыбкие белые космы. Затейливо сплетаясь в валы, они с каждой минутой увеличивались, закрывая сопки. Вскоре всю долину залила колышущаяся белая пелена тумана, сквозь которую едва выступали расплывчатые силуэты ближних предметов. В призрачной дали терялась полоска угасающей зари. Вечерние сумерки сгущались.

Прошло полчаса, и на смену серым тонам появились светлосиние. Снова все кругом посветлело, и сквозь разрывы тумана заиграли в воде дрожащие золотые блики лунного отражения. Уваров с Симовым сидели у медвежьей тропы, прислушиваясь к монотонному комариному звону и переливчатому журчанию речного переката.

Неожиданно вечернюю тишину нарушил треск надломившейся сухой ветки. Из кустов донесся шорох. Послышались осторожные шаги.

Шаги приближались. Симов поднял ружье и застыл. Ближние кусты тальниковой поросли шевельнулись, и среди них показался расплывчатый силуэт большого животного.

Припав к прикладу и подведя мушку под лопатку зверя, Си-

мов прикоснулся пальцем к спусковому крючку, но тут же отдернул его назад. Холодный пот выступил у него на лбу. Из тальниковой чаши высунулась... конская голова. Это Рыжуха пришла проведать хозяина.

Облегченно вздохнув, точно сбросив непосильную ношу, лейтенант поднялся из своей сидьбы. Лошадь насторожила уши и сипло заржала.

— Ну, чего тебя нелегкая принесла! — в сердцах ответил ей Симов. Окликнув Уварова, он подошел к нему и искренне поблагодарил старика за совет никогда не стрелять, пока ясно не увидишь цели.

Охоту пришлось прервать. На таборе Батыр встретил их легким рычанием, но, разобравшись, виновато завил хвостом и, натянув сворку, заластился у ног, надеясь получить кусок свежей печенки. Старательно обнюхав руки охотников, разочарованный пес отошел в сторону и, вздохнув, улегся на свое место.

Утром на стан вернулись и остальные. Батыр не поленился обнюхать каждого, но, ни на ком не обнаружив запахов свежей дичины, безнадежно растянулся на росистой траве.

Лошади, преследуемые многочисленным роем слепней и комаров, торопились к стану под защиту дымовой завесы костра. Роговский Бурка прихрамывал и брел позади. Как выяснилось, он засек копыто шипом подковы. Образовалось нагноение. Прокопу Ильичу пришлось собираться в обратный путь. Простившись с ним, Уваров, Трохин и Симов отправились дальше береговой тропой, сквозь густые заросли черемухи, сплошь усыпанные гроздьями еще неспелой ягоды. Часто охотникам встречались заросли различных жимолостей, также обильно усыпанных удлиненными синими ягодками. Охотники спешивались и с удовольствием лакомились сладкими ягодами съедобной жимолости. На всех других плоды были горьки, как хина.

По мере продвижения вверх по Ингоде долина ее становилась все более узкой. Чаше встречались утесы и каменистые завалы, а по реке — пороги. Вскоре тропа привела охотников к огромному утесу, стоявшему своим основанием в глубоком омуте.

Охотники свернули в распадок быстрой речки Громатухи. Тропа пошла густым березняком, меняя направление и бесконечно чередуясь спусками и крутыми подъемами. Несмотря на гористый рельеф, отдохнувшие лошади шли бодро, и к полудню отряд поднялся на водораздел между реками Ингодой и Чикоем. Теперь, вместо березняков, теснился вдоль тропы лиственничный лес. Под ногами расстился бруснично-разнотравный ковер.

Дорогой Фока первым заметил на гигантской лиственнице старый затес, который настолько зарос и заплыл смолой, что походил на болезненный нарост. Против него охотники свернули влево к северному склону. Как это свойственно горам, лес сразу изменился. На лиственницах появились гирлянды бородатого лишайника, и травостой сменился густыми зарослями багульника. В пойме реки Аргайты появились сфагновые мхи и тощие торфяники, обычные для почвы с вечной мерзлотой.

У Ингоды, на небольшой лужайке, стоял покосившийся от давности рыбацкий балаган. Под ним когда-то была просыпана поваренная соль, которая впиталась в землю. Изюбры и косули нашли этот «солонец» и, не страшась людской постройки, на коленях забирались под навес и выедали соленую землю. Под балаганом виднелась полуметровая яма, вырытая зубами животных.

До Большого Улеlea оставалось не более двадцати километров.

Этот переход оказался самым трудным. Тропа постоянно терялась среди каменистых россыпей. Высокие утесы приходилось объезжать по крутым склонам, заваленным щебенкой. Непривычные к таким переходам лошади часто оступались, рискуя сорваться в пропасть.

В одном месте подъем оказался настолько крутым и заваленным камнями, что пришлось спуститься к самой воде и проводить лошадей под утесом бродом, навстречу бурному течению реки. Монгольские лошади упирались. Охотники, перемокнув по грудь, с большим трудом заставили их пройти под нависшей над рекой скалой.

По расчетам Уварова, впереди оставалось еще одно, последнее препятствие — объезд Бурлова утеса.

Еще издалека охотники ясно услышали рев порога. Впереди показалась Бурлова сопка, одна сторона которой обрывалась к реке отвесной стометровой стеной. Огромный камень откололся от этой стены и лег в реке, разделив ее на две части. Перед ним образовался километровый плес, зеркальная гладь которого обрывалась порогом между камнем и стеной.

В этом месте река с яростью устремлялась под утес. Вода кипела, как в котле, и, вырываясь из-под скалы метровыми валами и множеством воронок, выносила на себе хлопья пены. Это и был Бурлов порог, названный именем охотника, когда-то разбившегося здесь вместе с плотами о камни.

Поднявшись на вершину обрыва, охотники подошли к его

краю и заглянули вниз. Под ними грозно ревел мощный порог, заглушая голоса людей. Симов столкнул вниз камень. Только на пятой секунде он достиг реки...

Все молчали. Уваров, раскурив громадную, под стать своему богатырскому росту трубку, стал объяснять:

— Спускаться этим порогом надо умело... Когда плывешь — держись правой стороны и не зевай! Иначе попадешь меж скалой и камнем, и тогда — конец. Плоты в щепы разнесет, а самих прочетвертует...

Оценив все трудности предстоящего на обратном пути плавания, охотники благополучно спустились с Бурлова утеса и вскоре выехали к устью Большого Улелея. Утомленные длительным и трудным переходом, они наскоро отаборились и расположились на отдых. Назавтра отряду предстояло преодолеть последний сорокакилометровый переход к верховью Большого Улелея.

При утренних сборах выяснилось, что подковы у коней разболтались, едва держатся, и необходимо немедленно их перековать. Непривычные к ковке животные бились и лягались, не давая возможности подступиться к копытам. Приходилось каждую валить на бок и связывать ей ноги.

Фока Трохин управлялся с этим делом лучше всех. Он надевал веревочную петлю на бабку передней ноги лошади, перекидывал веревку через холку и подтягивал копыто вверх. После этого опрокинуть лошадь на бок было уже делом нетрудным.

Только к полудню были окончены кузнечные работы, и отряд покинул стоянку. Тропа исчезла на первом же километре, и путь пошел труднопроходимой лесной целиной. Степные лошади оказались совершенно неприспособленными к таежным условиям. Поминутно спотыкаясь о колодины и заплетаясь ногами в кустах сибирского багульника, они часто падали. При переходе через топкие места и речки лошади пугливо шаркались в стороны, вязли в трясине, ложились в грязь. Путникам с большим трудом приходилось вытаскивать их и вести на поводу дальше.

Много сил и настойчивости потребовал от людей этот переход. И все же к вечеру другого дня отряд добрался к верховьям Улелея, где были знаменитые кедровники и озера и где, по словам таежников, находилось изобильное царство непуганых зверей.

Вместе с солнцем первым поднялся Уваров и ушел на разведку в кедровник. Трохин с Симовым отправились на озера и луга.

В верховье Улелея лиственничная тайга ушла к вершинам сопок, уступив широкую речную пойму зарослям ерника и топкому «калтусу» — моховому болоту. Небольшое озеро в центре этого болота заросло плотным, упругим ковром из сфагнового мха, крепко переплетенного корневищами водноболотных растений. Этот зыбкий, качающийся покров выдерживает груз человека. Но беда, если неосторожный путник шагнет в «окно», в коварно замаскированный провал; уйдет, как ключ, ко дну... По берегам озера теснились осоковые кочки.

Эти труднопроходимые и малокормные места лоси не посещали. Разочарованные охотники, намаявшись и вымокнув, вернулись на стан и, решив, что ночное дежурство на озере бесполезно, расположились на ночлег.

...Утренний туман медленно оседал, покрывая все обильной росой. Отяжелевшие, седые от бисерных капелек, шинели не спасали от промозглой утренней сырости. Фока поднялся на колени, попробовал согреться, покачавшись из стороны в сторону, но безрезультатно; неприятный озноб пробирал все тело. Он подбросил в костер хворосту и разбудил Симова.

Невдалеке неистово закричала рыжеголовая сойка. Симов выжидающе посмотрел в ту сторону. Вскоре на опушку вышел Уваров. У стана он грузно повалился в траву. Его измученный и растерянный вид встревожил товарищей, но, по таежным обычаям, никто из них не стал расспрашивать. Накормив и дав ему собраться с мыслями, охотники терпеливо ждали.

Гаврила Данилыч медлил, стараясь не встречаться глазами с вопросительным взглядом Фоки. Наконец, Симов не выдержал и спросил в чем дело.

— Корите меня, как хотите, но только я не виноват, — глухо начал Гаврила Данилович. — Улелейский кедровник, в котором я белковал, сгорел. Должно, спалила экспедиция. Второго, что к Жергею, я не нашел. Признаться, ночью совсем закружил и едва выбрался к стану. За двадцать лет все изменилось... Ничего не пойму... Тропы позаросли... Где стоял лес, теперь там гарь. По старым гарям поднялся молодой сосняк. Не попал и к перевалу на Малый Улелей... Знаю, что здесь он, неподалеку. Помню, от озера мы ходили вверх по Большому и отворачивали влево. А сейчас бродил-бродил... Ничего не пойму, будто нечистый водит. Тьфу! А все же попробую еще... Не может того быть, чтоб я так позабыл места, — закончил старик.

На следующее утро охотники тронулись в путь. Звериная тропа, которой они шли, раздваивалась много раз и вскоре стала едва заметной. Уваров вел отряд через ерник. За ним непролазной стеной встал молодой сосняк; пришлось Фоке выйти вперед и прорубать дорогу. Дальнейший путь еще более усложнился бесконечными подъемами и спусками и, наконец, был окончательно прегражден завалом бурелома.

— Стой! — гаркнул Фока. И со вспыльчивостью людей, имеющих какой-нибудь физический недостаток, весь затрясся от ярости. Уваров покорно остановился и повернулся к товарищам. Не спуская со старика глаз, Фока молча подошел к нему.

— Ты, дьявол старый, куда нас завел? Куда завел, спрашиваю я тебя? — хрипло спросил он.

Уваров отступил назад. Его загорелое лицо стало пепельно-серым, глаза округлились, губы что-то невнятно зашептали.

— Убью, гад!.. — И Фока занес над стариком огромный волосатый кулак.

Между ними встал Симов.

— Ты что, ошалел? — крикнул он Фоке. — Рассудительность твоя где? Убери руку сейчас же! Мордобой устраивать нечего. Этим делу не поможешь!

Фока покраснел. Разжав кулак, он опустил руку и зашарил глазами по земле...

— Я так... ничего, товарищ лейтенант. Но только, ежели не знаешь, так не берись быть проводником... У нас за это...

— В этом ты прав, — перебил его Симов. — А тебе, Данилыч, — обратился он к Уварову, — давно надо бы признаться, что потерял дорогу. Шутка ли, так замучить и себя, и нас, и коней.

— Так нешто я зла хотел бригаде? — убитым голосом оправдывался Уваров. — Хотел ближним путем на Ингоду вывести, коней и время сберечь... Помню, в прошлые годы напарники мои Малым Улелеем не раз выходили на Ингоду. Ну, ладно, кедрач сгорел... А куда запропастилась речка эта, будь она неладна?

— Будет толковать... — остановил его Симов. — Потом разберемся, куда речка девалась. А теперь — ни шагу вперед! Пока дождями не замыло следы, пойдете себе в пята. — С этими словами он повернул коня и повел его назад, внимательно всматриваясь в следы. Охотники своей тропой возвращались к истокам Улелея.

Симов шел впереди. Решив сократить дорогу, он направился звериной тропой напрямик.

— Сто-о-ой! Товарищ лейтенант, поглядите, — возбужденно воскликнул Фока и отбежал в сторону, к вбитому в землю небольшому колу с вырубленным гладким затесом. На нем была вырезана стрелка и под ней чертежным почерком следовал пояснительный текст. За давностью карандашный графит местами смыло, но очертания букв сохранились, и Симов громко прочитал вслух: «Отворот в падь Малый Улелей». Все оживились, радостно заговорили. Осмотрев местность, охотники немедленно свернули в указанном направлении и, перейдя долину Большого Улелея, вошли в лес. На деревьях через каждые пятнадцать-двадцать шагов видны были огромные затесы. Сразу стало видно, что здесь проходила экспедиция; охотники обычно отмечают тропу иначе — небольшими зарубками и на таком расстоянии, что одну от другой едва видно.

Преодолев перевал, путники благополучно спустились к истокам Малого Улелея. Тропа привела их в бескрайние заросли ерника, заглушившие травянистую растительность. Пришлось спуститься вниз по речке, чтобы отыскать лужайку для лошадей. Отощавшие, они едва поспевали за людьми. Поминутно дергая головой и натягивая повод, несчастные животные тянулись к зеленым веточкам кустарников. Но охотники торопили их. По расчетам Уварова, до Ингоды оставалось не больше десяти километров.

Малый Улелей в своем устье оказался быстрым потоком, метров десяти шириной и лишь немного уступал Большому Улелею. Протяженность его долины в 30 километров также подтвердила предположение, что обе речки примерно равны.

Поручив Уварову, в наказанье, оборудовать табор и все хозяйственные дела, Симов и Трохин отправились обследовать пойму Ингоды. Тут же у стана оказался звериный брод. На отмель выходили следы лосей и кабанов. У леса следы сходились в тропы. Фока, ориентируясь по ним, легко отыскал небольшое лесное озеро, заросшее на середине кувшинкой, а по краям — хвощем, вахтой и высоким рогозом.

Вечерние сумерки прервали разведку. Наступившая темнота скрыла окружающие предметы, оставив лишь на середине реки светящийся блик. Налетевший легкий ветерок принес с собой отдаленный шум порога. Нахлынули разорванные хлопья тумана, закрыв на реке последний просвет. Наступившую тишину нарушил донесшийся с противоположного берега громкий всплеск

от свалившегося в реку громоздкого тела. Послышалось бульканье воды, пофыркивание на середине реки, затем в тумане на берегу показался силуэт большого лося.

В одно мгновение Трохин вскинул винтовку и выстрелил. Огромный старый бык был сражен замертво. Фока, всегда поражавший товарищей своим зрением, по-видимому, обостренным за счет глухоты, в этот вечер превзошел все стрелковые возможности. Его твердой рукой пуля была точно направлена под ухо животного.

Запасы хлеба, соли и крупы подходили к концу. Махорка иссякла, и охотники уже несколько дней томились без курева. Каждый завтрак, обед и ужин заканчивался неизменной фразой: «Эх, махорочки бы...». Все это заставляло товарищей торопиться с возвращением в Ключи.

Решено было сплавить лося на плотях, а лошадей налегке перегнать берегом. Охотникам предстояло заготовить и обработать немало леса, чтобы соорудить прочные и послушные плоты.

Фокино зрение и на этот раз выручило товарищей. Он первый обнаружил на противоположном берегу завал колодника.

Охотники переплыли Ингоду и занялись заготовкой леса. Поваленные бурей сухие сосны в обхват толщиной оказались прекрасным материалом для постройки зимовья и плотов. Стволы были разделаны на «сутунки»—пятиметровые бревна—и подтащены к берегу.

Первый плот шириной в десять бревен был скреплен кольцами, скрученными из молодых березок, распаренных в горячей золе костра. Такое кольцо надевалось на пару бревен, туго натягивалось стягом и заклинивалось под жердь, положенную поперек бревен. Скрепив таким образом оба конца, к ним подвязывали вторую пару.

Фока нашел, что прочнее будет, если бревна посадить «на иглу». Второй плот скрепили новым способом. Концы бревен обтесали до пятнадцатисантиметровой толщины и прорубили в них проушины — квадратные десятисантиметровые отверстия. Затем сквозь оба конца бревен через проушины пропустили две «иглы» — березовые жерди. Чтобы нанизанные на них бревна не соскочили, их накрепко заклинили. Этот плот вышел гораздо прочнее и проще в постройке.

Соединив оба плота торцами, их связали между собой толстыми березовыми кольцами.

Весла смастерили из пятиметровых жердей. В расщепленный конец жерди вставили доску-лопасть, зажав ее накрепко бере-

зовым кольцом. Противоположный конец весла был хорошо затесан, для удобства захвата руками. В центре жерди сделана зарубка, чтобы весло не сползло в воду.

Соорудив плоты, охотники нагрузили их шестиметровыми бревнами для устройства зимовья и поплыли на другой берег.

Трохин с Уваровым рубили зимовье три дня, а Симов в это время возился с мясом.

Лосиная туша была им разделена на восемь крупных частей: два стегна, две лопатки, две поребранные части и шея с грудной. Все мясо он аккуратно уложил в душистые ветки багульника и каждую часть сверху надрезал вдоль костей и по толщине мякоти на глубину ладони. Надрезы эти были засыпаны солью, раствор которой и проникал в толщу мяса. Кругом «мясного склада» днем и ночью чадил дымокур, отгоняя назойливых мясных мух.

Как только зимовье было готово, Симов и Трохин уложили мясо и пожитки на плоты, вывели их на середину реки и скоро скрылись в утреннем тумане с глаз Уварова.

Старик постоял с минуту на берегу и, вздохнув, отправился к лошадям. Оседлав своего Игреньку, он привязал к его хвосту повод Рыжухи, а к хвосту Рыжухи — Карьку и выехал со своим караваном на тропу к Аргайте.

Тем временем спаренные плоты, увлекаемые быстрым течением, неслись по реке. Симов стоял на переднем у направленного вперед весла, а Фока управлял задним, исполняя роль лоцмана. Он изредка подавал команду «на себя» или «от себя», оба наваливались на весла, и плоты послушно отворачивали в сторону, благополучно проплывая мимо камня или опасной коряги.

Фока старался срезать крутые изгибы реки, чтобы на поворотах плоты не прижало под нависшие над водой кусты и деревья или подмытые скалы. Часа через два туман рассеялся, и перед охотниками открылась живописная панорама ингодинской долины.

Река неслась между высокими скалистыми берегами. За каждым поворотом появлялись все новые утесы и мохнатые крутые сопки, покрытые лиственницами и соснами. Почти из-под каждого утеса с шумным плеском и каркающим криком вырывалась крохолиха с выводком утят. Птицы хлопали крыльями по воде и стремительно уплывали, скрываясь за поворотом. Иногда застигнутый врасплох выводок бросался навстречу течению и так же стремительно уносился вверх по реке, преодолевая быстрый поток.

Выводок крохалей.

Временами плоты выносило в тихие плесы. Тогда охотники присаживались отдохнуть, с тоской вспоминая о махорке.

На тридцатом километре пути долина Ингоды широко раскинулась, сопки отступили от берегов. Охотники узнали знакомое место — устье Большого Улелея. Воспользовавшись затишьем спокойного плеса, они потуже подбили клинья на плотах и, натянув веревки, приготовились к встрече Бурлова порога. Издалека доносившийся шум порога с каждой минутой нарастал, и вскоре плоты вынесло в плес, конец которого обрывался водопадом.

Фока встал. Пригнувшись, как перед встречей с опасным зверем, он спокойно всматривался в быстрое течение реки.

Когда до водопада оставалось метров двести, ровная водная гладь впереди слегка вогнулась, как бы образуя водяной желоб. В этот момент Фока подал команду «от себя». За шумом потока Симов не расслышал ее, но, давно ожидая, стал с силой отгребать. Плоты медленно пошли к правому берегу. Вдруг их внезапно рвануло влево, к кипящему проходу между камнем и стеной береговых скал. Фока что-то неистово закричал и отчаянно заработал веслом.

Глядя на него, изо всех сил навалился и Симов. Плоты нехотя замедлили ход, но под напором течения все еще тянули на середину реки. Охотники бешено заработали веслами. Плоты выровнялись, некоторое время шли параллельно правому берегу и, наконец, будто колеблясь, лениво приблизились к нему. Через несколько мгновений передний плот зашуршал по галечному дну и приткнулся на береговую мель.

Спрыгнув в воду, охотники стягами продвинули плоты еще

правее. Передняя часть плота глубоко врезалась в отмель, нагромоздив перед собой вал из гальки. С помощью рычагов удалось продвинуть плоты по мелководью вдоль берега, и они оказались вне опасности, ниже водопада. Здесь путники снова столкнули плоты в кипящий поток и, едва успев вскочить на них, с головокружительной быстротой понеслись по стремительным волнам разбушевавшейся реки. Разъяренные валы перекатывались через бревна, слясь смыть людей и предусмотрительно привязанную кладь.

Вскоре шум водопада стих. Река успокоилась, и охотники поплыли по тихому плесу. Течение настолько замедлилось, что, казалось, будто плоты стоят на месте. Пользуясь передышкой, охотники выжали перемокшую одежду и, смыв с лица соленый пот, присели отдохнуть.

Мимо медленно ползли обрывистые утесы и крутые увалы, покрытые стройными кудрявыми березками, мохнатыми соснами и лиственницами. Сквозь освещенную солнцем прозрачную воду ясно виднелось дно. Охотники с интересом рассматривали подводные камни, причудливые коряги и стоявшие за ними небольшие стайки хариусов. Испуганные тенью плотов, рыбки беспорядочной гурьбой, сверкая на солнце серебром чешуи, уносились к соседней коряге. Иногда из-под плота вырывался ленок или таймень, оставляя за собой серую полосу взмученного ила.

Приближалось устье Аргайты. Издалека донесся шум еще одного порога. Фока, всматриваясь вперед, выбирал наиболее удобный путь. С приближением к порогу лицо его становилось все строже и весь он будто собрался к прыжку. Наконец послышалась команда: «На себя!».

Впереди Симов увидел разбросанные в шахматном порядке по всей ширине реки глыбы камней и налег на весло. Первый камень промелькнул мимо, едва коснувшись борта. Фока смешался: он снова крикнул «на себя», затем подал противоположную команду и снова «на себя»... Его нерешительность сразу же сказалась. Передний плот со всего хода стукнулся о камень.

От сильного лобового удара одно березовое кольцо лопнуло, и два бревна отошли от плота, удерживаясь кольцом на противоположном конце. Нога Симова скользнула в щель. Он упал на бревна, едва не провалившись в воду. Фока растерянно смотрел на надвигавшуюся очередную каменную глыбу; второй удар окончательно разбил бы передний плот и сломал зажатую бревнами ногу товарища. Казалось, катастрофа неизбежна. Но Фока быстро опомнился. Он круто развернул плоты и принял удар на

свой плот. От толчка отбитые бревна плота разошлись. Симов высвободил ногу и, мгновенно поднявшись, взялся за весло.

Обогнув камень, плоты снова понеслись дальше. Теперь Симвов плыл задним, и ему пришлось выполнять роль лоцмана. Подавая команду, он совершенно забыл, что Фока глух; тот понимал его больше по жестам. Так пронеслись мимо нескольких камней. Наконец промелькнул последний, а вместе с ним миновала и опасность. В конце плеса показалось устье Аргайты.

Порог, чуть было не ставший роковым для Симова, назывался Гайбитовой шиверой, в память охотника, когда-то разбившегося вместе с плотами на этих коварных камнях.

Причалив к берегу, охотники занялись ремонтом своего разбитого «корабля». Вскоре подъехал со своим караваном Гаврила Данилович. Его доброе лицо озарилось радостью, когда он увидел своих товарищей целыми и невредимыми. После горячего обсуждения подробностей и приключений плавания, во время которого обычно сдержанный Фока жестикулировал и кричал громче всех, решено было наловить рыбы на уху.

Симов извлек из сум спиннинговую катушку и коробочку для кузнечиков. Открыв ее, он радостно закричал «ура». Коробочка была доверху наполнена фабричной махоркой.

Больше всех этому открытию обрадовался Гаврила Данилович. После трехкратного хорового «ура» он еще дважды прокричал его в одиночку.

У балагана охотники нашли несколько длинных удилиц. Они быстро их оснастили, смонтировали спиннинг и отправились к Гайбитовой шивере.

Солнце перешло зенит, рыба брала плохо. И все же, несмотря на это, Симову удалось поймать увесистого тайменя и пару ленков, а Фоке и Гавриле Даниловичу — несколько десятков хариусов.

Отдохнув, Симвов и Фока пустились в дальнейшее путешествие на плотах, а Уваров по-прежнему отправился с лошадьми.

В сумерках плот подошел к Хинкараю, где Симвов рассчитывал встретить Уварова. Но, обследовав тропу, Фока обнаружил только следы трех коней. Старик проехал к поселку часом раньше.

На следующее утро плоты подходили к Ленинску. На береговой отмели Уваров предусмотрительно воткнул палку с привязанным на ней красным платком. Фока заметил эту отметку и не замедлил причалить.

Выскочившие из кустов мальчишки помчались с известием в

деревню, и скоро на дороге показался сам Уваров с кисетом, наполненным «зеленухой» — самосадной махоркой. Гаврила Данилович пригласил товарищей к своему куму, у которого уже был накрыт стол для приема гостей.

Умывшись и приведя себя в порядок, Фока и Симов попробовали надеть на ноги ичиги — мягкие выворотные сапоги. Но пришлось отказаться от этого намерения: от длительного пребывания в воде стопы опухли, кожа на них потрескалась и загноилась, между пальцами образовались кровоточащие язвы. В гости пришлось идти разутыми.

Старик-хозяин и его двадцатилетняя внучка были обрадованы и немедленно усадили гостей за стол. Увидев хорошенькую молодую девушку, Симов совсем застеснялся и, стараясь прятать свои босые ноги, неловко вошел в горницу.

На столе красовался свежий каравай хлеба. Вокруг него расположились молодой картофель в сметане, творог со сливками, топленое масло, яичница. Винегрет был красиво убран листьями салата и молодыми огурцами. Тут же виднелись рыжики в масле и кислая капуста.

Нашим путешественникам, одичавшим в тайге у таборных костров, такой стол показался небывало роскошным.

С появлением на столе ослепительно сияющего самовара были поданы блины и к ним варенье из перемолотой черемухи, затем творожные вареники в сметане и голубика в сахаре.

Довольный Гаврила Данилыч настойчиво обращал внимание Симова на расторопность и хозяйственность внучки — молодой учительницы, которая сама все так хорошо и быстро приготовила. Через два слова на третье он величал Симова лейтенантом и при этом выразительно поглядывал на хозяйку.

Однако Симов не обращал внимания на намеки Уварова и женихом себя не чувствовал. Обросший бородой, с обветренным бронзовым лицом и босой, он ничем не отличался от Фоки. Сватовские ухищрения Гаврилы Данилыча остались как бы незамеченными с обеих сторон.

После чая охотники поблагодарили гостеприимных хозяев и, наделив их свежей рыбой и мясом, распрощались. Молодая хозяйка просила заезжать, а старик обстоятельно рассказал, как плыть фарватером Ингоды между Ленинском и Ключами. Он особо предупредил об опасности «Чешского кривуна», названного так в память разбившихся там еще в царскую войну трех пленных чехов.

— В Чешском кривуне Ингода бьет под прямым углом в от-

весную скалу и почти вся уходит под нее, затягивая туда и плоты. Проплывая это место, изо всех сил держи правой стороны,— напутствовал старик. — Глядите, не просчитайтесь. Ошибетесь на сажень — и не выгребете...

Но Фока и Симов были теперь уверены в своих силах. Заняв места у весел, они вывели плоты на середину реки и скрылись за поворотом.

За устьем Ададая Ингода разошлась на множество протоков.

За одним из поворотов показалась огромная отвесная скала: плоты с нарастающей скоростью приближались к Чешскому кривуну. Скала будто внезапно сорвалась с места и помчалась навстречу с невероятной быстротой. Навалившись на весла, люди выгребали плоты из быстрой струи и, придерживаясь правого берега, благополучно проплыли под нависшей каменной глыбой.

Теперь все трудности были позади. Оставшийся пятнадцатикилометровый путь проходил тихими плесами, чередующимися с небольшими перекатами. Против деревни Дешулан Ингода снова разошлась на три протока. Охотники выбрали правый.

На крутом повороте, у большого омута, дешуланский парнишка ловил на удочку рыбу. Увидев плоты, мальчик бросил удочку и крикнул охотникам, что впереди опасность: поперек протока лег подмытый тополь!

Путники взяли за весла и погнали плоты вдоль противоположного берега. Тополь, слегка коснувшись их своей вершиной, остался позади.

Путешествие приближалось к концу. Протоки снова слились в одно русло, и спустя короткое время плоты причалили к отмели у Новоключевского перевоза.

Пока путешественники разгружались, к ним на телеге подъехал Рогов. Начав еще издали сыпать всевозможными приветственными возгласами, вперемежку с крепкими словечками, он пожал товарищам руки и без промедления включился в работу.

Причиной приподнятого настроения старика явились его рыболовные успехи. Оказалось, что, вернувшись из Хинкарая, он на другой же день организовал из подростков рыболовецкую бригаду и, выехав на озеро Тангу, наловил неводом более трех тонн карасей.

Три дня охотники ждали автомашину из города. Отдохнув за это время и залечив язвы на ногах присыпкой стрептоцида с сульфидином, они снова заговорили о выезде в тайгу. На этот

раз товарищи намеревались первую половину августа провести на покосе, затем отправиться на добычу лосей, после чего вернуться в деревню для заготовки рыбы.

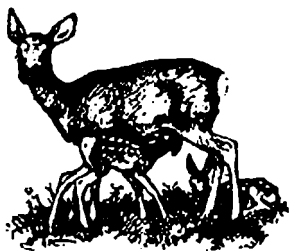
Трохин и Уваров выбрали для себя район устья реки Улана, а Симов и Рогов — новые места на Ушмуне — левом притоке Ингоды, впадающем в нее двадцатью километрами выше Малого Улелея.

В назначенный день 25 июля пришла автомашина и привезла охотникам хлеб, мыло, спички, табак и самое главное — портативный, в две папиросные коробки величиной, походный детекторный радиоприемник. Шофер обрадовал охотников, рассказав, что по дороге в тридцати километрах от Ключей он обогнал солдата, который ведет им двух хороших лошадей.

Скоро грузовик был полностью загружен бочками с рыбой и мясом. Оформив накладные, шофер попрощался с охотниками и, договорившись о дне следующего приезда, выехал в обратный рейс.

Днем позже солдат привел лошадей. Вся бригада высыпала встречать его. Прокоп Ильич, довольный городскими конями, оценил опытным глазом силу и нрав Сивки, который отличался от Карьки огромным ростом, широкой грудью и покорностью.

— На этом повозим! — заключил старик, оглядывая и ощупывая коня со всех сторон.

Глава V

НА УШМУНЕ

Рогов первым собрался в путешествие. В субботу к вечеру он был полностью готов для двухнедельного пребывания в тайге. Наполненные сухарями брезентовые мешочки, туес со сметаной, запасные подковы, гвозди, молоток, клещи, отбойная бабка — все было у него аккуратно уложено в кожаные, тщательно зашнурованные переметные сумы. Хорошо отбитая коса и грабли, завернутые в мешковину, приторочены к седлу. Отточены охотничий топор — облегченный колунчик — и массивный нож в кожаных ножнах.

Прокоп Ильич подтрунивал над Симовым, но в сборах помогал ему охотно.

— Волосню не забудь да крючков про запас. На Ушмуне диковинных ленков выворачивать будем! — говорил он, набивая трубку и продолжая свой бесконечный рассказ про непуганых сохатых, изюбров и соболей ушмунского урочища.

Выезд был назначен на утро в понедельник.

Весь июль шли дожди. Реки были полноводны, броды глубоки. По ключам развезло грязь и расквасило трясины. Все это предвещало трудный путь по диким таежным тропам.

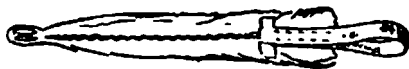
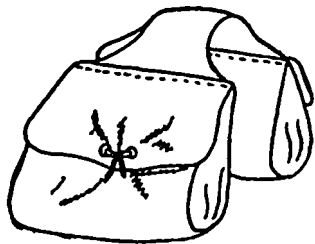
В воскресенье под вечер Симов отправился со спиннингом на Ингоду. Рогов тоже пошел «для компании». Он не утруждал себя английским словом «спиннинг» и говорил просто—крутушка. После того как Рогов поймал «крутушкой» полторапудового тайменя, он стал к этому способу лова относиться с большим почтением. Сплевывая сквозь зубы, старик любил рассказывать соседям, как выудил красноперого. Десятки раз повторяя эту историю, он дополнял ее все новыми подробностями.

А пойман был знаменитый таймень так. Поехал как-то Прокоп Ильич с Данилычем на луг к устью Джилы накосить травы и прихватил с собой диковинную снасть. Попробовал было забросить блесну. Не получилось. Попытался и Данилыч. Тоже не вышло. Тогда Прокоп Ильич добрался до камня посреди реки и с него сплавил блесну вниз по течению метров на двадцать, а затем завел в омут. Вот тут-то все и случилось. Схватил таймень блесну. Да так жадно схватил, что чуть было не выдернул уди-

лище из рук. Прокоп Ильич растерялся, отпустил рыбку на весь стометровый шнур и стал звать на помощь. Затем перебрел на берег и, успокоившись, подкручивая катушку, вывел тайменя на мель. Потом удилище отдал Уварову, а сам по шнуру добрался к рыбе и в воде забагрил отменного тайменя килограммов на двадцать пять.

Теперь Прокоп Ильич сидел на краю яра, отмахиваясь от докучливых комаров пучком полыни, и следил за каждым движением рыболова.

На перекате Симов забрел в воду и, размахивая двухручным удилищем спиннинга, забрасывал свою любимую латун-

ную блесну «Байкал». Эту приманку в мутной воде рыба не брала. Тогда он сменил ее на никелированную «лососевую», зашел повыше под пережат и забросил ее. Слегка подергивая удилицем, то замедляя, то ускоряя вращение катушки, он выбирал шнур, давая тем самым блесне «игру», похожую на игру маленькой рыбки. На этот раз таймень не заставил себя долго ждать. Внезапно от сильного рывка дрогнуло удилице. Симов ответил подсечкой. Шнур натянулся и со свистом зачертил по воде. Затрещал тормоз. Тем временем Прокоп Ильич свалился с яра и скатился на боку по песчаному откосу. Поднявшись, побежал на помощь рыболову, отчаянно жестикулируя и крича:

— Держи! Держи его! Шнура не давай!

Его вопли отвлекли Симова. Он на секунду ослабил шнур, и рыба, почувствовав свободу, метнулась вниз по течению. Шнур на мгновение провис.

— Упустил. Эх ты... раззява! — кричал Рогов, подбегая к товарищу.

Леса снова натянулась и зачертила по воде.

Скоро половина леса была возвращена на катушку, а рыба подведена к берегу. Из воды показалась ее серо-стальная спина с красными плавниками. Рогов облегченно вздохнул.

— Стой! Я его сейчас... за хайло...

Не щадя праздничного костюма, он полез в воду и через минуту, ликующий, выволок на берег извивающегося тайменя.

— Добрый «дядя», есть что поджарить. Полпуда, не менее!

С этими словами Прокоп Ильич камнем оглушил рыбу и продернул через ее пасть и жаберную щель заготовленную таловую рогульку.

— Пошли главной улицей, чтобы все видели! — сказал старик.

Пошли по главной...

Прокоп Ильич гордо нес тайменя, поглядывая искоса на окна изб, из которых выглядывали односельчане.

На другой день поднялись с рассветом. Прокоп Ильич отправился на луг за лошадьми, а Симов вытащил во двор потники, седла, переметные сумы. Коней оседлали. Батыр, поглядывая на сборы, деловито расхаживал вокруг, держа хвост серпом. Изредка прогибая спину, он потягивался и зевал с протяжным повизгиванием. Неистовствовать Батыр обычно начинал, когда охотники садились в седла. Тут, оставив без внимания ворота, он прыгал через полутораметровый забор, затем с лаем пронесился по деревне. Так было и в это утро.

Переправа лошадей.

После завтрака охотники с винтовками за спинами вышли к лошадям. Батыр припал к земле, замер на месте, затем вихрем пронесся по двору, перелетел через забор, едва коснувшись его лапами, и помчался по улице.

Когда товарищи подъехали к переезду через Ингоду, Батыр уже был на другом берегу и, нетерпеливо переминаясь на месте, смотрел через водную гладь на приближающихся всадников.

Брод оказался глубоким. Посреди реки лошадям пришлось бы плыть, отчего сухари с одеждой неминуемо промокли бы. Расседлав лошадей, охотники переправили их вплавь за лодкой.

Спустя полчаса всадники выехали из зарослей прируслового тальника и направились через пойменные луга в долину реки Смирняги. Солнце поднялось из-за сопок и заиграло радугой в серебре росы. Легкие космы утреннего тумана таяли в его лучах, предвещая хорошую погоду. Облачко суетливых комаров летело за всадниками. Из-под ног лошадей с треском разлетались еще не отогревшиеся на солнце кузнечики и кобылки. Неугомонный Батыр носился по лугу. Припадая к траве, он «скрадывал» у нор длиннохвостых сусликов, которые, поднявшись серыми столбиками, следили за собакой, «чикали» на нее и, мелькнув длинным хвостиком, скрывались в норе.

Рассерженный неудачей, Батыр с остервенением рыл лапами нору, совал в нее нос, фыркал, стряхивал с морды землю и, убедившись в бесполезности своего занятия, стремительно мчался дальше по лугу.

К десяти часам солнце стало пригревать. На смену комарам появились пауты — слепни. Охотники поторопили лошадей и вскоре въехали в лес. Тропа вилась в зарослях сибирского ба-

гульника, под густым пологом кудрявых берез и осин. В небольших распадах встречались островки кустарников с краснеющей смородиной. Временами попадались залитые солнцем лесные полянки с густым и пышным разнотравьем. Лошади сбавляли шаг, тянулись к сочному корму.

Скоро березняк с осинником сменился сосновым бором. В долине среднего течения реки появились лиственницы. С каждым часом лес становился все более хмурым и диким. Чаше приходилось сворачивать с тропы, объезжая замшелые колодины повалившихся деревьев. Тайга...

Появились кустарники ерника, которые к верховью реки образовали сплошные непролазные заросли. Все чаще стали попадаться сырые впадины, поросшие сфагновым мхом. В сухих местах высились стройные кедры с растрепанными кронами. Травянистый покров в этих местах исчез, но Рогов ехал уверенно вперед к известной ему лужайке, где можно было хорошо накормить лошадей.

Всадники ехали молча, дремотно покачиваясь в седлах.

Во второй половине дня деревья неожиданно расступились, тропа исчезла и впереди раскинулся «калтус» — топкое моховое болото. Это было устье «Бычьего ключа», названного так прадедами, которые гоняли этой тропой скот на Онон и утопили здесь в трясине быка.

Охотники спешились. Рогов повел лошадей по известным лишь ему местам. Он шел долгомохом, аккуратно обходя сфагновые зыбуны с «окнами». Почва под ногами тряслась, уходила под ржавую воду. Лошади пугливо обнюхивали долгомох, торопливо переступали ногами. «Псе, псе, псе», — успокаивал их старик.

На середине калтуса было самое непролазное место. Ноги взяли по ко-

Длиннохвостый суслик.

лено в грязи. Лошади то и дело проваливались по брюхо. Карька, используя кочки, ловко выбирался из топкого места, но более грузный Сивка засел в трясине всеми четырьмя ногами и свалился набок. Пришлось его развьючивать, натолкать под грудь и бок ерникового хворосту и помочь подняться.

С большим усилием выбрались на сухой островок. Сивка покорно стоял на месте и смотрел глубокими темно-лиловыми глазами на охотников, которые, преодолевая последнюю топь, помогали Карьке выбраться на косогор. Трудное осталось позади. Люди и лошади вошли в лес.

— Здесь отаборимся, — сказал Прокоп Ильич и, щурясь на солнце, добавил: — Рано еще, но ехать дальше нельзя. Корма лошадям не будет до самого Ушмуна.

Охотники расседлали лошадей, привязали их в тени под шатристой лиственницей, развели дымокур, а сами занялись приготовлением ухи.

Лошади отдыхали. Сивка, расслабив заднюю ногу, стоял с закрытыми глазами. Нижняя губа у него бессильно отвисла. Изредка он подергивал кожей, сгоня назойливых комаров, проравшихся через дымовую завесу.

Весь мокрый вернулся «из разведки» Батыр. Неподалеку от табора он покружил на одном месте, свалился набок и растянулся во всю длину.

В ожидании ухи охотники улеглись на потниках, разостланных на пышной моховой подстилке. Попыхивая и сопя трубкой, Прокоп Ильич рассказывал:

— Смирняга — это самая бескормная и незверистая речка. Сроду здесь никто не добывал зверя. Только на ней и хорошего, что небольшой кедровник да брусничник. А полста лет назад все сопки в вершине этой долины были в кедраче. Но вот пришли хохлы и спалили его почти целиком. — «Хохлами» Прокоп Ильич называл всех переселенцев с запада. — Уцелели только остатки громадных кедровых островов. Гляжу вот на них, — продолжал Рогов, — и сердце кровью обливается. Один какой-то, нерадивый, костер не загасил — и вот тебе сколько добра сгубил. Смотри и сам будь с огнем поаккуратнее! Береги тайгу!

Старик медленно окинул глазами лесные просторы и, задумавшись, остановил свой взгляд на отдаленных синеющих сопках. Странно было слушать такие речи из уст Рогова — заядлого браконьера. Видно, сильно потрясла его картина опустошения тайги в долине Смирняги, и у Симова мелькнула мысль, что то-

варищ его вовсе уж не такой злостный таежный хищник.

Под вечер охотники отвели лошадей на лужайку, стреножили их и развели дымокур, а сами пошли на лесное озеро посмотреть, не ходят ли к нему сохатые. Мрачные предположения Рогова подтвердились. Вокруг озера не было никаких признаков присутствия зверей.

Солнце зашло за зубчатые вершины сопок. Вниз по реке потянул ветерок. Таежная тишина наполнилась тонким комариным звоном. Около небольшого летнего костра охотники расположились на ночлег, и вскоре на таборе стало тихо.

С перевала было видно, как над дальним гольцом клубятся тучи.

— Быть дождю! — заметил Рогов.

Под гору лошадей свели на поводу, чтобы не натереть им холки.

С перевала открывались горные дали.

— Береги коня больше, чем себя. У тебя где трет — заметишь и предупредишь, — говорил Рогов, — а скотина безответна, терпелива. До мяса изотрет кожу — только тогда уши развесит...

По долине Выезжей бесконечно тянулись заросли ерника, окаймленные лисистыми сопками. На южных склонах высился вековой лишайниковый бор, на северных рос багульниково-сфагновый лиственничный лес. Все кругом было безрадостно, мертво. Полдня охотники ехали лесом и не встретили ни одного зверя. При переходе небольших родников из-под конских копыт, взмучивая ил, серыми стрелами мелькали в ключевой воде ленки и хариусы.

Шурша ерником и предвещая непогоду, тянул вверх по реке легкий ветерок. Небо заволакивалось тучами. Издали доносились раскаты грома.

Во второй половине дня узкая долина реки перешла в широкую падь. Ерники заметно поредели, и появились первые березовые рощи. А спустя час охотники были на устье Выезжей, впадавшей в Ушмун. По широкой пали Ушмуна, закрывая вершины сопки, низко ползли тучи, поминутно рассекаемые ветвящимися зигзагами молний. Громовые удары катились по долине. Едва охотники растянули односкатный брезентовый тент, как налетел порыв ветра и забарабанили по брезенту крупные капли. С каждым порывом дождь усиливался и вскоре перешел в ливень.

Грозовая туча быстро прошла вниз по реке. Показалось солнце, и через долину перекинулась двойная арка радуги. Но ехать к зимовью охотники не решились. Пробирайтесь сквозь заросли мокрого тальника было равносильно езде под дождем. Пришлось заночевать на месте случайного табора.

Пока Рогов разводил костер и варил лапшу, Симов собрался на разведку.

Прокоп Ильич стал было отговаривать его:

— Погода непутняя. После дождя дух крутит, по сторонам бросает. Зверей только разгонишь да сам промокнешь...

— Я недалеко... Полкилометра отойду, огляжусь, — настаивал Симов и, взяв свой карабин, отправился вниз по реке.

Осторожно пробираясь забоккой, он внимательно осматривал берега реки, поросшие тальником острова и богатые пышным травостоем «залавки» прирусловой террасы. Незаметно пройдя с километр, он очутился па опушке лиственничного леса. Перед ним раскинулся широкий кочковатый луг с разбросанными по нему островками редколесья из берез, ерника и карликовых ив. Широкая торная тропа выходила из лесу к реке и терялась в

Вальдшнеп.

луговой растительности. На тропе можно было различить размытые дождем следы парных копыт разной величины. Это была звериная тропа. Симов, укрывшись за кустом ерника, стал ждать вечерних сумерек.

Из лесу бесшумно вылетела небольшая, немногим меньше рябчика ржаво-бурая птица и, круто развернувшись, присела на край топкого берега, у самой звериной тропы. Далеко отставленные назад глаза и длинный клюв, прижатый к zobу, придавали птице обиженный и удивленный вид. Можно было не сомневаться, что это вальдшнеп, у которого, как известно, глаза расположены выше и сзади ушных отверстий. Это исключительно редкая в этих местах птица.

Посидев некоторое время неподвижно, вальдшнеп привстал и, покачиваясь на коротких ножках, заковылял по грязи, поминутно втыкая в нее свой длинный клюв и выбирая из ила личинки насекомых и червей.

После проливного дождя комаров не было. Таежную тишину нарушали лишь обрывающиеся с дерева тяжелые капли да журчанье речного переката. Закатившееся солнце освещало вершины высоких сопок, далекие горные отроги и уходящие тучи. По долинам ползли сиреневые тени, за ними тянулся белый туман. День угасал.

На противоположную сторону луга из таежного массива вышел лось. С километрового расстояния были видны его огромные

ветвистые рога. Бык неторопливо направился через луг к реке. Иногда он сворачивал в сторону, останавливался и обкусывал ивовые ветки; временами внезапно исчезал за кустами, забираясь в небольшие озера, и через минуту снова появлялся — высокий, стройный, с лоснящейся темно-бурой шерстью на покато́й спине.

Симову хотелось сорваться с места, выбежать навстречу зверю, но он хорошо усвоил уроки Рогова и, пригнувшись за кустом, терпеливо ждал. Бык приближался. Уже ясно доносилось его пофыркивание и чмокание грязи под копытами. Можно было различить число отростков на рогах. Когда до лося оставалось шагов сто, лейтенант медленно выпрямился и поднял к плечу винтовку.

В это мгновенье чуткий олень застыл и, высоко подняв голову, выжидающе смотрел на появившуюся человеческую фигуру.

Раздался выстрел. Лесной гигант сделал саженный прыжок в сторону, осел назад, но устоял на ногах и, оправившись от удара пули, стремительной иноходью бросился к лесному массиву.

Лейтенант выстрелил вторично, но зверь скрылся в зарослях, перебежал лесной остров и выскочил на табор к Рогову. Полный отчаяния Симов помчался следом.

Появление зверя было для старика неожиданным. Он схватил винтовку, а очки в спешке надеть не успел. Батыр вихрем сорвался с места навстречу лосю и погнал его назад, к реке.

До Симова донесся приближающийся лай собаки и топот копыт. Он бросился наперерез через остров. Лай Батыра уже удалялся. Казалось, все потеряно! Неожиданно характер лая изменился: собака яростно залаяла на одном месте. Спотыкаясь, весь мокрый, еле переводя дух, Симов бежал вниз по Ушмуну на помощь собаке и вскоре оказался у широкого плеса, на середине которого виднелся черный силуэт лося. Лейтенант выстрелил. Однако зверь остался на месте. Он снова нажал спуск. Вместо выстрела раздался металлический удар затвора. Симов открыл карabin. Магазин был пуст.

Поспешно шаря по карманам в поисках завалявшегося патрона, охотник безнадежно смотрел на быка, который продолжал спокойно стоять.

Батыр был вне себя от ярости. Разрываясь от остервенелого лая, он бесновался на берегу.

Минуты тянулись, как вечность. Надвигающаяся темнота могла скрыть зверя. Но оказалось, что его судьба была решена. Он тяжело шагнул, покачнулся и упал, забив ногами по воде.

Батыр тотчас же прыгнул в воду, подплыл, взобрался на лося и стал терзать его, вырывая клочья шерсти.

— Ого-го-го! — где-то невдалеке прокричал Рогов.

— Сюда, сюда!.. — отозвался лейтенант.

Ругаясь, старик пробирался к месту происшествия. Вскоре он вышел к плесу.

— Пошто долго не стрелял? — спросил он товарища. Тот рассказал, как у него кончились патроны, а лось все продолжал стоять, будто заколдованный.

— А я, паря, побоялся к тебе на помощь подбегать. В темноте, думаю, сторяча недолго друг в друга пулю вогнать.

Рогов поглядел на чернеющую тушу.

— Эка, фартовый какой... А! Такую беду — пудов на двадцать пять! — и завалил дома, на таборе.

С этими словами он кивнул в конец плеса. Тут только Симов заметил чернеющее на берегу зимовье.

Охотники забрели в речку и потащили сохатого к берегу. Пока глубина была по пояс, туша плыла, поддаваясь их усилиям. Батыр продолжал сидеть на ней.

— Цить, bestия! — гаркнул на собаку Рогов. — И так не проворотишь, а тут еще тебя дьявол посадил...

Батыр перескочил на берег и, отряхнувшись, обдал охотников брызгами.

На галечной отмели тащить лося стало не под силу. Пришлось выпотрошить его и оставить наполовину в воде. Довольные удачей, охотники пошли на табор, наперебой рассказывая о подробностях встречи со зверем.

Кругом все сливалось в непроглядную черноту. Шлепая по лужам и поминутно проваливаясь в промоины между корнями, люди шли вслепую следом за собакой. Наконец показалось белое полотно тента. Сдержанно заржали кони. Охотники подошли к очагу, подбросили сучьев, и яркое пламя осветило табор.

Пока Рогов спутывал лошадей, Симов накрошил в лапшу сохатиного сала, воткнул у костра рожни с кусками печени, развесил для просушки одежду.

Было за полночь, когда охотники и пообедали, и поужинали. Лейтенант улегся на потнике перед костром и тут же уснул, как убитый. Иногда он что-то невнятно бормотал. Его сухощавые ноги подергивались: он продолжал охотиться во сне.

Рогов, ласково поглядывая на него, подбрасывал в костер сучья, перевешивал сохнувшую одежду. К утру сон склонил и его. Накрыв Симова шинелью, он прилег рядом и богатырски захрапел.

Первые лучи солнца разбудили Рогова. Он встал, потягиваясь, расправил стариковские кости и, вздув огонь, придвинул к нему котелок с застывшими в сохатинном жиру остатками вчерашнего ужина.

«Чей-чей-чей-чей!» — прокричал в траве певчий сверчок. Проккоп Ильич улыбнулся. «Наш котелок!» — ответил он птичке. Затем сходил к лошадям, напоил их и привел на стан.

— Лейтенант, а лейтенант! Нам пора! — и он потерев плечо спящего.

Симов скинул шинель, быстро поднялся и пошел к речке освежиться. На крутом берегу он осмотрелся по сторонам, вдохнул полной грудью свежий утренний воздух и невольно залюбовался, зачарованный тайгой.

Тишина. Ни один листок не шелохнется. В синем небе ни облачка. Кругом все выглядит по-праздничному. Мириады бисерных капелек, осыпав хвою лиственниц и сосен, переливались и играли золотым блеском солнца. Каждый листок, каждая веточка, обмытые вчерашним дождем, сияли. Паутинные сетки, подернутые блестящим серебром росы, как канительные звезды на новогодней елке, дополняли убранство этого светлого утра.

Так простоял лейтенант долго, не замечая десятков комаров, облепивших его спину и грудь. Наконец, он прыгнул в ледяной поток, и, зачерпнув со дна пригоршню золотого песка, стал оттирать им руки.

На стане старик встретил его ворчанием:

— Моешься ты подолгу! Надо быстрее оборачиваться. Неровен час, солнце прогреет, мухота поднимется, червей на мясо наладет...

Лейтенант промолчал. «Все равно не поймет, — подумал он, — человек состарился в тайге, ко всем красотам пригляделся».

Позавтракав, охотники свернули табор и, навьючив лошадей, переехали к калашниковскому зимовью.

Это было скорее не зимовье, а настоящая крестьянская усадьба. Небольшой домик с остекленным окном был срублен из толстых добротных бревен. Внутри — деревянный пол, пятиместные нары, чугунная печка, накрытая противнем. У окна — стол с деревянными мисками, ложками и вилками.

Стены избушки в свое время были побелены. Около домика возвышалась пристройка — сарай с вешалками для хомутов и седел. Здесь висели две косы и пяток волчьих капканов. На полке лежали подковы, молоток, битки для сбора голубики и брусники, пенья. Рядом стояла баня «по-черному», с аккуратно

Певчий сверчок.

сложенной каменкой и двумя долблеными корытами. За ней виднелись лабаз, станок для ковки лошадей, коновязь. Хозяева отрыли даже примитивный ледник. Все постройки были покрыты лубяными крышами и, несмотря на пятидесятилетнюю давность, хорошо сохранились и стояли прочно.

Симов удивился хозяйственности бывших владельцев. Хотелось расспросить Рогова о Калашниках. Но сейчас было не время: торопились обработать сохатого и спасти мясо от мух.

Работы хватило на весь день. Охотники сняли со зверя шкуру и насчитали в туше три прострела: одна пуля была в груди и две — в боку.

— Ладно угадал, — заметил Рогов. — Я-то наперво подумал, что первые два раза ты мимо пробросал. Больно уж прытко бык выбежал на табор. Крепкий зверь, — продолжал старик, — до последней кровинки за жизнь хватается. Душа из шкуры вон, а все бежит...

— Все же не убежал, хоть ты и пророчил, что мне не убить зверя и что сожру я мяса больше, чем добуду...

Услышав эту фразу, старик вздрогнул. Нож выскользнул из его рук. Он медленно выпрямился и подозрительным взглядом уставился на Симова.

— Тебе кто донес? — спросил он.

— Никто. Сам слышал, когда к табору подходил.

Рогов чуть слышно прошептал:

— Товарищ лейтенант. Нет — Георгий... Наплюй мне в глаза, но прости меня, старого... Ошибся я... Крепко ошибся. Экий же дурак был тогда...

Симов стоял перед стариком и смотрел ему в глаза. Он вспомнил весну этого года, случайно подслушанный им разговор на таборе, и перед ним прошла вереница сумрачных апрельских дней на Пасной. Но тут же, отмахнувшись от неприятных мыслей, он подбодрил расстроившегося товарища:

— Ну, полно тебе, Прокоп Ильич. Я ведь еще тогда тебе сказал, что научусь зверей бить... — и, переменив разговор, поспешил продолжить прерванную работу.

Разделав тушу, охотники перетащили мясо к зимовью. Отделив мякоть от костей, они порезали ее на полосы в ладонь шириной, подготовив тем самым для копчения. Перетопленные полтора пуда внутреннего жира слили в кожу, снятую чулком с сохатиных ног. Сохатиный «курдюк» — сальный чепрак, снятый с крупа площадью в добрых пятнадцать ладоней и толщиной в три пальца — надрезали и засолили впрок. Затем охотники занялись внутренностями лося.

Трехпудовый рубец лося был до отказа наполнен кормом. Симов разрезал оболочку и с интересом исследовал содержимое. Из общей массы набралось с ведро еще не переваренных рыжиков. Остальная часть корма состояла из молодых побегов ивы и березы. Среди них изредка встречались стебли и листья вахты, сусака и корневища кувшинки. Симова поразило, что, несмотря на пышный травостой, лось все же предпочитал древесную растительность.

Вся кормовая масса была перемешана сгустками земли и дерновинками осок, срезанных вместе с землей. Эта часть содержимого трудно поддавалась учету, но тем не менее Прокоп Ильич определил, что сохатый съел, по меньшей мере, пуд земли.

— Куда ему эта земля? — спросил он. Симов объяснил, что земля помогает лосю в пищеварении, а растворенные в ней соли частично восполняют солевой недостаток в растительных кормах.

...Вечерние сумерки прервали работу. Несмотря на усталость, охотники натянули на жердях между баней и зимовьем антенну и подключили ее к приемнику.

Разделив парные наушники, товарищи расположились у костра. Перед ними на углях шипели две пары «самогунов» — массивных ножных костей сохатого. Рогов поворачивал их то одним, то другим концом к огню. Сквозь потрескавшиеся кости выступал жир и шипел на углях. Прожаренные «самогуны» охотники продольно разрубили и выбрали из них розоватый мозг. Жир застывал на губах, на небритых подбородках. Первую пару съели с наслаждением, вторая пресытила приторным привкусом костного мозга.

После березового чая, «шульты», Симов попросил Рогова рассказать про хозяев зимовья. Старик охотно согласился.

— Да... Славно здесь пожили Калашники, — начал он. —

Два брата их было. Федор — старшой и Степан. Заезжали они сюда с лета большой семьей и баб с ребятами привозили. Летом заездок городили — рыбу коробами выворачивали. Грибы, ягоды брали. Осенью женок отправляли в деревню, а сами оставались зимовать. Сохатых и изюбров перебили они здесь тьмутьмушую, мясо целым обозом привозили в деревню. Десятка по три соболей приносили. Белковали неплохо... Кроме них здесь никого не было. Привыкли Калашники к тайге, к лесному житью. Это, паря, охота все делает. Взять, к примеру, меня: состарился я в тайге, ослаб, одряхлел, а все одно тянет в лес. Посмотришь кругом — красота какая! — так по спине и забегают мураши. Хорошо в лесу. Простор... Дышится всей грудью. Я за это дом бросил в городе...

Старик задумался. Он по-своему понимал и любил природу, но не находил нужных слов, чтобы выразить это. Симову стало стыдно за свои утренние мысли, и он рассказал Рогову, почему так долго мылся.

— Я, паря, и сам это за тобой примечал. Ты вот пятнадцать лет учился. Разные науки превзошел в самом Московском пушном институте. В больших городах жил. Теперь офицер-лейтенант, а все одно не скучаешь в тайге. Радуетесь лесному житью-бытью вместе с нами... Ведь другого здесь на цепях не удержишь. Тайга, конечно, хороша, заманчива, но и толку много требует. Она накормит, напоит, однако и угробить может... С дурьей головой закружишь по сопкам и из лесу сроду не выйдешь. Оступишься где в увале — костей не соберешь. По перволедью провалиться можно. Да мало ли еще что... Вот и Калашники жили, пока беда не стряслась. А случилось вот что. Както Степан у наледи насторожил на сохатого бердану, а сам подался белковать. Ну, закрутился на сопке дотемна. Пристал, как полагается, снегом идти не решился. Спустился в ключ и пошел вниз по наледи. И забыл, видать, что утром в этом ключе сам же ружье насторожил! В темноте налетел на симку — вот и грохнуло по боку... Брат нашел его через день. Закоченел уже бедняга. Федор вывез братана из тайги, похоронил в деревне, а зимовье, как есть, бросил и проклял это место. Уж лет десять сюда никто не ездит...

Рогов умолк, всматриваясь в угасающую розовую полосу заката.

Ритмично размахивая литовкой, Прокоп Ильич косил вокруг зимовья густой пырей. Слегка ссутулясь, без всякого напряже-

ния врезался он в пышную, по пояс, зелень, оставляя за собой двухметровую выбритую полосу. Под звенящей косой густая трава ложилась веером. За косцом оставался ровный прямой вал.

Симов тем временем развесил в бане на поперечных пере-
кладинах мясо, а на земляном полу разжег дымокур. Подтаски-
вая по охалке сырого тальника, он скрывался в коптильне. Из
открытой двери вырывались клубы дыма. Через минуту из ды-
ма выскакивал и Симов, кашляя и чертыхаясь. В одних трусах,
засаленный и закопченный, он походил на кочегара.

В перерывах, направляя оселком косу, Рогов подбадривал
товарища и посмеивался над ним:

— Иди, покурим. Гляди, рога у тебя вырастут... На черта
похож...

Симов подходил, и оба, развалившись, отдохали на души-
стой скошенной траве.

К вечеру работу закончили. Еще горячее, прокопченное мясо
сложили в большие тулуны — узкие брезентовые мешки, сши-
тые из тента, и, крепко завязав их, затащили в амбар. Выруб-
ленные из туши «поребрены» — ребра сохатого — закоптили це-
ликом и подвесили провялиться на солнечной стороне высокой
лиственницы. Скосили на стойбище пырей и перевернули под-
сохшие к вечеру «нагребистые» валы свежего сена.

Рогов опытным глазом определил объем скошенной травы в
восемь копен.

— Ну и сладкое сено. Овса к такому не надо, — восторгался
он. — Полста пудов есть, коню на пять недель! Завтра столько
же накосим, уберем — и шабаш... айда домой... Сюда приедем
уже санями, в январе, когда прокипят реки.

С рассветом охотники снова вышли на луг, залитый мато-
вым серебром росы. Рогов подыскал площадку поровнее и, рит-
мично размахивая косой, повел первую полосу. С правой сторо-
ны пристроился лейтенант; подражая движениям старика, он то-
же замахал. Но его непослушная коса втыкалась концом в коч-
ки или летела по верху травы, оставляя нескошенные места.
От старания на лбу у него выступил пот. Рогов быстро закон-
чил полосу и подошел к товарищу.

— Левую руку прижимай к груди у соска. Носок косы держи
выше, а пятку прижимай к земле. — С этими словами он встал
за спиной своего ученика и, придерживая кисти его рук, начал
направлять движения. Стало получаться лучше.

В знойный полдень небо подернулось легкой пеленой перис-
тых облаков. Поднялась мошкарка. Микроскопические мушки

тысячным роем вертелись над головой, назойливо сыпались в лицо, лезли в глаза. От их жгучих укусов опухли веки, покраснели уши. Мошка предвещала дождь. Пришлось косьбу оставить и торопливо убрать валы сухого пырея в копны.

...Ненастье длилось трое суток. Все это время сеял мелкий дождь. Лес нахмурился и стих, будто прислушиваясь к монотонному шороху мороси. Хвойные ветви лиственниц и сосен, как губки, впитавшие воду, тяжело обвисли. Прежде хрустевшие под ногами лишайники превратились в мягкие подушки. Накипные и то ожили: развернулись краями, выступив на серых каменных глыбах оранжевыми, зелеными и черными пятнами.

Прибыла река. Мутная вода ее вышла из русла и понесла сучья, коряги, дерновинки с размытых берегов.

Из-за речного поворота, хрипло «крокая», выплыла крохалиха с десятком суетливых утят-подростков. Поравнявшись с зимовьем, мать вытянула шею, пристально разглядывая одним глазом притаившегося Симова. Он нарочно шевельнулся. Утка тревожно «крокнула», и весь выводок метнулся к другому берегу в густой тальник.

В тайге в такую непогоду все лесные птицы сидят, нахохлившись, а звери отлеживаются в густых зарослях. Нет ни охоты, ни езды. Нельзя и косить. Другьям пришлось все три дня отсиживаться на зимовье, занимаясь мелкой починкой снаряжения.

Когда, наконец, показалось горячее августовское солнце, охотники переворосили вымокшие валы и после того как сено просохло, сметали второй стог. Они перетянули его вершину березовыми хлыстами и кругом окопали противопожарной канавой. После этого можно было заняться сборами, чтобы с рассветом выйти в далекий путь неведомой дорогой.

Решено было возвращаться через верховье ключа Ушмукан по старой «калашниковской» тропе.

Едва обозначилась утренняя заря, охотники вывели навьюченных лошадей на тропу и направились вниз по Ушмуну правым берегом реки. Через час они свернули в широкую, залитую солнцем падь небольшого ключа. Дорога пошла старой гарью по южной стороне склона. Разросшиеся молодые осинки и сосенки скрывали обгорелые пни и почерневшие колодины.

Повсюду на сухостоинах постукивали вертлявые пестрые дятлы. Завидев охотников, они пронзительно вскрикивали и перелетали на соседние. Наверху распадка жалобно стонала желна — черный дятел.

Слабо проторенная тропа терялась в густой траве. В вершине ключа, на перевале, тропа вошла в вековой лиственничный

лес и исчезла в густом подлеске багульника. Но охотники уверенно шли вперед, ориентируясь по заплывшим смолой, едва заметным затесам на деревьях.

Под гору лошади шли быстро и легко несли вьюки по сто двадцать килограммов. Вскоре каменистый спуск кончился. Воспользовавшись звериной тропой, охотники легко преодолели заболоченную речку и правым берегом направились к ее истокам, на перевал к реке Ададаю.

Путь шел зарослями ерника, которые слева терялись в сосновом бору, а справа, редая, выходили к заболоченному кочкарнику — ушмуканскому «калтусу», разукрашенному бурыми и оранжевыми пятнами долгомоха и белесыми площадками сфагновых зыбунов. Зной донимал. Батыр, высунув язык, учащенно дышал и плелся сзади всех. При переходе через ключи люди и лошади жадно пили ржавую воду. Батыр выбирал лужу поглубже и, растянувшись в ней, лежал, пока охотники не скрывались из виду.

Четыре часа пути по скучной ушмуканской долине, под палящим солнцем тянулись томительно долго. Наконец дорога привела охотников к перевалу, покрытому тенистым вековым бором с примесью кедра. Рогов внимательно осматривал вершины попадавшихся кедров. На них бурело по десять, двадцать больших шишек.

— Нынче урожай на шишку слабоват, — заметил он и, подойдя к небольшому кедру, с силой толкнул его ногой. С дерева упали две шишки величиной в кулак. Еще сырые, смолистые, они красиво отливали фиолетово-бурым оттенком. Чешуйки их отделялись с трудом, а сдвоенные орешки под ними сидели крепко. Ядрышки были еще мягкие, молочные.

— Вот в конце августа, в Успенье, выедем в орехи. Наберем по кулю, тогда погрызешь, — говорил Прокоп Ильич. — Ну, а я уж свой пай продам. Приодеться надо... — Старик с грустью оглядел свою заплатанную одежду, перевел взгляд на продранные коленки брюк и глубоко вздохнул. — Подойдет она, зимато, а шуб и стеганых брюк майор не привезет... Война...

Перед спуском к Ададаю охотники поправили на лошадях вьюки и подтянули подпруги. Тропа змейкой вилась по крутому косогору между вечно зелеными кустиками брусники, алеющими гроздьями ягод. Собирая их на ходу, люди с наслаждением освежали пересохший рот приятной кислотой ягод.

На брусничную поляну вылетел пасться табунок рябчиков. Вспугнутые молодые птицы с шумом взлетели и тут же расселись на деревьях. Забавно вытягивая шейки, они разглядывали

приближающихся людей. Старая курочка, тревожно тилилика, бежала по траве впереди охотников. Батыр выскочил вперед и замер на месте, следя за удаляющейся птицей. Но не выдержал. Инстинкт преследования вихрем послал его вперед. Старка взлетела и, ловко лавируя между ветвями, скрылась в таежной чаще.

Спуск приближался к концу. Снизу из долины доносился шум быстрого горного потока. Ададай, в отличие от Ушмукана, оказался быстрой каменистой речкой, зажатой в тесной глубокой пади. Топких «калтусов» по ней не было, и лишь в среднем течении образовалась широкая котловина с небольшим озером. К нему и торопился Рогов. Там — корм лошадям, там — отдых людям!

Во второй половине дня тропа вышла к охотничьему табору. Внимание Рогова привлекло место вокруг коновязи. Он определил, что почерневший конский навоз двухнедельной давности. Неизвестный охотник был с одним конем, жил здесь дней пять, убил зверя. Расколотые «самогуны» принадлежали «зорголу», молодому сохатенку-годовику, которого охотник увез целиком, не оставив здесь ни шкуры, ни головы.

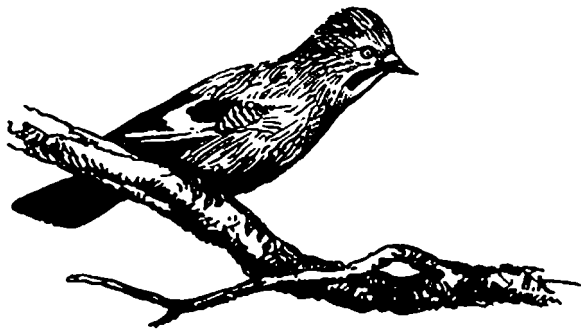
Старик отправился на озеро, отыскал место, где был убит зверь, и тщательно осмотрел все вокруг. Обрубленных «шпилек» — молодых рогов — он не нашел и, вернувшись на табор, с возмущением сообщил, что хозяйничал здесь бессовестный браконьер и что убил он телку.

Развьючив лошадей, охотники переоборудовали табор по-своему и, пообедав разогретым копченым мясом с выжарками, расположились на отдых.

С рассветом, быстро собравшись, товарищи тронулись в дальнейший путь. Хорошо проторенная и расчищенная тропа весело уходила под уклон, вслед за шумной речкой.

На пути встретилась разбитая медведем колодина с разоренным муравейником. Зверь оставил на тропе свой помет, состоящий из ягод брусники и муравьев, настолько сохранивших свой естественный вид, что казалось, будто они и не проходили через кишечник зверя. Тут же, при переходе через тропу, оставил свой след и сохатый. Отпечаток заостренного копыта принадлежал старой лосихе, почему-то оставшейся в этом году яловой или потерявшей теленка.

Впереди по земле промелькнула темная змейка. Она на мгновение скрылась в кустах багульника и молниеносно взвилась по стволу небольшой лиственницы. Это белка. В отличие от своего рыжего европейского собрата, она темно-бурого цвета.

Сойка.

В зубах у нее гриб. Она ловко наколола его на сучок и, покончив с заготовительной работой, выбралась на край ветки посмотреть на приближающихся людей.

Подпустив их вплотную, зверек тревожно зацокал, взметнулся к вершине дерева и, припав к стволу, замер.

— Снег ныне большой будет, — заметил Рогов, — видишь, белка грибы высоко вешает...

Над лесом пролетели две черные вороны. Эти птицы избегают глухих таежных районов. Появление их предвещало близость поймы Ингоды с обширными лугами и полянами.

— Ну-ка, погляди, сколько там твоя механика нашагала? — спросил старик, провожая ворон одобрительным взглядом.

Лейтенант достал из кармана шагомер:

— Пятьдесят шесть тысяч триста восемьдесят два шага...

— Это точно? — Рогов всегда задавал этот вопрос, хотя в верности работы прибора был уверен, так как однажды, набравшись терпения, сам его проверил, отсчитав две тысячи шагов. — Ну, ежели точно, то пошли дальше. Еще тысяч пятьдесят прошагаем и дома будем.

С приближением к пойме Ингоды характер местности изменился, стал более мягким. Лиственничный таежный лес сменился сосновым бором. Стали встречаться березовые рощи с кустиками красной смородины. С залитых солнцем лесных полянок то и дело вспархивали табунки рябчиков.

На крутом повороте тропы, с площадки, покрытой мелкой галькой, взлетела рыжеголовая сойка. Усевшись на нижнем суч-

ке сосны, она подняла отчаянный крик, оповещая всех лесных обитателей о пришельцах.

— Фу ты, неистовая! Ну, чего орешь? — рассердился Рогов и, подняв сучок, бросил его в крикунью. Птица перелетела выше и закричала с еще большим азартом. Рогов называл ее по-местному — «теркой». Это прозвище очень подходило к ее крику.

— Вот, лейтенант, знай: другой раз из-за этой язвы лося утонишь. Как эта вещунья загорланит, так в лесу все живое настораживается и разбегается. Правда, она и на сохатого тоже орет. У меня был такой случай. Как-то шел я закрайком по ключу. Слышу, на другой стороне вот такая же крикунья суматоху подняла. Я скорее туда перебежал — и что ж? Гляжу, здоровенный сохатый по чаще путается, а она над ним горланит... Вот той терке можно сказать спасибо... Удружила!

Узкая долина Ададая неожиданно широко раскрылась, и впереди раскинулся необъятный простор лугов. Тропа вышла на берег Ингоды, к броду. Охотники взобрались на вьюки и тронули лошадей через стометровую голубую гладь. Брод оказался глубоким, вода подступила под седла. Лошадей потеснило вниз по течению, но противоположный берег был уже близок. Через минуту они благополучно вышли на галечную отмель. Добравшись до березовой рощи, охотники развьючили лошадей и привязали их в тени под кудрявыми березами.

В ясное тихое утро, часам к восьми-девяти, когда под солнечными лучами оживают кобылки и слепни, начинается самый жадный клев хариуса. Рогов воспользовался короткой передышкой и отправился наловить к завтраку этой замечательной по вкусу рыбы.

Вооружившись четырехметровым удилищем и такой же длины леской, запасшись слепнями и кобылками, он подошел к перекату. В затишьях — за камнями и в заводи — под быстринной то и дело всплескивали хариусы, сверкая на солнце серебристым брюшком.

Насадив на крючок слепня, Прокopf Ильич без грузила и без поплавка забросил снасть к играющим рыбешкам. Этот способ лова, «нахлыстом», — как будто самый простой, но требует от рыбака большой сноровки и расторопности при подсечке быстрой рыбки. Хариус не заставляет себя долго ждать. Стремительно метнувшись к плывущей на поверхности приманке, он жадно хватает ее и бросается в глубину затонка. В этот момент и надо подсечь.

Каждую минуту Рогов выбрасывал на берег серебристую, с красноватым отливом на спине, трепещущую рыбку. Когда у

него кончился запас слепней и кобылок, он выдрал из шинели пучок шерстинок, намотал их на крючок и забросил в воду. Хариусы охотно набрасывались и на эту «наживу».

Через час охотники навьючили лошадей и вывели их на проселочную дорогу. По ней вскоре догнали ехавшего «в район» колхозника и подсели к нему на телегу.

Дома Прокоп Ильич поспешил распороть тулуны. Мясо прекрасно сохранилось. Его немедленно переложили в бочки и залили семипроцентным рассолом. В таком виде оно хранилось две недели — до приезда автомашины из города.

Как было договорено раньше, охотники ждали возвращения товарищей с Улана к десятому августа. Фока и Гаврила Данилыч вернулись с опозданием на три дня, изможденные и исхудавшие. Им не удалось убить лося и две недели косовицы пришлось провести на сухарях.

Посетовав на свою неудачу, они поспешили к столу и накинулись на отварное мясо и молодой картофель, залитый сохатым салом.

Глава VI

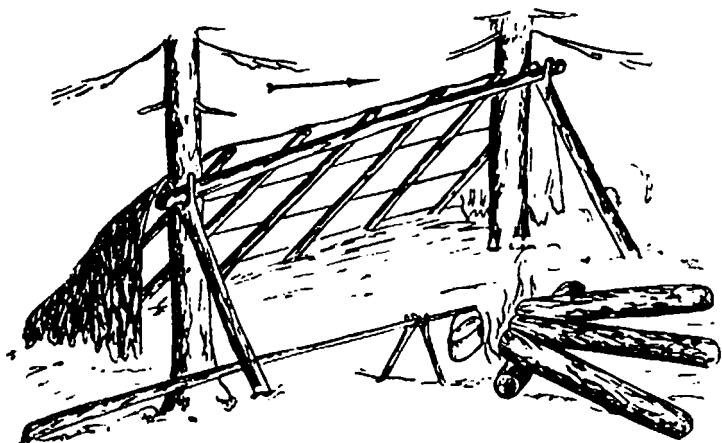
В КЕДРОВНИКЕ

С письмом из Госрыбнадзора пришло разрешение на городьбу в Джиле заездка. С этим известием немедленно начались сборы: охотники точили топоры и пилы, заряжали патроны. К вечеру у них все было готово к выезду.

Как ни уговаривали товарищи Симова отложить выход на день позже, объясняя все нехорошим тринадцатым числом, все же на другой день в полдень все четверо выехали на устье Джилы городить заездок.

В намеченном районе старики отправились к реке выбирать подходящее место для постройки плотины. Этот, один из ответственных моментов, требовал большой предусмотрительности; чтобы будущее сооружение не подмыло и не унесло водой, необходимо было подобрать не глубже метра перекат с ровным каменистым дном и ровным течением по всей ширине реки. Для облегчения работ нужно было учесть и близость строительного материала — леса, заваленного колодником, пути подвозки лесоматериалов и тальниковых прутьев.

Наконец такое место нашли. Вскоре на берегу против него

был сооружен основательный балаган, покрытый лубьем, и расчищена коновязь. А к вечерней заре все разбрелись по лесу на охоту.

Фока с винтовкой отправился за глухарями в Ганькин ключ. На южном склоне в брусничнике поднялся первый выводок глухарей. Старая «капалуха» с квохтаньем перелетела поляну и грузно опустилась в крону раскидистой сосны. Следом за ней взлетели и расселись на смежных деревьях четыре глухаренка. У молодых петушков уже чернели шея, голова и грудка. Несмотря на это, птенцы были еще наполовину меньше взрослых и по размеру не превышали домашней курицы. Фока не стал разбивать выводок. Осторожно пробираясь опушкой бора, он заметил впереди, среди низкорослых кустарников брусники, старого иссиня-черного петуха. Глухарь вышел на полянку к галечной площадке поклевать мелкие камешки, необходимые всем растительноядным птицам для перемалывания в мышечном желудке корма. Фока воспользовался неподвижностью птицы и выстрелил.

По дороге к табору он подстрелил второго глухаря, подсевшего на вершину сосны. У балагана встретил его Прокоп Ильич. Ему удача также сопутствовала. На спиннинг он поймал пару ленков.

Последними вернулись лейтенант и Гаврила Данилыч. Они простояли зарю в долине Ямной, у озер, на вечернем перелете уток и настреляли по десятку каждый. В общей связке были чир-

ки-трескунки и клоктуну, серухи, касатки, пара кряковых и огорь. На таборе каждый поделился своими охотничьими похождениями. Затем инициатива перешла к Рогову, который особенно уморительно умел рассказывать про свои охотничьи приключения.

— Случилось как-то поздней осенью, — рассказывал Рогов, — забрел ко мне на займку молодой охотник. Заночевал и весь вечер все о себе болтал, какой он есть знатный охотник. А ружье свое расхваливал, будто бы оно по бою просто пушка «Берта», мол, такого на всей земле не сыщешь! Сказывал, как даст из него по тростникам — так просека, а по гусю стрельнет — падает тот, как тряпка. Я, было, ему палец изогнутый крючком показал — загибаешь, мол, — а он пуце прежнего распалился.

— Ты что, старина, сомневаешься? Да была б утченка, я б тебе доказал! — С моего, говорит, Зауэра, как с поводком по стае дашь, так меньше 10 уток никогда не падает... — Ничего я ему не ответил. Думаю, пусть себе радуется... Молодой ведь...

Наутро сводил его в лес, показал выводок рябчиков, а сам с «тозовкой» подался белковать. Слышу, мой друг палит да палит. Уж второй десяток патронов доканчивает. Думаю, по ком это? Там и рябцов столько нет.

В обед вернулся домой. Гляжу, сидит на завалинке мой охотник. Сбоку у него три рябчика лежат. Достал и я свои трофеи — 7 белок. Удивился он, что я тоже охотником оказался. Я тут возьми и расскажи ему, как на одном дереве нашел всех этих белок, и вот дождался, когда они одна над другой расселись, выстрелил по ним да на одну пулю всех и убил. Тут друг мой перебил меня: «Вот уже это ты врешь», — говорит. Да так отчитал, что и до обидного договорился. Рассердился и я, что моя шутка впрок не пошла, и задумал проучить его. Вложил тайком от него в горлышко каждому рябчику по записочке с надписью цены: что поцелее был рябчик, написал семь с полтиной, а двум другим, потрепанным — по пять рублей. На этом мы расстались.

Через день мой «друг» снова пожаловал, да без ружья, весь избитый, в синяках и вместе с женой. Христом богом молил меня всю правду рассказать про вложенные бумажки и обещал, что сам больше никогда в жизни врать не будет.

Ранним утром на реке работа шла полным ходом. Выбрав из ветровального колодника полтора десятка сосен толщиной в обхват и распилив их на четырехметровые бревна, охотники занялись изготовлением кобылин для плотины.

Гаврила Данилыч подвозил к реке бревна. Прокоп Ильич и

Фока, считавшиеся хорошими плотниками, врезали в них ноги-подпорки из жердей, а Симов занимался сплавом готовых кобылин и установкой их в намеченном для заездка месте.

Весь день кипела напряженная работа и к вечеру Джиллинский пережат шестидесятиметровой ширины был полностью перегорожен ровным строем кобылин. Так была заложена основа плотины.

Следующие два дня прошли в таком же напряжении. Готовые плетни подводили к кобылинам, затапливали и заваливали камнями. Наконец, к концу третьего дня, был запущен последний плетень, и перегороженный пережат затих. Уровень воды поднялся на полметра. От плотины вверх по реке выровнялся зеркальной гладью стометровый плес. Вода мелодично журчала, процеживаясь через плетни, и только в воротах метровой ширины, оставленных для «корыта», она шумным каскадом буровила каменистое русло.

Теперь вся тяжелая работа была позади. В этот вечер, изнемогая от усталости, охотники едва дотащились до табора. Но жаловаться никто и не думал. Каждый гордился общей победой над водной стихией.

Утром, покрывая и растирая онемевшие мышцы, все дружно приступили к плетению «берд» — решеток. Рогов, как старый специалист по заездкам, взял из тонких жердей «корыто» — отцеживающий пятиметровой длины ящик.

Работали от зари до зари. Старики торопились к двадцатому августа полностью закончить постройку заездка, так как к этому времени рыба обычно начинала спускаться вниз по рекам на зимовку в глубокие омуты многоводных сибирских рек.

С каждым днем над плетнями заездка ширилась надстройка из берд, полностью закрывающая проход для спускавшейся рыбы. К намеченному сроку через все кобылины были перекинута лавы — помост для ходьбы по заездку — и установлено корыто, а к вечеру из него уже выбрали первое руно хариусов в несколько десятков штук. Заездок заработал.

Перед выездом в кедровник оставшиеся четыре дня охотники косили. Чтобы обеспечить на восемь месяцев кормом двух лошадей, нужно было запасти не меньше 8 тонн сена. А накопили только половину.

Бригаде посчастливилось. В конце августа установилась сухая, солнечная погода, и нужный запас корма был заготовлен с избытком. Охотники уехали добывать кедровые орехи, оставив лейтенанта караулить заездок и сгребать неубранное сено.

На следующий день Симов проснулся, когда солнце поднялось над сопками и ласково заглянуло под балаган.

Захватив с собой мешок, он направился к корыту заездка. Там на решетчатом дне ящика трепыхалось с десятков ленков, а среди них ворочался метровой длины красноперый таймень.

Тут же вдоль плотины гуляло руно хариусов. Выстроившись головками навстречу течению реки, рыбешки хвостиками отыскивали в плотине отверстие для прохода. В одном месте в створе между бердами оставалась щель в два пальца шириной. Хариусы не замедлили ею воспользоваться. Достаточно было одному проскочить, как за ним бросились десятки и ушло бы все руно. Но Симов поспешил заложить отверстие. Вспугнутые рыбешки стремглав метнулись в глубину плеса, но вскоре снова появились, и, выстроившись в том же порядке, проплыли вдоль берд. В это время из глубины плеса налетела волна и всплеснулась у плотины. Полупудовый таймень с невероятной быстротой врезался в табунок хариусов. Мощным ударом хвоста он оглушил их и, схватив одного, исчез в глубине. Рыбешки метнулись в сторону, но, поравнявшись с воротами заездка, попали в быструю струю и в то же мгновение расплавленным серебром растеклись по дну корыта.

Работы на заездке было очень много. Целыми днями приходилось чистить берды, разделявать и солить рыбу, убирать сено. За неделю были наполнены рыбой три стокилограммовые бочки.

За работой незаметно подошел сентябрь. Народился молодой месяц, а вместе с ним наступила перемена погоды. Над Джилой нависла свинцовая туча и донеслись раскаты грома. Дождь надвигался по долине реки. Небо приблизилось к земле, и сплошная пелена затянула окрестности.

Днем позже прибыла вода и принесла с собой на заездок еще больше хлопот. Мутная река несла тину, дерновинки, коряги и разный хлам, засоряя берды и корыто заездка. Симов не успевал их очищать и переворачивать. Вскоре засоренный заездок превратился в непроницаемую плотину. Образовался «спор» воды, который поднял уровень Джилой на метр.

Река продолжала прибывать и вскоре загудела мощным каскадом, переливаясь через берды и лавы. Под давлением воды кобылины тряслись. Казалось, они вот-вот подломятся и дадут свободу переполненной реке.

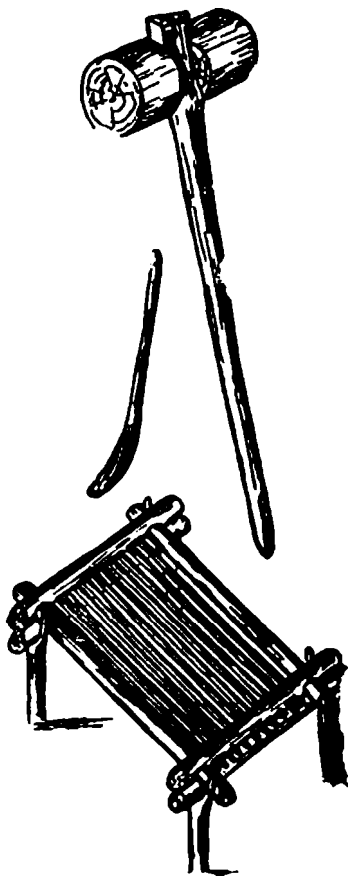
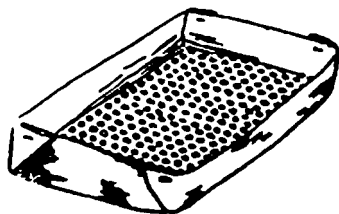
Три дня длилось наводнение, и все же заездок устоял.

Вода стала проясняться и убывать. Весь день пришлось провести за его очисткой. Мощный каскад воды в воротах сбивал с ног и не давал возможности добраться до дна. О рыбной ловле

не могло быть и речи. Чувствуя свое бессилие, Симов с горечью смотрел, как к плотине подходили табунки хариусов и ленков, которые без труда перескакивали через берда. Иногда, мелькнув красным хвостом, переваливался через плотину и красноперый таймень.

Тем временем в гарекинском кедровнике шла полным ходом заготовка орехов. Охотники обосновались в долине Гареки на берегу речки, поближе к воде. В кедровник же приходилось подниматься к вершинам сопок и там, работая «колотнем» — деревянным молотком, — сбивать шишки. Работа эта несложная, но требует большой силы. Сборщик орехов, вооруженный огромным деревянным молотком с ручкой длиной в два метра и прикрепленной к ней полуметровой, в 25 см толщиной чуркой, разыскивает кедр с шишками. Найдя такое дерево, разбегается и, уперев конец ручки колотня под корень, с силой ударяет чурбаком по стволу. От удара часть шишек падает на землю. Этот год был малоурожайным, и охотники, сколачивая по 5—10 шишек, с трудом набирали их за день по полтора-два мешка.

Один только Фока, здоровый и сильный, ухитрялся наколачивать по три мешка в день.

Натащив к табору 25 мешков, товарищи приступили к обмо- лоту шишек. На специально сделанных из жердей решетчатых «грохолах» они разбивали шишки изогнутыми палками. Чешуй- ки и черенки сметали руками, а оставшиеся под низом орехи просеивали через решето из берестяного листа, продырявленно- го берданочным патроном. Затем от орехов отвеивали на ветру шелуху и мелкие обломки чешуек.

Испортившаяся погода помешала и сборщикам. Они успели набрать шесть мешков очищенных орехов, и, навьючив лоша- дей, выехали в обратный путь.

Как обычно, первым вернулся Батыр. По пути в деревню он забежал на заездок. Симов обрадовался его визиту и стал с минуты на минуту поджидать товарищей.

Вернулись они на другой день. Запустение на заездке боль- ше всего огорчило Рогова. Надеясь на сообразительность лейте- нанта, он забыл предупредить его, что в случае дождливой по- годы и заноса заездка сором необходимо ворота в корыто за- крыть плахами, а само корыто поднять. Это предупредило бы зар- сорение отцеживающего ящика. В результате этих упущений ушло много рыбы.

Так, посетовав на лейтенанта, товарищи отправились вы- правлять корыто. Вчетвером они его едва подняли из воды, и, очистив от сора, установили в рабочее положение. Снова нача- ла ловиться рыба. Хариусы к этому времени уже прошли. Поч- ти исключительно попадали ленки и таймени. Низко поставлен- ные берда, на полметра над водой, не были рассчитаны на боль- шую воду. Поэтому ленки иногда перелетали через них, делая трехметровый прыжок. Из подошедшей к плотине стайки стоило одной рыбе сделать подобный трюк, как вслед за ней выскаки- вали одна за другой все остальные.

Самый удачный лов проходил в вечерние и утренние зори. Иногда среди ночи Батыр поднимал лай в сторону корыта, в ко- тором ворочался попавшийся таймень. Охотники с факелом шли к корыту и вынимали из него рыбу.

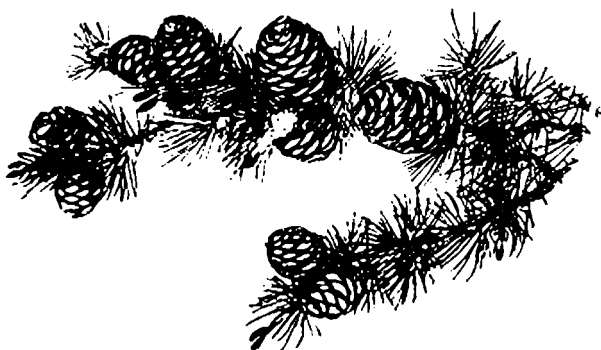
С каждым днем бочонки пополнялись первосортной речной рыбой. Посолку Симов никому не доверял и всю работу прово- дил сам. Крупную рыбу он потрошил, резал по хребту и, обва- лив в соли, плотно укладывал в бочки. На день он тщательно за- кутывал бочки в полушубки и дохи.

— Ты нам рыбу спаришь, — заметил как-то Рогов.

Симов ему возразил, объясняя, что полушубки сохраняют ночную прохладу. Но старик никак не хотел с этим согласиться и остался при своем мнении.

К 10 сентября было сметано в стога сено. Лошади за это время хорошо отдохнули. Теперь можно было собираться в тайгу.

Караулить заездок остался глуховатый Фока, а старики с лейтенантом вернулись в деревню, перековали лошадей и, наполнив переметные сумы месячным запасом продуктов, на другой день выехали в тайгу.

Глава VII

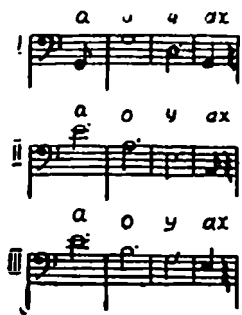
РЕВУТ ИЗЮБРЫ

14 сентября, Семенов день, считается началом рева изюбров — брачного периода у этих самых крупных, после лося, оленей. С вечерними зорями могучие быки поднимаются к вершинам сопок, на открытые места увалов и старых гарей и мощным ревом, слышным за три-четыре километра, привлекают к себе самок и вызывают друг друга на бой.

Обычно, спустя неделю, самые сильные рогачи обзаводятся «гаремами», порою до 10 самок, которых они ревностно охраняют от соперников. Охотники предлагали использовать время гона для учета численности оленей и отстрела старых быков. Успех в этом деле зависел от умения охотников подражать реву быков и мастерства скрадывания — бесшумного подхода к оленям.

Лейтенант, никогда не слыхавший изюбрового рева, неоднократно пытался трубить в винтовочный ствол, но товарищи морщились и отрицательно качали головой. Пришлось отложить уроки до встречи с оленями.

От первого холодного дыхания осени на лесных полянах поблекла и побурела перепутавшаяся трава. Березово-осиновые ро-

Нотная запись «песни»
ревушего марала.

ми на них паучками, а высоко в небе показался первый треугольник журавлей. Наступила ранняя забайкальская осень.

Поднявшись каменистой тропой на Макарячинский водораздел, охотники въехали в густой и мрачный лиственничный лес. Тропа выровнялась, пошла по хребту среди зарослей брусники и вскоре вывела всадников на заболоченную горную поляну, густо заросшую голубикой.

Уваров спешил, достал из сумы котелок, замахал им по кустам и в несколько минут наполнил его ягодами.

Под гору всадники свели лошадей под уздцы и остановились на ночлег на берегу Якушихи. Эта небольшая речка с прозрачной, как стекло, и всегда ледяной ключевой водой была известна глубокими коряжистыми ямами, в которых обитали в большом количестве крупные ленки.

Наскоро поужинав, Симов поднялся каменистой россыпью к вершине сопки, покрытой редким лесом. Хотелось поскорее услышать рев изюбра.

На фоне яркого оранжевого заката ажурным кружевом выделялись еще кудрявые березки. За ними виднелись зубчатые горные дали, подернутые синевой. Алые тона неба незаметно перешли в сиреневые. Снизу потянул легкий ветерок, нарушив вечернюю тишину трепещущим шелестом усыхающей листвы.

Не успели утихнуть зароптавшие деревца, как до слуха охотника донесся странный вопль. «Ааа-ууу-ах...» — пронеслось над сопками.

ши разукрасились оранжевыми пятнами умирающей листвы. Слепни исчезли, а на смену комариному царству поднялась назойливая мошка. Днем было жарко, солнечно, но по ночам уже прихватывали ядреные морозцы.

В поредевших зарослях багульника хлопотливо перепархивали малые и ширококлювые мухоловки, касатки, пеночки-зарнички и зеленые сибирские завирушки, таловки и другие мелкие пташки, отлетающие на юг. Собрались в табунки длиннохвостые синицы и голубые сороки. В воздухе появилось множество паутиных нитей с путешествующими

Минуты наступившей тишины тянулись томительно долго. Симов прислушивался до звона в ушах. Наконец, с противоположной стороны долины снова повторился тот же вопль. Теперь он был слышен более четко и походил на отдаленный вой матерого волка. Это ревел изюбр.

Зверь поднимался к горным вершинам. Когда он вышел на водораздел, по долине прозвучал мощный переливающийся трубный рев. Свою «песню» изюбр начинал на низком тоне. Затем переводил октавой выше, составляющей основную часть «песни», и заканчивал отрывистым, сердитым «ах!» на низком первоначальном тоне.

«Ааа-ооо-уу-ах!» — грозно несло по долине. Лес потемнел. Замерцали первые звезды. Бык все не унимался и продолжал реветь.

В густой темноте лейтенант отправился на табор и вскоре вышел на костер.

— Слышал, как поет? — спросил его Рогов. — Это молодой бычок. Вот старый, тот по-другому ревет, как пороз. Ну, послушаешься еще и старых, и молодых. Рев только начался, да и зверей здесь мало...

Охотники уговорились назавтра пораньше сняться с табора, чтобы за день добраться до реки Улан.

К полудню отряд преодолел два больших перевала и по Кочковатому ключу спустился к Улану.

У самого устья ключа, на небольшой полянке, заросшей густым пыреем, стоял ветхий односкатный балаган. Это был старый охотничий табор. Подъехав к коновязи, старики спешили и осмотрели таборную площадку. На земле лежал посеревший помет лошадей. Очаг с плотно прибитой дождями золой и старыми головешками зарос травой. Из-под балагана вытянулись к солнцу длинные стебли пырея. Зеленая плесень и белые грибы на тонких ножках виднелись под корьем. Все свидетельствовало о том, что в этом году никто еще здесь не побывал. Оборудовав стоянку по-своему, товарищи расположились на отдых.

Лошади, побрякивая путами, подошли к очагу и смачно захрустели сочной травой над самым ухом Рогова. Он поднял голову. Карька, повернувшись к своему хозяину, сдержанно заржал и, подойдя ближе, потянулся губами к его рукам. Старик ласково погладил своего друга.

— Ну, что? Посолонцевать пришел? — На приветливые слова хозяина конь ответил еле слышным ржанием. — Эх ты, ка-

наля хитрая. Ну, ну, не лезь, уговорил, так и быть, — проворчал Прокоп Ильич. Он встал и принес на куске коры горсточку соли. Слегка прикасаясь к ней губами, Карька зачмокал и выпустил слюну, смакуя каждую щепотку.

Растянувшись на своем потнике, старик с любовью следил за конем. Но усталость взяла свое: скоро он поник головой и, охваченный дремотой, заснул.

Перед заходом солнца охотники разбрелись по лесу, поднялись на сопки и заняли наблюдательные позиции.

Стоял тихий, теплый вечер, поэтому изюбры заревели очень рано. Едва солнце спустилось к сопкам, как в районе Потайного ключа, куда ушел Симов, прозвучала высоким тоном протяжная переливающаяся песня молодого быка.

Лейтенант скинул моршни и в одних волосяных чулках, связанных из волос конской гривы, осторожно пошел к ревущему зверю. Бесшумно продвигаясь опушкой и редколесьем, он поднялся на сопку повыше ревущего быка. Это облегчало наблюдение за зверем. Подойдя к нему метров на семьдесят, он обнаружил в чаще и пасущихся с быком двух изюбрых.

Бык, почуяв приближение человека, стал удаляться и вместе с оленухами вышел в соседнюю долину. Поднявшись на невысокую сопку, он заревел еще раз. Его песня была тут же прервана грубым, невероятным по силе ревом старого быка. Рев был настолько мощным, что казалось, будто зверь стоит рядом. Симов повернул к нему; олень должен был находиться не дальше, чем в двухстах метрах. Через несколько минут на вершине сопки с новой силой повторился тот же раскатистый рев.

Симов стал было приближаться к быку, но небольшая оплошность испортила все дело: он споткнулся о колодину и, ломая сучья, грузно повалился на сухой валежник. Долго тянулись минуты ожидания. Наконец раздалось отрывистое «кхао». Через несколько секунд рывканье спугнутого изюбра повторилось в полукilометре, затем донеслось из-за сопки и стихло. Оба быка умолкли и больше в этот вечер голоса не подавали.

На табор Симов вернулся первым. Вскоре подошли старики. — Ну как, паря? Что теперь запишем? Разогнал зверей-то! — съязвил Рогов.

Лейтенант покраснел и махнул рукой.

Вмешался Гаврила Данилыч:

— Мои-то звери остались на месте. Их можно записать. Выследил я здоровенного рогача и при нем четырех коров.

Это известие немного подбодрило лейтенанта. Он расспросил,

как вели себя звери, куда отправились пастись, как охранял свой гарем старый бык.

Под утро в районе табора заревело четыре изюбра. Охотники еще в темноте разошлись по лесу.

Вчерашний молодой бык вернулся к верховью Потайного ключа и «пел» усерднее всех. Из соседней пади ему сердито отвечал старый, а с ближайших сопок подавали голос два пришлых молодых. Каждый охотник выбрал себе «певца» и, тщательно маскируясь, стал скрадывать его. С восходом солнца рев изюбров заметно ослабел и к девяти часам вовсе прекратился.

Утренние наблюдения подтвердили, что здесь ходят два быка с гаремами: старый с четырьмя коровами, молодой с двумя. Оба пришлые, молодые, еще не обзавелись подругами.

В этот день табор пришлось покинуть. За ночь лошади выстригли всю траву и остались без корма. Охотники переехали к зимовью на устье реки Бельчир.

На новом бивуаке старики отремонтировали зимовье: законопатили мохом щели, перебрали на крыше лубье, переложили печь.

Уваров, работавший в молодости по печному делу, соорудил замечательную мазанку. Достав пять ведер синей глины, он смешал с нею пять килограммов соли и, залив водой, приготовил густой раствор. Затем из крупных камней сложил основание печи высотой в полметра и площадью в полтора квадратных метра. На него положил метровое бревно, а на бревно поставил жердь, обложил их мохом и облепил глиной. Через несколько дней, когда глина подсохла, Уваров вынул бревно и жердь. Получилась превосходная печь-мазанка с глиняной трубой.

Симов на новом месте немедленно занялся радиофикацией. Подтянув конец антенны к зимовью, он подключил детекторный приемник и без особого труда поймал читинскую радиовещательную станцию. Передавали сводку Информбюро. Один наушник не мог обслужить троих охотников, и товарищи уступили его Рогову. Старик в эти дни особенно волновался: он знал, что сын его сражается под Либавой, где шли теперь ожесточенные бои с окруженной немецкой группировкой.

Оставив стариков в зимовье, Симов отправился на южный косяк долины и, разыскав стройную, без сучков березу, винтообразно по стволу надрезал ее кору и содрал полосу бересты в 15 сантиметров ширины и 2 метра длины. Из нее он скрутил конус и на широкий его конец надел плотный цилиндр, сделанный

на замке, как для туеса. Получилась берестяная труба в 75 сантиметров длины с отверстием у мундштука в два миллиметра и рупором в 10 сантиметров. Теперь он просушивал ее у костра. Гаврила Данилыч с интересом следил за работой.

— Диковинная штука получилась, — заметил он. — Как-то она у тебя реветь будет? У нас делают долбленные трубы, из сухой сосны.

Закончив просушку трубы, Симов собрался ее испробовать. — Стой, стой! Нельзя тут реветь, ты зверей всех разгонишь да Ильича разбудишь.

Симов согласился с Данилычем и отправился в зимовье. Плотнo захлопнув за собой дверь и заложив отдушины, он уселся на нары и, прикоснувшись уголком рта к мундштуку трубы, с силой потянул в себя воздух через нее. Из зимовья понеслись приглушенные вопли.

Час тренировки не прошел даром. К концу первого урока Симов мог на одном тоне протянуть полминуты. Теперь оставалось отработать переливы песни — переход с одного тона на другой. Прервав занятия, он вышел из своей «студии» передохнуть и покурить.

— Ну, паря, ловкая труба получилась, — одобрительно отозвался Гаврила Данилыч. — Главное, реви тонким голоском, как молодой бычок. На такой рев звери лучше отзываются. Еще перебор освоить надо. Тогда и к изюбрам вали...

Второй час занятий Симов посвятил «перебору». Проснувшийся Рогов с удивлением прислушался к реву.

— Это кто там? — спросил он Уварова.

Из зимовья вышел Симов.

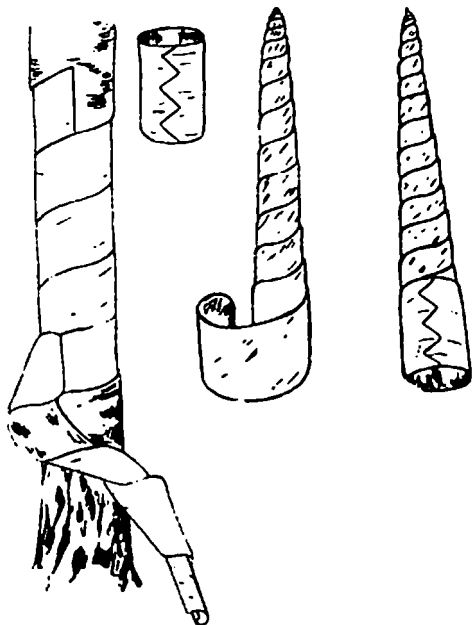
— Ну, как?

— Подходяще... В аккурат, точно получается, — ответил Прокоп Ильич. Взяв трубу, он с интересом разглядывал ее, вертел в руках, примерял к губам.

— Дивье какое! Ловко сработано. Это уж не рассохнется, не треснет. Ну, лейтенант, с этой музыкой мы теперь всех зверей пересчитаем.

...Через час на таборе остался привязанный Батыр, а охотники разошлись по лесу встречать вечернюю зорю. На долю Симова пришелся Гаврашковый ключ. Добравшись к последнему увалу в вершине Гаврашковой пади, он поднялся до середины его и замаскировался среди каменных глыб. Серый цвет его солдатской шинели как нельзя лучше сливался с окружающей местностью. Теперь нужно было запастись терпением и ждать изюбров.

С заходом солнца, волнуясь, Симов в первый раз проревел в

Изготовление ваба — рёвной трубы.

трубу. Получилось гораздо хуже, чем в зимовье. Захотелось вернуть свой «воплъ», но притаившееся эхо услужливо подхватило его и, бросаясь из стороны в сторону, понесло по распадку, по сопкам... Наконец стихло. Симов собрался было повторить свой позывной, но в этот момент донесся отдаленный, еле слышный ответный клич. Сомнений не было: ответил изюбр!

Симов нетерпеливо смотрел в ту сторону, на побуревшую, красно-оранжевую вершину горы. Рев повторился ближе. Бык шел к охотнику.

Симов поднял трубу и ответил изюбру. Не успело стихнуть эхо, как донесся грозный ответ. Зверь вышел на вершину сопки; на фоне малинового

заката показался темный стройный силуэт.

К великому удивлению охотника, бык оказался с небольшими, как шпильки, рожками. Приподняв голову и вытянув шею, он с новой силой повторил свою угрозу «сопернику», мимоходом яростно пободал молодую листвянку и быстрыми шагами направился вниз по увалу. Он шел напрямик, перелесками, то исчезая в чаще, то появляясь на опушках. Спустившись до середины косогора, зверь остановился метрах в двухстах от охотника и, вытянув шею, снова заревел устрашающим голосом. Стало ясно, что это старый олень с короткими уродливыми рожками.

Такой бык как производитель не имеет никакой ценности: его потомство слабо и немощно. Поэтому Симов решил добыть этого оленя и поспешил прореветь в трубу. Зверь неожиданно встревожился и, взметнув голову, замер на месте. Он понял обман. Рывкнув грубым басом, он сделал несколько скачков в гору, снова остановился и, повернувшись боком, прислушался.

Теперь исход охоты решал меткий выстрел. Симвов открыл стрельбу. Быстро работая затвором, он в несколько секунд опустошил магазин карабина. Из трех просвистевших пуль только одна закончила свой полет глухим ударом, попав в зверя. Изюбр осел назад, переступил несколько шагов и бешеным галопом, пятиметровыми прыжками, помчался к вершине сопки. Через минуту зверь скрылся из вида.

Вечером искать раненого оленя было бесполезно.

У таборного костра Симвов застал Уварова.

Выслушав рассказ лейтенанта, старик успокоил его:

— Это, паря, со всяким бывает, а ежели ты прострелил его по кишкам, он никуда не денется и за ночь пропадет, помрет. Завтра прихватим с собой Батыра, сходим по следу, изюбр будет наш.

...Всю ночь, не переставая, перекликались три рогача. Симвову не спалось. Ему казалось, что среди них ревет и его вчерашний бык. С тоской всматриваясь в темноту холодной ночи, он с нетерпением дожидался рассвета, обдумывая план розыска убежавшего зверя.

В полночь восток посветлел. Из-за сопок показался золотой рожок месяца. Покрытые инеем поляны залило голубым блеском. Поседевший ерник выделился белым кружевом на фоне темного леса. Симвов подложил в костер бревно, облокотился о седло и прислушался. В монотонный шелест осыпавшейся листвы врезался одинокий выстрел. Он поднялся, приставил к огню котелок с чаем, зарыл в раскаленную золу с десятков картофелин и стал ждать Рогова.

Время тянулось томительно долго. Давно закипел чай и испеклась картошка. Снова заревели замолчавшие изюбры. А Проккоп Ильич все не возвращался. Наконец в морозной тишине слышались похрустывающие шаги, и из темноты к костру вышел старик.

— Ты пошто не спишь? — спросил он.

— Промазал вчера, вот и не сплю...

Рогов внимательно выслушал историю с изюбром и дополнительно порасспросил: как убежал зверь, стучался ли рогами о деревья.

— Ты, паря, запомни: если зверь на виду, реветь в трубу ни в коем разе нельзя, — поучал старик. — Раз изюбр пошел на трубу, то он точно выйдет туда, откуда реवेशь. Ему хоть десять километров — он все одно без ошибки найдет твое место.

Симвов теперь и сам это хорошо знал.

— Так, говоришь, осел после выстрела и стучался боками о

деревья? — переспросил Прокоп Ильич. — Ну, будь спокоен, завтра же будет наш, — обнадежил он. — У меня фартовее получилось. За вечер шесть лосей приходило, два быка были с коровами. Этих рогачей пожалел. А при луне приплелся бурун — прошлогодний сохатенок. Ну, пристрелил его наповал. Слыхал выстрел? Бычок невелик, а все ж с центнер мяса даст.

Разогревшись горячим чаем и печеной картошкой, Прокоп Ильич поудобнее расположился у костра и вскоре заснул.

Симов также последовал его примеру и, устроившись между стариками, затих под своей шинелью.

Рассвет застал Уварова и Симова в сборах. Взяв Батыра на сворку, они отправились к месту вчерашнего происшествия. Заиндевшие под утро заросли ерника сказочно разукрасились кристаллами льда и стояли, как вылитые из серебра.

Уваров, обеспокоенный таким похолоданием, предположил, что след зверя простыл и собака вряд ли возьмет его. Но Батыр рассеял это сомнение. Добравшись до места, где бык был ранен, пес натянул поводок и, принюхиваясь, потащил Симова. Гаврила Данилыч шел рядом, внимательно всматривался, но нигде не заметил ни капли крови, ни вырванной пулей шерсти.

— Ну, паря, однако, мимо пробросал, — веско заключил он.

Но Симов решил следовать за Батыром до конца и вскоре оставил старика далеко позади.

Поднявшись на вершину сопки, собака повернула и повела по каменистому горному отрогу. Километра через три Батыр снова свернул в седловину и так натянул повод, что захрипел.

Симов взглянул вперед и увидел, как изюбр соскочил с лежки и умчал в чащу. Батыр взвыл от ярости и, поднявшись на задние лапы, метнулся вперед с такой силой, что сбил лейтенанта с ног и едва не вырвался. Упустить собаку с поводком — значило послать ее на верную смерть; с длинным ремешком на шее Батыр неминуемо запутался бы в чаще и был бы убит разъяренным быком.

Симов подтянул к себе пса и отстегнул сворку. Батыр стремительно бросился за зверем и, через минуту догнав его, яростно залаял. Голос собаки слышался на одном месте. Олень не выдержал натиска и бросился назад своим следом. Послышался приближающийся треск кустарника и топот копыт. Изюбр выбежал на опушку в тридцати шагах от охотника. Прогремел выстрел. Бык сделал последний прыжок и тяжело повалился на землю. Следом выскочивший из чащи Батыр набросился на не-

го. Пес отыскал на его плече рану и стал слизывать сочившуюся кровь.

Это был очень старый изюбр с толстыми, корявыми и короткими рогами. На шее, в темно-бурой гриве, попадались белые волоски. Серо-соломенный окрас спины переходил на боках в белесый.

Подвернув голову изюбра, охотник положил тушу на спину, привалил ее к колодине, затем сделал по животу продольный разрез и вытащил почти пустой желудок и залитый жиром кишечник. Левая почка оказалась простреленной еще вчера, и вся брюшная полость залита почерневшей кровью.

Обращали на себя внимание недоразвитые семенники быка. Они были мягки наощупь и заплыли жиром. Половая недостаточность у старого одряхлевшего оленя, прежде всего, выразилась в уродливой недоразвитости рогов. Эта физиологическая связь общего состояния животного с его рогами лишает больных и старых животных возможности производить потомство, так как быков с недоразвитыми рогами избегают оленухи, а более крепкие рогачи отгоняют их от коров.

С сальника и кишечника Симов набрал с полпуда внутреннего жира. Затем, завернув на крупе шкуру, вырезал полупудовый пласт подкожного сала. Весь этот жир он спрятал от собаки, заложив его в грудную полость зверя.

Старики давно ждали возвращения лейтенанта. Когда он подошел к табору, они в третий раз разогревали чай и поджаренные в сохатином сале куски печенки.

— Вот те на! Поздравляю с первым ревным изюбром, — сказал Рогов и пожал окровавленную руку охотника. — А меня Гаврила уверил, что зверь ушел без раны...

Старики тут же заседлали лошадей, приготовили переметные сумы и веревки для вывозки мяса. Рогов расспросил, где лежит изюбр, и, вскочив в седло, тронул коня. Симов ехал сзади и удивлялся, как по его рассказу Прокоп Ильич легко ориентировался в лесу.

Голова старого изюбра с недоразвитыми рогами.

Навстречу охотникам из чащи выбежал Батыр. Морда его была вымазана кровью, а бока заметно потолстели.

— Эка язва, брюхо, как бубен, набил... Шкода этакая! — добродушно ворчал Рогов. — Его, дьявола, караулить оставили, а он здесь находзйничал самовольно. Поди, весь жир оходил...

Пес опустил хвост и, виновато понунив голову, посторонился, отступив в кусты.

— Жир я спрятал, зря сторожа ругаешь,— заступился за собаку Симов и рассказал о ее превосходной работе.

Через час туша была разделана. Навьючив на каждую лошадь по 70 килограммов, бригада спустилась по Гаврашковому ключу и вышла на Улан к зимовью.

После обеда Рогов предложил Симову выйти в тайгу:

— Ты на трубу быков подразнишь, а я тем временем их стононой обойду. Сегодня, после дождика, можно вплоть подойти, так что переглядим всех, до последней телки...

Отправились за два часа до темноты. Километрах в трех от табора Симов попробовал вызвать зверя на трубу, подражая самому высокому голосу изюбра. Тотчас из распадка донесся ответ молодого быка. Олень проревел несколько раз.

— Уж больно горластый, одинокий, видать, — заметил Рогов. — Старый рогач при табуне обычно помалкивает. Ему не до реву. Охаживать коров надо. А этот орет все, зовет...

Старик примерно определил место зверя и, наметив наиболее удобный подход, немедленно отправился скрадывать его. Ловко пробираясь между кустами, мягко шагая по отсыревшему моху, он двигался бесшумно. Ичиги с голенищами из шинельного сукна облегчали бесшумную ходьбу, и он шел легко и быстро.

Симов время от времени вызывал голос зверя на трубу, помогая этим Рогову брать верное направление. Скоро старик поднялся на сопку и, осторожно пробираясь лесной опушкой, стал медленно заходить зверю в тыл. Изюбр тем временем перешел ключ, проревел два раза подряд и, яростно боднув по пути молодую лиственницу, направился к Симову. Приблизившись к нему метров на сто, он неожиданно остановился, уловив, по-видимому, фальшь в звуках трубы.

Рогов едва поспевал за оленем. Увидев, что он насторожил, и, убедившись, что это бык одинокий, без гарема, старик прекратил наблюдение. Охотники отправились дальше и вскоре снова встретили ревущего быка. Здесь им посчастливилось выследить старого изюбра с пятью оленухами. В отличие от первого, этот зверь на трубу не шел и отвечал на нее неохотно.

Так, с помощью трубы охотникам удалось за три дня обна-

ружить на Улане и его притоках еще четырнадцать «семейных» быков-изюбров, каждый из которых водил за собой от двух до семи оленух. В районе самородных солонцов на рев трубы ответил мыкающим стоном, а затем вышел к охотникам одинокий молодой лось.

Закончив учет изюбров, охотники отправились в сопки. За два дня Батыр облаял более десяти лосей, из которых три взрослых быка были с коровами, а остальные — одиноцы.

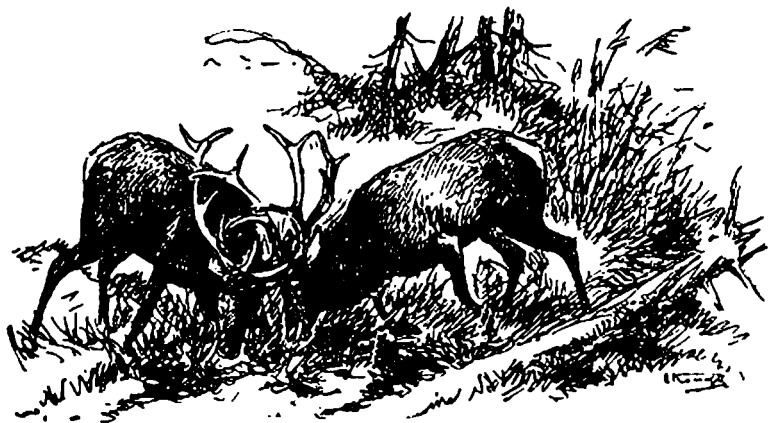
Лошадям не хватало у зимовья подножного корма. Уваров с Роговым собрались в глубь тайги, на речку Шепшулту, к заготовленному сену, строить зимовье, а Симов — на реку Джилу.

Шепшулта — река тихая, в ее широкой долине много лугов, болот и небольших озер. Прилегающие горные отроги пологи и покрыты старыми гарями. Крутых косогоров-увалов, богатых горной травянистой растительностью, здесь нет, поэтому изюбры сюда заходят редко. Шепшулта — урочище сохатых. Район Джилы, в среднем ее течении, наоборот, богат увалами и множеством скалистых отстоев. Здесь в изобилии встречаются изюбры.

Старики помогли навьючить Сивку и, договорившись с лейтенантом встретиться через неделю на устье Улана, поехали по Гаврашковому ключу на перевал к Шепшулте. Симов вывел коня на тропу и тронулся в обратную сторону, вниз по Улану. Торная тропа шла под уклон, и Сивка, бодро шагая, отмеривал километр за километром.

После трехчасового перехода падь Улана раскинулась широкими воротами. Сосновый бор поредел. Показались скалистые берега Джилы и донесся шум ее порогов. На лугу высились два больших стога, накошенных летом Гаврилой Данилычем и Фоккой. Симов перебрел Улан и без труда отыскал их летний балаган, покрытый лиственничным лубьем.

Табор был прекрасно оборудован и находился на живописном месте, у самого устья Улана. Развьючив и расседлав Сивку, Симов отпустил его к сену, а сам отправился заготавливать дрова. Работать топором ему не пришлось. Метрах в двухстах от балагана стояла вековая сосна, разбитая грозой. Кудрявая вершина дерева была срезана молнией, как топором, и лежала тут же у расщепленного пня. Еще зеленая, не осыпавшаяся хвоя свидетельствовала о том, что все это произошло совсем недавно. Ствол сосны оказался разбитым на двух-трехметровые щепы, которые разлетелись вокруг на пятьдесят метров. Некоторые из них воткнулись в землю торчком. Щепа была абсолютно сухой, хотя признаков обугливания на ней не было заметно.

С вечерней зарей Симов поднялся на сопку. Сюда доносился рев пяти зверей. За Джилой два изюбра приближались друг к другу и вскоре сошлись. Их мощные голоса стихли, и в ночной тишине послышался стук сильных ударов рогами.

Сражение длилось минут пятнадцать. Прогрохотали обвалившиеся камни, и на мгновение все стихло. Затем победоносно проревел один из быков. Не окончив первого колена, он с новой силой затянул другое и закончил его мощным рыкающим воплем. Ревел он необычно. В его захлебывающемся голосе чувствовалась беспредельная ярость и торжество победы. Симов ответил в трубу. С минуту бык прислушивался, а затем с той же яростью пригрозил своим мощным ревом и ему.

Симов неоднократно пытался перебраться на другой берег Джилы. Но, обследовав ближние пороги, он так и не подыскал удобной переправы; поблизости не оказалось ни охотничьего, ни звериного брода. Пришлось перебираться через перекат. На галечной отмели Сивка покорно вошел в воду и, оступаясь на скользких округленных камнях, побрел к противоположному берегу. На середине реки вода подступила к седлу. Бурным потоком Сивку потеснило вниз, и он споткнулся. Быстрое течение понесло его к глубокому плесу. Потеряв под ногами дно, конь круто повернулся и поплыл назад. Придерживаясь за седло, за ним плыл лейтенант.

Два дня Симов скитался по сопкам. Каждую зорю ему от-

вечали три-четыре молодых изюбра. Они боялись идти на трубу, а с приближением охотника уходили в дебри и замолкали

Однажды ранним утром в трех километрах от табора прокатился по долине мощный грубый рев. Олень несколько раз повторил свой вызов и, не получив ответа, затих. Под вечер Симов поднялся на горный отрог, где остановился на дневку пришлый бык. Замаскировавшись на краю старой гари, за корнями вывороченного дерева, он заревел в трубу. Прибылой изюбр немедленно отозвался. Подождав с минуту, лейтенант снова подал голос. Ответ быка послышался ближе, и вскоре показался бегущий через гарь огромный рогач.

Легко перепрыгивая через колодины, бык рысью шел прямо на охотника. Метрах в тридцати от него он остановился, закинул на спину мощные, с двенадцатью отростками рога и, вытянув шею, залился могучим ревом. На этот раз Симов не ответил: его винтовка была направлена в зверя. Прогредел выстрел, и изюбр упал замертво.

Рогач оказался среднего размера: высотой в холке — 165 сантиметров, в крестце — 160 сантиметров, длиной тела — 245 сантиметров. Туловище, окрашенное в светло-бурый тон с лоснящимся оттенком, контрастно отделялось от шеи, покрытой темно-бурой мохнатой шерстью, напоминающей гриву льва. Грива спускалась до груди и между передними ногами переходила в курчавую темно-бурую полосу, тянущуюся до промежности. На задней части ярко выделялось рыжевато-серое «зеркало». Красоту животного дополняли стройные ноги и могучая шея с широколобой головой, увенчанной метровыми рогами

Сняв шкуру для чучела и разделив тушу изюбра на части, Симов связал их в перекидки и, навьючив на Сивку двести килограммов мяса, вывел коня на звериную тропу. Спускаться гарью было нелегко. Поминутно приходилось обходить завалы из колодника и горелые пни. На одном повороте сзади что-то затрещало. Симов обернулся и отскочил в сторону: Сивка зацепил вьюком огромный подгоревший ствол дерева, и он плавно валился на голову коня. Ствол рухнул, ударив Сивку сучком в висок. Конь пошатнулся и грузно свалился на землю, безжизненно запрокинув голову.

— Убил! — отчаянно вскрикнул Симов, бросившись к коню

Скинув передки и седло, он припал к конской голове и, стоя на коленях, стал поспешно ощупывать ее.

— Надглазничная — цела, височная — цела... теменная — цела, — причитал он, проверяя черепные кости

В это время выкатившиеся белки конских глаз вошли в свои

орбиты. Помутневшие лиловые глаза оживились. Сивка поднял голову и встал на ноги. Шатаясь, он недоумевающе оглянулся по сторонам, а затем потянулся дрожащими губами за пожелтевшим пучком травы.

Последние сентябрьские ночи были морозны; к утру на лугах подмерзали мочежины, в озерах и тихих плесах реки появлялись тонкие ледяные пленки. Исчезли утренние туманы. Вода в озерах прояснилась. Все чаще попадались остановившиеся на дневку табунки перелетных уток. Среди них уже редко встречались чирки-клоктуны, свиязи и шилохвости. Эти утки пролетели раньше, уступив место кряковым и нырковым уткам: голяям, чернети, крохалям и луткам.

Вечерами на песчаные отмели Джилы снижались запоздавшие табунки гусей-гуменников. Переночевав, они на утренней заре с шумом и гоготом поднимались на крыло и продолжали путь на юг, в теплые края, в южный Китай и Индию.

Поредели березки и осинки, разметав по распадкам оранжево-желтую листву. Пожелтели и лиственницы, обильно рассыпая по ветру высохшую колючую хвою. И только хмурый бор оставался по-прежнему темно-зеленым и непроглядным. Так незаметно подошел октябрь.

С приходом его, в первый же день, подул холодный северный ветер и принес с собой свинцовые снеговые тучи. Цепляясь за утесы и вершины сопок, серая завеса неумолимо расползлась по распадкам и к полудню посыпала мелкой колючей крупой, которая вскоре превратилась в бесконечный рой пухлых снежинок. Ветер внезапно стих. Снегопад усилился. Через полчаса затихшие окрестности покрылись белой пеленой.

В этот день Симов поджидал возвращения товарищей. Подготовив для встречи бивуак и пополнив запас топлива, он занялся съемкой кожи с изюбровой головы. Сделав Т-образный надрез между рогов и по всей длине шеи, он завернул полутора-сантиметровой толщины кожу.

Увлеченный работой, Симов не заметил, как на таборе появился Батыр. Он вздрогнул, когда почувствовал на щеке теплый язык собаки. Батыр присел и скромно подал лапу. Симов потряс ее, потянул пса к себе, свалил его на бок, обвалял в снегу.

В снежной завесе показались приближающиеся серые силуэты, а спустя несколько минут старики подошли к бивуаку.

— Здорово живешь! — весело крикнул Рогов. — Ты, значит,

тоже зверя завалил? А мы на всякий случай с Улана лосенка привезли.

Симов помог старикам сбросить залепленные снегом вьюки и стал расседлывать лошадей.

— Стой, паря, нельзя... Застудишь коней, — остановил его Прокоп Ильич. — Пусть остынут под седлами. Конишки ослабели. Беда теперь с ними, пристали они. А тут еще снегу наворотит в колено. Так домой и через неделю не попасть...

— Как так не попасть? — взволновался Симов. — Через два дня машина из города придет за мясом. Отправь ее пустую — майор такую бучу поднимет!..

— А вот, как знаешь. Только ехать нельзя. С овсом бы еще как-нибудь добрались, а без овса — чистая беда. Эвон как кони «штаны» спустили, кулак в промежность войдет, — и старик с жалостью посмотрел на исхудавших коней. — Будь спокоен, майору мы объясним. Переждем дня три, кони отдохнут и солнце сгонит снег на увалах — ну, тогда на ветоши поддержать их сможем. А пока ехать никак нельзя. Угробим коней. Ведь мы в Шепшулте на них сохатого пудов на двадцать пять свезли. Два раза ездили. Вот и гляди теперь...

Пришлось согласиться со стариком. Посоветовавшись, охотники решили попытаться отправить письмо Трохину, который оставался все это время на реке у заездка.

Содрав с балагана кусок бересты, Симов разделил его на три части и на каждой острым черным карандашом написал:

«1 октября. Фока! Находимся на устье Улана. Добыли четырех зверей. Выпал большой снег и кони пристали. Задержи машину. Мясо привезем 5 октября.

Симов».

Свернув куски бересты трубкой и перевязав каждый несколько раз белым шнуром, он бросил письма в Джилу. Легкие свертки, подхваченные быстрым течением, обгоняя друг друга, понеслись вниз по реке и вскоре скрылись за каменистым порогом.

Наступившая осень принесла с собой на заездок много хлопот. Бесконечный поток реки нес огромное количество осыпавшейся листвы и хвои, беспрестанно засоряя заездок. Фока с утра до вечера переворачивал берды и ежечасно вычищал корыто. К концу сентября работы прибавилось еще больше. По ут-

рам шла шуга — снеговые сгустки вперемешку с листьями. Вода поднималась и переливалась через плотину

Второго октября, когда Фока ожидал возвращения товарищей, прибежал на заездок его сынишка с известием о приезде майора в деревню. Фока немедленно запряг в телегу Бурку и, погрузив бочки с рыбой, выехал домой. Там его ждала гроза

Узнав, что охотники еще не вернулись из тайги и мяса нет, майор обрушил на беднягу весь свой гнев. Никакие доводы и предположения о причинах задержки товарищей не могли урезонить начальника. Оставив Симову грозную записку, он в этот же день уехал в Читу

Вернувшись на заездок, Фока снова принялся за работу. Очищая берды от листьев, он заметил берестяную трубку с белым шнуром, достал ее и, развернув бересту, прочитал послание. Восторгу его не было конца. Не медля ни минуты, он вскочил на коня и галопом помчался в Ново-Николаевское, в надежде застать там майора. Но старания его оказались напрасными: машина уже проехала.

Охотники вернулись в деревню спустя три дня. Как предсказывал Рогов, только один Сивка дотащил свой десятипудовый выюк мяса, а обе другие лошади на Макарячинском перевале выбились из сил. Пришлось с них сбросить выюки

Огорченный поспешностью майора, Симов развернул оставленную им записку и вслух прочел:

«За опоздание объявляю вам выговор. Приказываю:

1. Немедленно разгородить заездок. 2. Все мясо вывезти из тайги к 20 октября».

Рогов сокрушенно проворчал:

— В ноябре все это мясо можно сложить на пару саней и рекой по перволедью на двух конях вывезти, а теперь надо десять гнать...

Симов оборвал его:

— Приказ остается приказом. Завтра же ты с Фокой разгородишь заездок.

— Жаль, — продолжал Рогов. — Сейчас рыба полным ходом идет и солить ее не надо. Добра-то сколько упустим

— Это добро сторицей вернется, — возразил Симов. — Смотрю я, изюбров ты беречь научился, а до красной рыбы еще не дошел. Лов рыбы заездком — запрещенный способ. Нам ведь пошли навстречу в силу военного времени. Теперь срок кончился, вот и разгораживай, а то всех тайменей и ленков вчистую изведем.

На другой день, взяв сменных лошадей, Симов и Уваров от-

правились на Макарячинский перевал собирать брошенное там мясо. По дороге они заехали на лужайку, на которой оставался выбившийся из сил Игренька. Конь оказался мертвым.

Охотники сделали в тайгу еще два рейса и перевезли оттуда все мясо. 15 октября, возвращаясь с Шепшулты, они в последний раз слышали ревушего изюбра.

Глава VIII

ТРУДНЫЕ ДНИ

День 7 ноября для Рогова был двойным праздником. Накануне пришло с фронта поздравительное письмо от сына. Григорий Прокопьевич писал:

«Дорогой отец Прокопий Ильич и дорогая мать Дарья Степановна! Поздравляю вас с 27-й годовщиной Октября!

Примите нижайший поклон и наилучшие пожелания от известного вам вашего сына Григория Прокопьевича. Я живу по-прежнему боевой жизнью снайпера. Товарищи и начальники говорят, что воюю хорошо, но мне желательно еще лучше бить ненавистных фашистов. В боевой жизни мне помогает охотничья снайперка. В нарядах я всегда вспоминаю тебя, отец, как ты учил охотиться скрадом, терпеливо караулить и метко бить зверя. За 57 уничтоженных гитлеровцев меня представили к награде, которую вручат в дни Великого Октября.

Как вам известно по сводкам, мы громим фашистов на их земле. Так что наша Родина навсегда очищена от захватчиков. Не за горами то время, когда мы всех гитлеровцев переколотим, и я напишу вам из Берлина.

Вы теперь не горюйте о нас, фронтовиках, не убивайтесь. Все мы скоро воротимся домой с победой. Шлю вам еще раз самые хорошие пожелания.

Ваш сын Г. Рогов».

Симов в пятый раз читал вслух это письмо. Дарья Степановна, прислонившись плечом к русской печке, перебирала в руках вымазанную сажей тряпку и прижимала ее к груди, к подбородку... Глаза ее были полны слез.

— Ну, чего, старая, нюни распустила? Эвон как рожу вывозила, — обратился к ней Прокоп Ильич. — Пишет же... жив-здоров... скоро воротится... — На последнем слове голос его дрогнул. Он отвернулся к окну и, помолчав с минуту, добавил:

— Коням воды бы снесла...

Состояние отца и матери было понятно, так как в начале войны погиб их старший сын Егор. Чтобы не стеснять стариков, лейтенант вышел. Степановна заголосила: «Гришенька... Роденький мой сыночек... надежда моя последняя...» Дверь захлопнулась, и из избы донеслись сдержанные рыдания матери и приглушенная речь отца.

По дороге к конюшне Симову стало как-то не по себе, стыдно и тоскливо.

«Там, на Западе, сейчас идут ожесточенные бои, — размышлял он. — Люди моего возраста ежеминутно рискуют самым дорогим, что есть у человека, — жизнью, кровью своей защищают Родину, а я, молодой, полный сил и энергии, стрелок-радист, хожу по тайге, рыбку ловлю и беззащитных зверей постреливаю...»

Перед ним прошла вереница мрачных фронтовых сводок в первый год Отечественной войны, а затем незабываемые приказы Сталина о разгроме врага под Сталинградом, под Курском, на юге и на севере. Вспомнились и многочисленные рапорты с просьбой отправить на фронт, поданные им разным начальникам, и последняя сердитая резолюция начальника штаба: «На Запад пошлют, когда будет нужно».

— Когда же это будет нужно? — с тоской спросил себя Симов и, встряхнув в сердцах ведрами, направился к калитке.

— Куда? Куда потащился? — прокричал из сеней Рогов. — Вернись сейчас же! Старуху мою позорить пошел? Ты бы еще коромысло взял... Что у нас, бабы нет, что за бабье дело взялся? — продолжал кричать старик.

Из-за его спины выбежала Дарья Степановна. Накинув на ходу платок, она подошла к Симову, выхватила у него ведро и вышла за ворота.

Хозяйственными делами в этот день занималась только Степановна. Приготовив еду и накрыв стол, она пригласила мужчин к обеду. Прокоп Ильич, одетый во все лучшее, что было у него, чувствовал себя очень стесненно: диагональные брюки-галифе давили, как он выражался, «в развилке», а узконосые хромовые сапоги сковывали ноги. Особенно большие неудобства причиняла белая накрахмаленная рубашка: боясь ее запачкать и помять, он неестественно держал руки и голову, поминутно поправляя воротничок и обшлага.

Забираясь за стол под образа, он неуклюже повернулся и рукавом свалил литровую бутылку с водкой. Ее тут же с удивительной ловкостью подхватил Гаврила Данилыч, который имел некоторое пристрастие к спиртным напиткам и потому не сводил с бутылки глаз. За обедом завязался оживленный разговор.

— Я германца знаю, по той войне знаю, — пускаясь в высокую политику, рассказывал Прокоп Ильич. — Заправили у них и тогда лютые были, сущие душегубы. Газами людей травить додумались! А? Ну и хитры, дьяволы! Союзнички-то наши покамест тихо воюют, не шибко стараются. Оно, конечно, союз союзом, а поглядывать за ними нужно. Помню, еще в ту войну говорили, что фабриканты американские сегодня дивизию на фронт против немцев доставляют, а завтра тем же немцам снаряды продают. Вот как! Ради наживы и своих не жалеют! На крови наживаются. Барышники чертовы!..

— А все же капут Гитлеру пришел. Русская смекалка да сила верх взяли! — вставил Гаврила Данилыч.

— Еще не взяли, — возразил Рогов. — Слышал? Сам Сталин сказал, что фашист, как зверь раненый, уползает в берлогу. А раненый зверь, пока не убит, сам знаешь, все одно опасен. Вот будешь писать ответ Грихе, — обратился он к лейтенанту, — так ему и пропиши, что я, отец его родной, наказываю ему, чтобы он боеприпасу не жалел, добивал гадов до конца. Так... и пиши, чтоб домой не возвращался, пока Берлин не возьмут. Воевать так воевать!

С упоминанием имени Григория у Дарьи Степановны поджались губы и дрогнул подбородок. Символично это заметил и поспешил переменить разговор, напомнив о предстоящем выезде на Шепшулту.

— Поедем, поедем! — поддержал Рогов. — Завтра же поставим коней на шипы, сбрую обновим, гужи заменим — и айда в хребет. Теперь, по голощеку, санями Джилой поедем. Ты у Фоки готовность проверь, догляди, чтобы у саней поднатужил

вязья, коня перековал, обутки починил Зимой тайга шутить не любит, а он ведь малость нерадив. За то и оглох. Здоровый был. В тайге зимой в легкой шинельке без огня ночевал, как волк. Все ему сходило. А потом застудил голову, вот и оглох. Я этак не люблю. Свою жизнь в тайге беречь надо, устраивать так, чтобы жилось как дома...

К концу обеда настроение у всех поднялось, и Прокopf Ильич запел свою любимую:

Гусар, на саблю опираясь,
С большою грустию стоял,
Надолго с милой расставаясь,
Он на прощанье ей сказал...

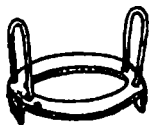
Гаврила Данилыч подтягивал ему сиплым баском.

После праздника охотники подковали лошадей подковами с коническими шипами, обновили сбрую, отремонтировали сани, отточили топоры и ножи. К отъезду наморозили по мешку вареной «в мундире» картошки, починили унты Сковали подковки для ходьбы по льду и по горам.

Через два дня сборы были закончены, и на зеркальную гладь замерзшей реки выехал три возка. Небольшие охотничьи сани, в семьдесят сантиметров шириной и в два метра длиной, имели высокие тридцатисантиметровые копылья. Этим они напоминали грузовые нарты. В каждом возке были аккуратно уложены и увязаны полцентнера сена, мешок с вареным замороженным картофелем, сумы с хлебом и потники. На заднем трохинском возке виднелись из-под сена ручки двух пешней, лопата и поперечная пила.

Впереди ехал Рогов, за ним Уваров с Симовым. Отдохнувшие лошади бежали рысью, пощелкивая по льду подковами. Железные подрезы саней легко скользили, раскатываясь в стороны на крутых поворотах. Следом за санями выскочил на лед Батыр. Широко расставляя ноги и неуклюже кособоча задом, он осторожно перебежал реку и исчез в тальниковой чаще.

Охотники свернули на Джилу. Как всегда, мимо каменного «Бойца» вниз по реке тянул ледяной ветер. Спустя час передний возок остановился перед первой джилинской

Подкова для ходьбы
по горам.

шиверой. Двадцатиградусные морозы еще не успели в этом месте сковать быстрое течение реки. Лишь вдоль левого берега, у обвалившихся каменных глыб, образовался трехметровой ширины ледяной карниз. Рогов со стягом в руке вышел на него и, потоптав ногой, попробовал прочность, затем с силой ударил по ледяной кромке карниза и обвалил тонкую часть. После этого он еще несколько раз постучал в разных местах. Лед оказался достаточно прочным, и он, взяв коня в повод, повел его вперед.

Еще несколько раз приходилось проверять прочность льда на плесах, в которые, видимо, впадали подземные теплые ключи. В таких местах на мелководье, через пятисантиметровый лед было видно, как по дну ходят налимы. Гаврила Данилыч брал топор и с силой ударял обухом по льду над налимом. Оглушенная рыба на минуту цепенела. Старик быстро пробивал прорубь и, засунув в воду руку по локоть, доставал рыбу. Так он добыл с десяток налимов, обеспечив к обеду уху.

По мере приближения к Якушихе, стали встречаться тальцы. Наконец, за последним поворотом, не доезжая до устья этой речки, дорогу преградил тальный омут. Охотники вышли на забок реки и осмотрели препятствие. Свинцово-серая вода в омуте каждую минуту ритмично вскипала, вспучивалась и переливалась мощным потоком от одного берега к другому, постепенно растекаясь на множество струй и воронок. Каждый прилив воды сопровождался нарастающим глухим рокотом. Омут будто дышал.

Правый берег представлял собой отмель, заваленную колодником вперемешку с базальтовыми глыбами, заросшими буйной порослью тальника. На противоположной стороне к омуту подступал вековой лиственничный лес. Замшелые деревья, подмытые быстрым потоком, склонились над водой, опустив в него обледенелые ветви. В воде темнели гладкие отполированные колодины и причудливой формы коряги.

— Вот, лейтенант, рыбы здесь — большие тонны! — сказал Прокоп Ильич. — Метров на двести выше по Джиле есть еще одна такая же ямина. Рыба всю зиму и ходит из этой ямы в ту и обратно. Ежели между ними поставить зимний заездок с двумя встречными мордами, так верняком пару тонн рыбы возьмешь.

Симов укоризненно взглянул на старика:

— Опять за свое берешься, Прокоп Ильич? — спросил он. — Все о заездках мечтаешь?

Старик смутился.

— Я ведь к примеру только, — недовольно проговорил он. —

Здесь останавливаться и расчету нет... Зверя тут нет, зимовья тоже. Мы уж поедем на Шепшулту. Там и зверь, и зимовье, и сено есть. Нам там сподручнее...

Старик подал команду. Все принялись расчищать дорогу по правому берегу. Охотники дружно наваливались на каменные глыбы, сворачивали их в сторону, растаскивали колодник, спиливали вмерзшие в песок бревна, рубили тальниковую чащу.

По расчищенному объезду лошади с большим трудом тащили возки. Сани кренились из стороны в сторону, на ухабах стукались о камни и волочились по земле отводьями.

Пока преодолевали препятствия, наступили сумерки. Охотники выбрали место для ночлега под бором. В затишье, на южной опушке лесного клина, они расчистили от снега площадку, притрусил ее сеном и натянули над ней односкатным шатром брезентовое полотно. Прилегающий к земле край полога подвернули внутрь и разместили на нем сумы с продуктами и кухонную утварь. Разостлали потники, установили таган. Перед брезентовым пологом запылал сибирский зимний костер. Три сухих листовенничных бревна, по три метра длиной, лежали комлями на четвертом бревне — завалке. Противоположные концы верхних бревен были раздвинуты на метр один от другого. Торцовые концы сухих смолевых бревен быстро разгорелись. Пышущий жаром костер давал настолько много тепла, что охотники сидели под брезентовым пологом без шапок и полушубков. Рядом лежал Батыр, вылизывая лапы и выгрызая намерзшие между пальцами ледяшки.

Рогов подгробал в костре уголья, помешивал в котлах уху и кашу. Фока тем временем высыпал в котел с кипящей водой мороженный вареный картофель и тут же вывалил его в снег. Затем он взял одну картофелину в кулак и сдавил. Из под его большого пальца выскочила и упала в котелок обледеневшая картофелина, а оттаявшая кожура осталась в кулаке. «Начистив» в одну минуту полный котелок картошки, Фока вывалил ее в уху и через несколько минут снял с огня готовый суп. Охотники загремели ложками и котелками. Батыр немедленно поднялся и, из вежливости, отошел в сторону — за костер.

На ночь охотники сняли с себя ичиги и, оставшись в шерстяных носках, улеглись под шатром, повернувшись спинами к костру, накрыв грудь и плечи полушубками. Ноги каждого были вытянуты к очагу и согревались теплом тлеющих бревен. Наступившая тишина нарушалась равномерным дыханием и легким похрапыванием утомленных людей да поскрипыванием снега под ногами переминающихся на морозе лошадей.

В полночь комли бревен прогорели. Перегорела и завалка. Осыпавшиеся угли раскрошились и подернулись серым пеплом. У костра сидел на корточках Рогов и раскуривал трубку. Раскурив, он сгреб подшуровкой жар в кучу и бросил на него несколько сухих сучьев. Они вспыхнули ярким пламенем. Заметавшиеся по сторонам тени расступились. Снова под тентом стало тепло и уютно. Старик передвинул завалку и положил на нее тлеющие комли бревен, выдвинув их над прыгающим пламенем костра. Они тут же занялись огнем. После этого он лег на свое место и накрылся полушубком. Только под утро Прокоп Ильич еще раз поднимался и подправлял костер.

Короткий зимний день вынуждал торопиться. Погоня лошадей, охотники вскоре выехали на просторный уланский луг, посреди которого высились два стога. Хорошо сметанные, они стояли ровными коническими шапками и нисколько не покосились от ветра. Вершины их, перетянутые крест-накрест гибкими березовыми ветками, не смогли разнести осенние непогоды. Внутри стогов сено оказалось таким же зеленым и душистым, как в дни косовицы.

Рядом со стогами стояла зеленая копна сырой травы, засоленной, по совету Симова, из расчета полкилограмма соли на центнер травы. Рогов выдернул из копны охапку и поднес лошадям. Они встретили его дружным ржанием, замотали головами и, получив по пучку травы, смачно захрустели, распуская по ветру слюну.

До устья Шепшулты оставалось около десяти километров. Дорогой, оглядывая сопки, старики заметили в полукилометре, на склоне увала, пасущуюся кабаргу. Рогов остановил лошадь и обернулся к Уварову, показывая кнутовищем на зверька.

— Давай дождем Фоку. Он отсюда собьет кабарожку.

Через несколько секунд кабарга встрепелась, подняла голову и застыла на месте. Затем, успокоившись, снова принялась щипать траву. Шли минуты, а возок Фоки все еще не показывался из-за поворота реки.

Наблюдая за зверьком, охотники заметили, как метрах в пятистах от него выскочил на вершину увала Батыр. Он бежал трусой, поминутно меняя направление и принохиваясь к земле. Собака шла по следу и с каждой минутой приближалась к кабарге. Уваров потянулся за винтовкой.

— Обожди, — остановил его Рогов, — поглядим, что будет дальше...

Негромкий голос Прокопа Ильича долетел до кабарги и заставил ее снова насторожиться. В это время из-за кустов показался Батыр. Собака и зверек одновременно заметили друг друга и на мгновение замерли на месте. Затем кабарга стремглав понеслась наискось, вниз по косогору. Делая пятиметровые прыжки, она с поразительной легкостью перелетела через колодины, нагромождения камней и куртины кустарников, напоминая издали бегущего зайца. Следом мчался Батыр. С каждой секундой расстояние между ними увеличивалось. Наконец кабарга скрылась за поворотом. Исчезла за ним и собака.

За этим поворотом по Джиле едва волочился отставший возок. Фока отпустил вожжи и дал коню свободу, а сам примостился поудобнее на сене и задремал.

Лошадь остановилась, Фока очнулся и увидел впереди себя беспомощно барахтающуюся на льду кабаргу. Мгновенно соскочив, он бросился к ней и едва успел добежать, как на реку вихрем вылетел Батыр. Пес мчался с такой быстротой, что на льду лапы его раскатились, и он, свалившись, пролетел на боку с десятков метров. Фока успел накрыть «козочку» полой дохи. Вернувшись к саням, он взобрался на свое место, бережно укутав, посадил на колени кабаргу и рысью погнался за ней. Следом бежал Батыр. Скользя и оступаясь, он едва попевал, забегая с обеих сторон и заглядывая на возок.

Через несколько минут Фока подъехал к товарищам. Из его дохи выглядывала привлекательная мордочка зверька. Буроватая головка, в кулак величиной, с мохнатыми стоячими ушами и влажными выразительными глазами была без свисающих вниз клыков. Ее черные глаза неподвижно смотрели вдаль и будто не видели людей. Только уши поминутно поворачивались из стороны в сторону да вздрагивали губы.

Симов приложил руку к груди животного и почувствовал частое биение сердца; за минуту он насчитал сто пятьдесят ударов. Удивительно подвижные бабки на ногах и острые копытца были невредимы. Фока связал кушаком ножки кабарги попарно, положил ее на возок в сено и, чтобы она не билась, накрыл полшубком. Вскоре охотники забыли про зверька. Только Батыр шел сзади Фокиного возка и не сводил с него глаз.

С приближением к Шепшулте долина Джилы повернула на восток. Живописные утесы и крутые склоны, покрытые сосновым лесом и березовыми перелесками, исчезли. На смену им бесконечной панорамой потянулись невысокие солнечные травянистые увалы и скалистые «сивера» с мрачным обомшелым лиственничным лесом.

На шестидесятом километре в Джилу впадал из глубокой долины поток в три-четыре метра шириной. Это была речка Мосита, устье которой славилось обширной рыбной ямой. Лед в этом месте был тонким, а на слиянии двух речек его вовсе не было. Рискую провалиться, охотники поочередно провели по ледяному карнизу лошадей. Это было последнее препятствие. За ним вскоре показалось зимовье.

Рогов выехал на заботу и подвел коня к дверям избышки. Когда въезжал на берег Трохин, его сани накренились и из них вывалилась в снег связанная кабарожка. Одним прыжком Батыр очутился над ней. Его крепкие челюсти мгновенно сдавили горло маленького животного. Трохин вскрикнул и бросился с кнутом, но пес ловко увернулся и отскочил в кусты. В снегу, вздрагивая всем телом, осталась лежать кабарожка с беспомощно запрокинутой назад головкой. Из уха ее показалась алая струйка крови, в ноздрях запенились розовые пузырьки. Открытые глаза у «козочки» по-прежнему печально смотрели вдаль. Через несколько минут сердце ее остановилось.

Фока припал к ней. Его широко раскрытые глаза были полны слез. Симов, также расстроенный гибелью кабарожки, с удивлением смотрел на Фоку — на охотника, который перестрелял сотни зверей. Ему казалось непостижимым сочетание в этом человеке чувства жалости к животным с безграничной охотничьей страстью.

Зимовье на Шепшулте оказалось недостроенным и крайне примитивным. Низенький бревенчатый сруб без окон, кое-как покрытый накатником, зиял пустым дверным отверстием. Посреди земляного пола возвышалось место для очага, над которым виднелось пробитое в потолке дымовое отверстие. Оно же служило и окном. Вот и все устройство...

Осмотрев это неказистое жилье, охотники тотчас взялись за дело. Из предусмотрительно захваченных с собой четырех досок они сбили двери и навесили их, затем перестлали крышу, вдоль стен устроили узкие нары из жердей, заготовили дрова. С луга привезли сено.

К вечеру хижина была оборудована, и на очаге запылал костер. Густой дым заполнил все помещение, дышать стало нечем, глаза слезились. Все выскочили наружу. Через полчаса, когда воздух нагрелся, дым ровным столбиком поднялся вверх и повалил в потолочное отверстие. В зимовье стало тепло и уютно.

Костер светло разгорелся, воздух очистился. Охотники забрались в хижину и после сытного ужина с наслаждением растянулись на нарах.

На следующий день все разошлись на промысел. Трохин еще в темноте отправился вверх по долине Шепшулты разведывать лосей. Следом за ним вышел Уваров. Он намеревался в этот день белковать в сосняках. Рогов и Симов направились в долину речки Моситой ставить западни-кряжи на кабаргу. Шли молча.

Скоро охотники свернули в долину Моситой и поднялись по ее юго-восточному склону. Глубокое безмолвие царило в лесу. Неожиданно где-то вверху раздалось странное, продолжительное шипенье. Казалось, будто рядом снизился табунок гоголей. Симов с удивлением поднял голову, осмотрелся по сторонам и вопросительно взглянул на Рогова. Старик улыбнулся.

— Это кабарожка пышкает, — пояснил он.

По лесу снова пронеслось шипение. Оба охотника замерли, всматриваясь в заросли и завалы валежника. Наконец метрах в семидесяти, среди деревьев и камней, Симов заметил головку и полосатую грудку кабарги. Он мгновенно вскинул винтовку и выстрелил. Головка исчезла.

Охотник бросился вверх по косогору. Пробираясь в чаще и перелезая через колодины, он с большим трудом выбрался на скалистый бугор, где стояла кабарга. Зверька там уже не было. Ямки в снегу, пробитые четырьмя поставленными вместе копытцами, виднелись через каждые 3—4 метра: таковы были прыжки уходившей кабарги. Нигде не было видно ни капли крови.

— Ну, как? Есть? — прокричал снизу Рогов.

— Нет, несъедобная оказалась! — пошутил Симов над своим промахом.

— Поди, свысил? — снова донеслось снизу. Симов осмотрел ближайшие колодины и стволы деревьев. Действительно, при стрельбе вверх винтовка высила. Засевшая в колодине пуля пролетела над головой зверька.

На выстрел прибежал Батыр. Почувяв кабаргу, он принялся к ямкам в снегу и, определив направление, помчался вдогонку. Тем временем Рогов обошел скалистый завал и выбрался к вершине косогора. Ловко минуя препятствия, он за несколько минут поднялся гораздо выше Симова и вскоре скрылся из глаз. В наступившей тишине, где-то вверху, за косогором, раздавался лай собаки, загнавшей кабаргу на «отстой».

Наконец ветер донес сухой треск выстрела. Поднявшись наверх, Симов отыскал Прокопа Ильича по следу. Старик отдыхал в затишье, под небольшим утесом, служившим кабарге отстоем. Рядом сидел Батыр, в снегу лежала убитая кабарга. С верхней челюсти животного свешивались вниз пятисантиметровые клыки. Это был крупный, десятикилограммовый самец, почти вдвое больше молодой кабарги-самочки, пойманной в пути Трохиным.

— Хороший струйник, — заметил Прокоп Ильич, показывая вырезанную «пупку» — ценную мускусную железу. Симов с интересом взял кусочек шкурки, внутри которой перекатывался твердый комочек железы, величиной в половину куриного яйца.

— Заготовителям в Чите продам, — продолжал Рогов. — Лекарственная вещь... Ишь, как от нее аптекой несет! — Симов понюхал. Действительно, железа напоминала запахом смесь каких-то медикаментов.

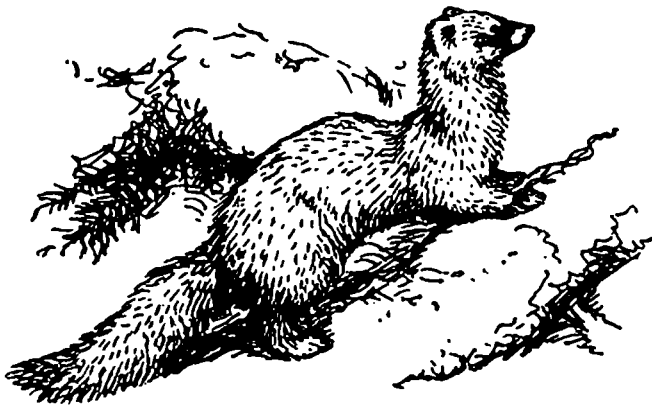
Рогов бережно взял «струйку», завернул ее в платок и спрятал за пазухой. Затем он связал попарно ноги животного и закинул тушку за спину.

— Вот придем в зимовье, шашлык поджарим. Вкуснее кабаржьего мяса сейчас не найдешь! — Старик так аппетитно причмокнул, что Симову нестерпимо захотелось есть.

За вершиной, вниз по северному склону, тянулась полутораклометровая засека шириной в два десятка кряжей Лиственницы, подрубленные на высоте метра, были повалены одна на другую и представляли собой сплошную изгородь из стволов и переплетенных ветвей. Через каждые пятьдесят-семьдесят метров в изгороди были проделаны двухметровые ворота, перегороденные западней. — приподнятым и настороженным бревном, которое придавливает проходящую под ним кабаргу. Эти опадные самолеты убивают и телят, и самок. Поэтому в местах, где кабарог мало, кряжи применять нельзя. Хорошо зная на практике истребительную силу этих самолотов, Прокоп Ильич охотно согласился с Симовым не настораживать эти самолеты. Оставив засеку в покое, товарищи вернулись в зимовье.

За дверью хижины зарычал Батыр. Охотники прислушались. Снаружи, в морозной тишине, послышался скрип размеренных шагов. Вскоре с клубами морозного пара в зимовье ввалился огромный Уваров. Сразу в помещении стало тесно. Старик не спеша разобрался, раскурил трубку и коротко сообщил:

— Следов лосей не видать. Белка малость есть. Десяток до-

Колонок.

был. С полсотни плашек поднял. Дорогой наследили колонки... Вблизи сайбы их штук пять живет. Я подходил к ней. Она в порядке, прогрызов нет, мясо цело.

Он достал из мешка десять беличьих шкурок, вывернутых мехом наружу и свернутых в комочки. Те, которые имели сильные прострелы и кровоподтеки, были внутри, со стороны мездры, набиты снегом. Снег впитал кровь, отчего кровоподтеки исчезли. Гаврила Данилыч вывернул шкурки мехом внутрь, нанизал их глазными отверстиями на тонкий ремешок и повесил для просушки в стороне от очага.

За дверью снова проворчал Батыр. Через несколько минут в зимовье вошел Фока. Брови, ресницы и небритое лицо его были покрыты инеем и искрились при свете костра. Фока обтерся рукавом, раскурил трубку и мрачно махнул рукой. Рассказывать ему было нечего. За весь день он не встретил ни одного свежего лосиного следа.

На поиски лося решил отправиться Рогов. Следующим утром, еще затемно, он ушел с зимовья вверх по Джиле. За ним увязался Батыр. К рассвету старик дошел до устья Барун-Джилы. В этом месте долина Джилы разошлась на две пади. Рогов выбрал левую. По ней он прошел еще 15 километров и, не встретив лосиного следа, присел на колодине отдохнуть. Не спеша, он осмотрел окрестности.

Батыр исчез. Прошло полчаса, а пес не показывался. Рогов

вслушивался. Приставив к ушам руки, он, наконец, уловил отдаленный лай, доносившийся с верховьев речки.

Пробежав километр, Рогов снова прислушался. В заоченном лесу царил тишина. Охотник двинулся было дальше, но вдруг увидел огромного лося, мелькающего в ерниковой чаще. Размашистой рысью рогач выбежал на берег реки. Заметив охотника, он мгновенно остановился. Тут же из кустов вывернулся Батыр, забежал наперед и яростно залаял. Прогредел выстрел. Просвистевшая над кустарником пуля глухо ударила быка в грудь. Он повернулся и бросился назад своим следом. Рогов выстрелил вдогонку еще два раза. Лось, далеко выкидывая ноги, удалялся и вскоре скрылся за поворотом.

На месте ранения животного шерсти и крови не оказалось. Это значило, что рана не сквозная и пуля глубоко засела в туше. Пройдя по следу, Рогов обнаружил на снегу алые капли. С каждым десятком шагов количество кровавых капель увеличивалось. Рогов торопился, ожидая за каждым поворотом увидеть лесного гиганта. Но следы его ровной рыси тянулись километрами. Лось продолжал идти без остановки.

На крутом повороте к берегу реки подступили обомшелые утесы. Старый бык предвидел это препятствие и на предательский скользкий лед не вышел, а круто отвернул и, не сбавляя хода, пошел вверх к водоразделу.

Охотник продолжал погоню. Напрягая силы, он крутым склоном поднялся на седловину. Следы лося и Батыра перевалили через нее и вели вниз.

На перевале Рогов нерешительно остановился и оглянулся назад, на знакомую падь Барун-Джилы. Переведя взгляд вперед, он увидел перед собой безграничные дали неизвестной ему тайги, раскинувшейся по долинам притоков Онона.

Колебание длилось недолго, и он рысью сбежал вниз. Следы привели к заваленному колодником руслу ключа. Нагромождение стволов затрудняло преследование. Сгустились сумерки, а следы лося и собаки все продолжали уходить вперед. Только наступившая темнота заставила прервать погоню. Старик присел на колодину и почувствовал, что силы его иссякли. С трудом он встал, выбрался на припойменную террасу «залавок» и отыскал в густом сосняке удобную площадку для ночлега.

Разметав снег, он поставил из веток заслон в виде плетня. Перед ним сделал постель, высоко настлав крупного лапника, а сверху — сухой травы. Со старой гари он притащил с десятка сухих обуглившихся колодин и развел сибирский костер. Непре-

одолимая усталость сразу овладела им, и он свалился в мертвецком сне.

С рассветом Рогов покинул стоянку. Через десять километров ключ вывел его к речке Урею. Здесь лось выбежал на лед и, судя по пятнам крови, упал. Но его нигде не было видно! Исчезли и следы...

Присматриваясь к мазкам крови, старик обнаружил на льду едва заметные следы санных полозьев и конских подков. Это открытие заставило осторожного охотника выйти повыше на берег и осмотреть окрестности; на юг бесконечной чередой уходили безжизненные однообразные склоны незнакомой долины. Нигде ни дымка...

У поворота реки старик обследовал снежный надув и обнаружил на нем следы саней, двух человек и Батыра. Он позвал собаку. Выстрелил. Застывшие окрестности ответили ему эхом. Тревога и тоска охватили его. Он внезапно ослабел и беспомощно опустился в снег.

Выехав с зимовья и поднявшись вверх по Шепшулте километров на десять, Уваров с Симовым свернули в ключ, где стояла сайба — хранилище мяса.

В лиственничном острове, в полутора метрах над землей, возвышался продолговатый трехметровый сруб. Стены его и пол были плотно сложены из добротных двадцатисантиметровых бревен. Потолок покрыт накатником. Поверх сайбы, одна навстречу другой, лежали, удерживаясь на пнях, две вековые лиственницы. Деревья многотонным грузом придавили крышу амбара, сделав его недоступным даже медведю.

Уваров срубил державшиеся на пнях стволы, свалил их на землю и разобрал сверху накатник. Внутри сайбы стояли наклонно прислоненные к стенам части лосиной туши. Благодаря этому куски мяса не примерзли к бревнам и не смерзлись между собой. Охотники легко извлекли их из амбара и погрузили в сани.

Оставив внутри сайбы для привады лосиную голову, старик прорубил в боковой стенке небольшой лаз для колонков и перед ним установил самый маленький, «нулевой», тарелочный капкан. Рядом с сайбой Уваров пристроил кулемку на колонка: сначала он сделал дворик, огородив полуметровым частоколом квадратную площадку в 30 на 30 сантиметров; в одной стороне частокола он оставил проход в 20 сантиметров, поперек которого поло-

жил бревенчатый порог в руку толщиной, а на него — двухметровое бревно, служившее гнетом.

С рогульки сторожевого кола свисал на крепкой нитке сторожок. При настораживании его заводили одним концом под бревно, другим — в зарубку насторожки. Для приманки Уваров отрубил кусочек мяса и бросил его внутрь дворика.

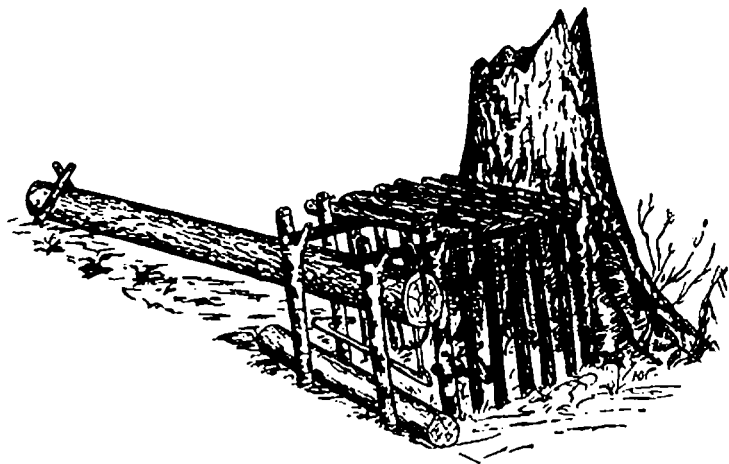
На этом охотники расстались. Уваров поехал с мясом к зимовью, а Симов отправился вчерашним следом проверить поставленные им кулемки и капканы.

Первая кулемка стояла среди нагромождения камней и колодника, где обычно водились колонки. Ловушка оказалась спущенной, а кругом нее были разметаны перья сойки. Птица первая посетила и попалась в самолов. Затем приходил колонок, который вытащил из ловушки мясо и растерзал задавленную сойку. Симов снова насторожил кулемку и положил во дворик остатки птицы. Можно было не сомневаться, что в эту же ночь придет колонок.

Сайба для хранения мяса.

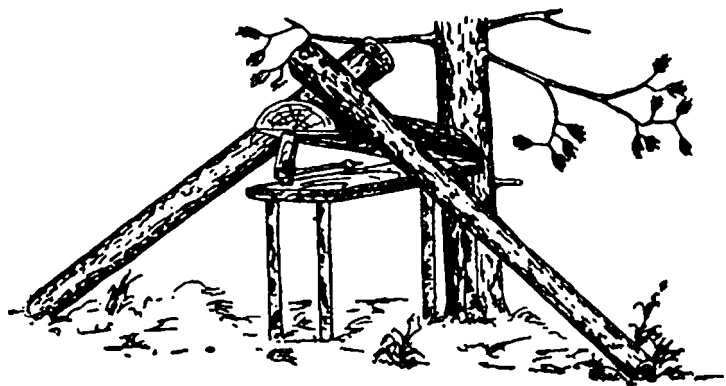
Отсюда к зимовью тянулся путик — охотничья тропа — с поставленными по ней через каждые сто метров плашками — ловушками на белок. Одна из ближайших также была спущена. К плоской плахе, укрепленной на четырех кольях на высоте полуметра над землей, привалилось наполовину отесанное бревно и придавило белку. Симов вытащил зверька и части насторожки. Досочки сторожка он сложил вместе так, что одна своей торцо-

Кулемка на колонка.

вой частью упиралась в зарубку другой. Концы их он зацепил зарубкой на насторожке и поставил распором в передней части самолова, между плахой и гнетом.

Подправляя на свободном конце насторожки надетый для

Плашка на белку.

приманки гриб, Симов обратил внимание на своеобразное устройство гнета: с нижней плоской стороны бревно имело корытообразное углубление шириной в 30 сантиметров и глубиной в 3 сантиметра. Благодаря этому плашка плотно накрывала попавшего зверька и тем самым предохраняла его от лесных хищников.

Обследовав тридцать ловушек, охотник обнаружил в них только двух белок. Раздосадованный неудачей, он свернул с тропы в лес и сразу обнаружил беличий след. Один из отпечатков он взял из снега на руку. Следочек и окружающий его снег сразу развалились: это был верный признак свежего следа пятнадцатиминутной давности.

Белка шла к лесной опушке размашистыми прыжками в шестьдесят-семьдесят сантиметров. Продвигаясь по следу и прислушиваясь, Симов уловил легкий шорох. Маскируясь густыми деревьями, он стал бесшумно приближаться к зверьку. На краю небольшой полянки стояла тридцатиметровая ель. Под ней на снегу валялись чешуйки и черенки шишек. С вершины ели, вертясь на легком ветерке, летели крылатки еловых семян. Стучаясь о ветки, падали чешуйки. Одна из веток droгнула и по ней на край выбежала белка. Зверек срезал шишку, подправил ее в зубах передними лапками и мгновенно юркнул назад в гущу веток. Симов внимательно присмотрелся к кроне и увидел у ствола серую спинку, а над ней пушистый хвост. После выстрела с дерева упала шишка, а за ней — белка. Так, по следу и «на подслух», охотнику удалось добыть за день еще десяток зверьков.

Под вечер белки перестали жировать. По пути к зимовью встретился беличий след. Зверек бежал напрямик короткими прыжками и широко расставлял задние лапки. Это указывало на то, что зверек сыт и идет к себе в гнездо-гайно. Скоро попался более растянутый след. Поддев снизу рукой, его удалось целиком вынуть из снега. Такой прочный «стульчик» характеризовал утренний след. Выйдя по нему на опушку, Симов осмотрел густые ели и в затишье за скалой заметил на одной из них беличье гнездо. Подойдя к дереву, он постучал по нему палкой. Зверек затаился в своем убежище. Тогда пришлось срубить жердь и ударить ею высоко по стволу. В то же мгновение с боку гнезда показалась белка.

Долгое отсутствие Рогова беспокоило Симова. Товарищи успокаивали его, рассказывали случаи, когда им приходилось по две-три ночи проводить в тайге, преследуя раненого зверя. Все же на другой день Симов отправился вверх по Джиле.

Полдня шел он следом Рогова — до ерников на Барун-Джи-

ле. Увидев здесь лосиный след и пятна крови, он успокоился и повернул назад. Дорогой его внимание привлекли свежие следы кабарги и росوماхи. Они вскоре привели его к невысокому скалистому утесу, под которым только что разыгралась кровавая драма, историю которой удалось прочитать по следам.

Кабарга выбежала на утес и, спрыгнув на каменистый уступ, встала на отстой. Росوماха бросилась на нее сверху, сбила с отстоя и вместе с ней свалилась с пятиметровой высоты в снег. Задушив жертву, хищник унес ее в чашу. Кровь на снегу не успела еще замерзнуть.

Охотник поднялся на гриву, осмотрел окрестности и увидел поднимающуюся по косогору росوماху. Голова ее была высоко поднята, в зубах она держала кабаргу. Ноги и голова «козочки», беспомощно болтались и бороздили снег.

Лейтенант поставил сошки под винтовку и выстрелил. Пуля чиркнула по снегу сзади зверя. Росوماха, продолжая тащить кабаргу, перешла с шага на рысь и скрылась в зарослях молодых сосен. Едва переводя дыхание, в расстегнутом полушубке, с ушанкой на затылке, Симов побегал вдогонку. Росوماха шла рысью. На протяжении километрового подъема она дважды ложилась отдыхать, но с приближением человека поднималась и уносила с собой добычу. Затем росوماха перевалила на северный склон и пошла под гору без остановок.

Убедившись в бесполезности погони, охотник повернул назад и к вечеру едва добрал до зимовья.

Гаврила Данилыч и Фока уже успели наварить ведро кабарожьего супа и ожидали товарищей.

Рогов вернулся среди ночи. Едва передвигая ногами, он с трудом перешагнул через порог и повалился на нары. На него страшно было смотреть: щеки и виски ввалились, скулы выступили вперед. На пепельно-сером лице темнели иссиня-черные губы.

Фока пристально посмотрел на его руки и, не обнаружив между пальцев и на когтях запекшейся крови животного, повторил, как это бывает у глухих, вслух свои мысли:

— Значит, не догнал. Два дня за зря пропутался...

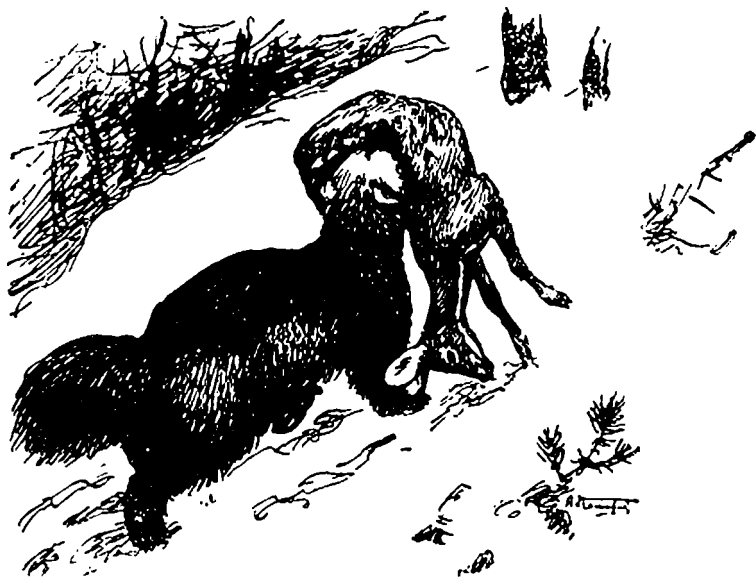
— Не догнал... Это еще полбеды... — хрипло ответил Рогов. — Двое акшинских перехватили быка и собаку увели!

Успокоившись, старик обстоятельно рассказал о случившемся.

— Так, двое, говоришь, были? — переспросил Фока. Прокроп Ильич утвердительно кивнул.

— Завтра же надо вдвоем выходить воров искать.

Товарищи поддержали Фоку. Однако Рогов возразил:

— Что они лося взяли, так черт с ним... Еще добудем. А собака проводит их и сама воротится.

— На сворке держать ее будут — так не скоро воротится...

— Все одно, когда-нибудь спустят, вот и вернется. Хоть на край света уведи ее — все равно придет! — уверял Рогов.

Общим советом решили с неделю подождать. Если собака за это время не придет, Симов отправит телеграмму военному коменданту в Акшу.

Утром снова завязался разговор об акшинских похитителях. Однако охотники ничего нового не придумали и разошлись по распадкам на охоту. В зимовье остался Рогов. Длительная погоня, двухдневная голодовка, потеря верного помощника и тяжелая обида так измотали старика, что он почти трое суток спал.

В последней трети ноября установилась холодная, ясная погода. Морозы доходили до сорока градусов. От холода трещал лед на реке, в лесу ему вторили деревья. Заледеневший снег хрустел под ногами, как битое стекло, и не давал возможности подойти к лосям на выстрел. «Работали», как выражались старики,

лишь плашки да кулемки. За время пребывания на Шепшулте охотники добыли больше сотни белок, десятков колонков и столько же кабарог да наловили 200 килограммов рыбы. Сентябрьское и свежее мясо, а также рыбу подготовили для отправки в город. Вывезти эти трофеи домой, в Ключи, вызвался Уваров.

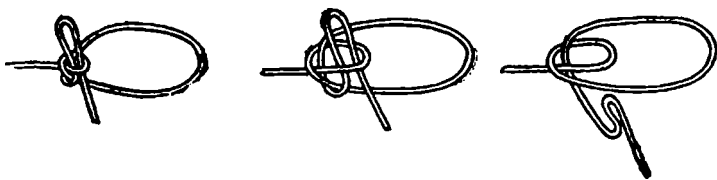
По русскому обычаю, перед его отъездом все присели и на минуту затихли. Первым встал самый молодой. Прощаясь с Уваровым, Симов передал ему текст телеграммы акшинскому военному коменданту и письма начальству, матери, друзьям.

Почувяв, что идет домой, Карька бодро вышел на реку и, слегка натужившись, потащил тяжелые сани. Вскоре зимовье скрылось за поворотом. Гаврила Данилыч потеплее завернулся в потертую козью дошку и прилег на мешки с рыбой. Перед ним поползли сотни раз виденные косогоры, утесы, лесные картины.

На устье Моситы старик повел коня под уздцы по ледяному карнизу над омутом. Неожиданно лед треснул и, не выдержав тяжести лошади и груженых саней, обрушился в воду. Перепуганное животное рванулось к берегу. Старик мгновенно захлестнул ременный повод за прибрежный пенек и затянул его надежным монгольским узлом. Затем выхватил нож и перерезал гужи и чересседельник. Оглобли упали в воду. Почувствовав свободу, Карька попытался выбраться на берег, но от его усилий обвалившаяся ледяная глыба поползла в глубь омута. Натянув повод, несчастный конь опустил по грудь в воду и затих. Рядом с ним торчали из воды затонувшие передком сани.

Уваров замотал конец вожжей за сани и ближайший пенек и попробовал помочь коню. Но при малейшем движении льдина уходила вглубь, а вместе с ней погружалась и лошадь. В отчаянии от своего бессилия, старик побежал за товарищами.

Первым к месту происшествия примчался Фока. Голова и грудь Карьки были уже под водой. Льдина из-под его ног вы-

Монгольский узел.

вернулась и, потеряв опору, конь погрузился в воду и захлебнулся. Уже ничем нельзя было помочь.

Беда огорошила всех и больше всего Уварова. Старик укорял и ругал себя на все лады. Он сокрушался о гибели коня, подсчитывал убытки бригады. Товарищи, как могли, утешали и ободряли его, но все это помогало мало. С убитым видом, сгорбившись, старик сидел на льду.

Потом он встал, подошел к пню, за который был привязан повод затонувшего коня, и дернул его за конец. Монгольский узел мгновенно развязался, ремешок натянулся и захлестнул руку охотника.

Быстрый поток потащил коня вдоль берега, а вместе с ним и человека. Он отчаянно закричал. К счастью, обледеневший конец повода выскользнул, и труп лошади, нырнув в водовороте, исчез подо льдом. Обвалившаяся льдина развернулась, углом задела полузатонувшие сани и стала их теснить от берега в омут. Новая опасность подхлестнула охотников. Оттолкнув льдину, они попытались вытащить сани наверх, но неудачно. Пришлось привести лошадей. Только с их помощью удалось выволочь затонувшие сани на берег.

Наступило полнолуние, а вместе с ним и переменялась погода. По Джиле подул резкий ветер. Посыпалась колючая крупа, а за ней — мелкий плотный снег, который валил до следующего дня. Такая погода благоприятствовала охоте на лосей с подхода. С утра Симов отправился попытать счастья и на устье Ула-на встретил свежие следы зверей.

Глубокие отпечатки слегка припорошило и задуло снежком. По лункам в снегу, с одинаковыми поволокой и выволокой, нельзя было определить, в какую сторону ушли олени. Пришлось припомнить опыт старых охотников, которые в таких случаях определяют направление по веточкам, торчащим из снега на линии следов; животные задевают их и отклоняют вперед по движению, отчего на снегу остаются черточки и вмятины.

По следу Симов перешел на правый берег реки, затем поднялся по косогору, перевалил через сопку и направился в широкую падь со старой гарью.

На косогоре следы подвели к причудливой коряжистой валежине. Поваленная огнем вековая сосна как бы приподнималась над землей на корявых ветках и сучках. Обгоревшая вершина ее терялась в подрастающих сосенках и оканчивалась бурым пятном.

Присматриваясь к подозрительному месту, Симов сделал шаг

в сторону. Бурая тень мгновенно поднялась. Это был полугодовалый изюбр-теленек. Расстояние между ним и охотником не превышало тридцати метров.

Олененок пристально смотрел на охотника. Толстый ствол сосны закрывал человека до плеч, и молодой зверь не признал в нем своего опасного врага. Так разглядывали они друг друга несколько минут. Симов неловко повернулся. Из-под локтя вывалились деревянные сошки и ударили по стволу винтовки.

В одно мгновение, как отпущенные пружины, вылетели из чащи старый рогач и за ним пять коров с двумя телятами. Высоко подняв голову, бык сделал несколько коротких прыжков, распушил серо-желтое «зеркальце», посыпал черными «орешками» и помчался в гору, гордо неся свои рога. Следом за ним скакали остальные.

...После снегопада установилась ясная морозная погода. По ночам в высоком небе мерцали холодным блеском звезды. Высоко поднималась полная луна. Днем холодно светило едва поднимавшееся над сопками солнце. Мороз с каждым днем усиливался. Лед на плесах коробился и напоззал на берег. Река стояла днем и ночью. В тайге трещали деревья.

Изо дня в день охотники возвращались с пустыми руками.

Наступившие холода сковали льдом омут у Моситой. Перемерз до дна и джилинский перекат. Вода выступила из-под мерзого льда, пропитала снег и поднялась на полметра. Над ре-

кой встал густой туман; прибрежные кусты и деревья покрылись белым кружевом.

За три дня мороз сковал выступившую воду. Образовалась пятисантиметровая наледь.

В этот день старики в последний раз обошли и рассторожили самоловы.

Обратный путь был трудным, так как Джила еще не «прокипела». Русло ее засыпало глубоким снегом. В кривунах надуло метровые сугробы. Лошади с трудом волочили груженные сани.

На второй день пути у устья Улана дорогу преградила свежая наледь. Тонкий лед под тяжестью саней ломался, лошади проваливались по брюхо в воду. Охотникам приходилось проводить их под уздцы бродом.

Перемокшие люди и лошади коченели на сильном морозе. Пришлось выбраться на берег и переждать два дня, пока наледь хорошо промерзла и стала держать лошадей и везы.

Измученная бригада вернулась в деревню только на пятый день после выезда. Симов немедленно отправил телеграмму в Акшу и вызвал из Читы машину.

Глава IX

В ЗИМНЕЙ ТАЙГЕ

До нового года оставалось две недели. Однако никто из охотников и не помышлял о выезде в тайгу. Последние неудачи и сильные морозы охладили их пыл. Старики отсиживались дома и занимались шорной работой, готовя Уварову новую упряжь для коня, взамен утонувшей. Фока помогал им.

Охотой занимался только Симов. За три дня он выследил в окрестностях деревни с десяток косульих табунков, а по речке Смирняге отыскал кабана с двумя свиньями. Но звонкий подмерзший наст не позволял охотнику подойти к животным на выстрел, и он каждый раз возвращался ни с чем.

На четвертый день скитаний Симов вернулся домой ночью. К удивлению, старики еще не спали и радостно приветствовали его приход.

— Ну, паря, наконец-то дождались тебя! Гляди, ответная телеграмма пришла... Батыра сыскали! Только с ним что-то случилось, — сообщил Рогов и подал лейтенанту телеграмму.

Военный комендант Акши сообщал: «Лося и собака лайка белой масти клички Батыр найдены и конфискованы охотников поселка Онкоек. Телеграфируйте решение дальнейших действий».

— Ничего с ним не случилось. Все в порядке...

— А конфискованы — это что значит?..

— А то, что Батыра у воров отобрали.

Рогов было просиял, а затем с сомнением проговорил:

— А отдадут-то мне Батыра? Да и как его приведешь отсюда? Путь ведь не близкий...

Симов горячо перебил его:

— Надо срочно ехать за собакой. Собирайся, Прокоп Ильич, в дорогу. С автомашиной отвезешь в Читу рыбу и мясо, а потом на автобусе махнешь в Акшу. Лося там сдашь в гарнизонную столовую, а собаку привезешь.

— Как? С собакой в автобусе?

— А что ты удивился?

Рогов задумался.

— Долго ездить придется, — ответил он. — Думаю, лучше послать телеграмму, чтоб Батыра в Урейскую падь свели и пустили в тайгу. Он, паря, сам придет! Ему полтора ста километров — на день работы.

— А не боишься, что заблудится, или еще что с ним случится? — спросил Симов. — Ведь снегу подвалило... Морозы крепкие стали.

— Чего с ним случится? Волков в тайге нет, россомаха с ним не вступится. Людей на пути тоже не встретит. Ну, а ежели закружит, так грош ему цена! Я и так на него осерчал, что в чужие руки дался. Другой бы кобель чужих и близко к сохотому не допустил...

С каждой фразой речь Рогова становилась громче, слова резче. Прокоп Ильич волновался.

— Вот и пускай свою вину искупает, — продолжал он. — Воротится сам — так прощу. А автобусом за ним нипочем не поеду...

Лейтенант выслушал Рогова, сел за стол и составил телеграмму: «Лося передайте гарнизонную столовую. Собаку отведите Урейскую падь десятью километрами выше Онкоека пустите тайгу. Исполнение проверьте лично». Прочитав текст, он подал послание Рогову.

— Вали завтра, отправляй сам, может быть, за ночь или дорогой еще передумаешь...

Инициатива перешла к Дарье Степановне. В одно мгновение со стола исчезла бумага и чернильница и на их месте появились чистая клеенка и на подносе шумящий самовар. Миски с супом и с картофельными лепешками окружили хороводом фаянсовую тарелку с пирамидкой аккуратных небольших кусочков черного хлеба, нарезанного по-городскому.

Уваров сел за стол и, остерегаясь насмешек, тайком осенил свой живот подобием креста. Симов заметил это и улыбнулся, так как знал, что Рогов, будучи яростным безбожником и отчаянным богохульником, не замедлил бы подшутить над своим приятелем.

Пока Рогов ездил на почту, остальные готовились к охоте на косуль загоном. Уваров проверял исправность двухствольных ружей и выбирал нераздутые латунные гильзы двенадцатого калибра с хорошо сохранившимися наковальнями. Фока счищал с них нагар и чистил запальные отверстия. Во избежание осечек и затяжных выстрелов, он насыпал в гнездо под капсюль по десять-двадцать крупинок черного пороха и осторожно забивал капсюль молоточком.

На другом краешке стола Симов отвечивал на маленьких весах по два с четвертью грамма бездымного пороха, засыпал его в гильзы, и, накрыв картонной прокладкой и осаленным войлочным пыжом, «запыжевывал» заряд навойником, слегка надавливая на него рукой. Поверх войлочного пыжа он клал в четыре ряда по семь картечин, согласованную для двенадцатого калибра 5,5 мм дробь № 6-0, все это запыжевал пробкой.

Дождавшись Рогова, охотники отправились в тайгу.

Местом для загона косуль была выбрана Тележная падь, устье которой выходило к Джиле. Отсюда на юго-запад тянулась узкая неглубокая долина пересохшего ключа. Ее солнечный оголенный склон был крутым, а противоположный — пологим, с редким березняком и зарослями багульника. Фока отправился загонщиком в устье пади, а остальные вышли на середину долины, в редкий березняк. Здесь они расположились поперек склона «на номерах», в семидесяти метрах друг от друга. Охота началась.

Фока вошел в лес и обнаружил следы восьми косуль. Следы вывели его на небольшую поляну, где на опушке чернели восемь лежек. Косули разрыли снег до грунта и, в отличие от лосей и изюбров, ложились не в снег, а на голую землю.

Охотник всматривался в чашу, но поднятый им табунок был уже далеко. Осторожные животные проскакали с километр и пошли шагом, приближаясь к охотникам, затаившимся «на мерах».

В табуне было пять взрослых косуль и три теленка. Гураны уже потеряли рога и издали ничем не отличались от самок. Не доходя полсотни шагов до сидевшего в косогоре Рогова, табунок остановился. В морозной тишине донеслись поскрипывающие на снегу шаги Трохина. Старая косуля насторожила в его сторону уши, затем опустила голову к земле и, как бы приносиваясь, быстро пошла вперед. За ней двинулись остальные.

Гулко прогремел выстрел Рогова. Передняя косуля упала набок, забила ногами. Весь табунок отскочил в сторону. Старые животные застыли на месте. Среди них метались телята.

Рогов снова выстрелил. Упал крупный задний гуран. Табунок бросился вверх по косогору, мимо Симова. Он вскинул ружье и выстрелил два раза. Одна косуля забочила, свалилась, остальные круто отвернули и помчались в главный лесной массив. Выше по Тележной охотники сделали второй загон и взяли еще пару косуль. Охотясь загонем, бригада добыла за неделю два десятка животных, заготовив, таким образом, около полтонны мяса. Последний день охоты был неудачным. Симов и Уваров безбожно «мазали». Бригада возвращалась без трофеев. Все были сердиты и недовольны друг другом. Но дома их ждала радость: едва они распахнули калитку, как навстречу выбежал Батыр. Кто обрадовался больше — трудно было решить. Батыр повизгивал от радости, припадал к земле, терся о ноги хозяина. Охотники наперебой ласкали его, трепали за мохнатый загривок. Неудачи дня забылись, наступило полное примирение, и весь вечер был посвящен разным удивительным историям о собаках — верных и умных друзьях охотника.

С выездом из Ключей торопились, так как бригаде предстояло добыть десять лосей, затем отстрелять двадцать соболей и, пока стояли сильные морозы, провести учет этих ценных зверьков в Улурийском гольце и в долинах рек Есинды и Инды.

Новый год охотники встречали в тайге. Уваров и Симов — на Ушмуне в калашниковском зимовье, а Рогов с Трохиным — на Улане.

Обосновавшись в зимовье, Симов с Уваровым насторожили кулемки, срубленные еще летом, и расставили капканы на собо-

лей. Закончив с этим, они отправились за лосьями вверх по Ушмуну, на устья Сохатихи и Есинды. При впадении этих рек Ушмунская долина широко разошлась. Образовавшийся здесь необъятный луг зарос карликовой ивой.

Едва Уваров сошел с ледяного русла прокипевшего Ушмуна и поднялся на забочку реки, как увидел в километре от себя паствующих на заснеженном лугу трех лосей. Охотники попытались обойти их с двух сторон. Однако осторожные животные, заметив людей, ушли в заросли и скрылись в лиственничной чаще.

Преследуя лосей, Симов заметил на снегу следы соболей. Чем дальше продвигался он вверх по реке, тем их количество увеличивалось.

Вскоре он вышел на охотничий «путик», на котором через каждые сто-двести метров стояли соболя кулемки, настороженные два дня назад.

Путик протянулся пятнадцатикилометровой окружностью по сопкам и глухим ключам. Оставив преследование лосей, Симов воспользовался этой охотничьей тропой и по ней вернулся к зимовью с богатой добычей. Дорогой он осмотрел с полсотни кулемок и капканов и вынул из них двух соболей.

Шкурка соболя.

Однажды, при очередном осмотре самоловов, Симов взял свежий след сохатого и проходил за ним весь день до темноты. Увлеченный преследованием, он пересек несколько падей, потерял ориентировку и заблудился среди беспорядочного нагромождения похожих друг на друга сопков.

Под Улурийским гольцом начинались истоки многих речек. Запутавшись среди многочисленных распадков, можно было незаметно уйти на десятки километров в сторону. В поисках выхода из этого лабиринта Симов пробродил дотемна. Ему следовало вернуться назад своим следом, но усталость и голод овладели охотником. Небольшой запас продуктов кончился и подкрепиться было нечем. Оставалось од-

но: устраиваться на ночлег в лесу, застывшем от сорокаградусного мороза.

Едва передвигая ноги, он побрел отыскивать старую гарь, где можно было бы без топора набрать сухостоя для костра, и до полуночи кружил в призрачном лунном свете, по бесчисленным таежным сопкам. С трудом поднявшись на какой-то горный отрог, он увидел внизу далеко расстилающуюся долину. Впереди, на краю ее, мерцал огонек...

Симов тяжело опустился на снег. Растерев онемевшее лицо, он стал, до боли в глазах, всматриваться вдаль. Огонек мерцал звездочкой и манил к себе. До него, казалось, не больше трех километров.

Охотник почувствовал прилив силы, быстро поднялся и зашагал к неведомому очагу. Однако бодрости хватило ненадолго. В изнеможении Симов опустился на колодину. Огонек, казалось, светился все так же далеко. Непреодолимо клонило ко сну... Очнувшись, он закурил, растер лицо снегом и, шатаясь, побрел дальше, но через несколько шагов споткнулся и упал. Сил больше не было.

Обернувшись в сторону далекого костра, он крикнул. Собственный голос, раздавшийся среди снежной пустыни, показался слабым. Тогда он выстрелил три раза подряд и, повернувшись на спину, уставился в высокое небо безразличным взглядом. Лечь было удобно. По телу растекалась приятная истома. Мерцавшие над ним звезды внезапно расплылись и померкли. Налынул тяжелый сон.

...Очнулся Симов от резких толчков в плечо. Перед ним стоял Батыр и жарко дышал ему в лицо. Рядом на корточках сидел Рогов.

— Что случилось? — спросил он старика.

— Это тебя, паря, надо спросить. Ты где так исходился? Лицо не поморозил? Руки и ноги как? — волновался Прокоп Ильич, осматривая товарища. Симов собрался с мыслями и рассказал, что с ним произошло.

— Как же ты так? Ну можно ли в такой мороз без топора в тайгу ходить? Экий же безрассудный! Хорошо еще, что руки-ноги не обморозил. Если б не занесло тебя к моему табору — погиб бы... — говорил Рогов, помогая товарищу встать.

— Ну, вот еще, я сам, — возразил было Симов. Но, пройдя несколько шагов, он покачнулся. Ноги снова отказались идти.

На таборе Прокоп Ильич сготовил жирный чай. Он растопил в крышке походного котелка граммов сто внутреннего лосиного

жира, а в кружке вскипятил воду и растворил в ней полчайной ложки «гуджиру» — самородной соды. В этот раствор влил растопленный жир и размешал его. Получилась эмульсия, напоминающая молоко, которую он вылил в котелок с горячим крепким чаем и поднес Симову. У таежных охотников этот напиток служит самым надежным средством для восстановления сил.

Через день, когда Симов окреп, он вернулся вместе с Роговым в зимовье. В избушке Прокоп Ильич разобрал котомку и достал четыре шкурки добытых им соболей. Их мягкий темный мех был с очень густой сероватой подпушью. При поперечном перегибе подпушь хорошо укладывалась на обе стороны, образуя ровный пробор. Одна из шкурок была необыкновенно пушистой, совсем темной, с редкой серебристой проседью на спинке. Шкурки были крупные, до сорока сантиметров длиной.

Сообразуясь с размером соболей, старик выстругал из дранок правилки и натянул на них шкурки мехом внутрь, так что ширина к длине относилась как 1 к 2. За обрядкой шкурок он рассказывал:

— За два дня добыл этих соболей, из-под собаки... Стрелял их, как белок, на деревьях. Видел еще пару, да больно светлые попались.

— Так ты на выбор? Только черных стреляешь? — осведомился Симов.

— А как же? — удивился Рогов. — Светлый две сотни стоит, а черный на тыщу рублей дороже...

— Ну и объяснил! — воскликнул Симов. — Да понимаешь ты, к чему все это приводит? Вот перебьем всех лучших, отборных соболей, а светлые останутся на племя. И будет так, что через несколько лет черных здесь днем с огнем не сыщешь...

— Сук рубишь, на котором сидишь, Прокоп! — вмешался в разговор Уваров.

— Больше того, — продолжал Симов, — урон приносишь государству. Вот на Урале тоже соболь есть, но шкуркой светлый он и, стало быть, много хуже. Чтобы улучшить уральских соболей, там черных баргузинских в тайгу выпускали.

— Все это так, — возразил Рогов. — Меня ты убедишь. А толку что? Другие все одно будут за дорогим ходить. Было бы платили за соболя в среднем сот пять, тогда бы за черными никто и не гонялся.

— Со временем к тому и подойдут, — подтвердил Симов. —

Охотничьи хозяйства создадут. Применят разные живоловушки и будут светлых соболей отбирать на шкурку, а черных выпускать назад в тайгу. В следующем году и мы этим займемся...

Услышав об этом, Уваров оживился и стал подробно расспрашивать о новых западнях. От Симова узнал он, что в переносных металлических живоловушках соболь ожесточенно бьется, ломает зубы и, измотавшись, замерзает. Поэтому ловить придется срубом, в котором по углам устраивают теплые каморки.

Разговор затянулся допоздна. Под конец Симов вытащил детекторный приемник, наладил его и поймал Читу. Наушники лежали в алюминиевой миске, и голос певца был слышен всем. Переда-

вали русские народные песни. Рогов сидел против топки. Его энергичное, освещенное жаром лицо казалось отлитым из бронзы. Уваров по обыкновению, упрятал свою громоздкую фигуру в дальний угол зимовья, улегся поудобнее на нарах и, подавшись грудью к огню, слушал.

За стенами избушки шумел разгулявшийся к ночи ветер.

После концерта Симов рассказывал про Гунду.

— За Яблоновым хребтом в витимской тайге также есть река Ушмун. В среднем течении в нее впадает Гунда.

Попал я туда с местным бурятом. Бальжи Нема его звали.

До Гунды добирались на двуколке. От деревни Телембы направились на хутор Хара Туглуй. Там переехали бродом Конду и так, правым берегом доехали до отворота в падь Ушмуна. Как свернули в нее, так дорога сразу же пошла заболоченным лиственничным лесом. Сопки там невысокие, втрое ниже, чем здесь, и широко расходятся по сторонам. Низины с озерами и болотами. В кочковатых ключах двуколка наша вязла до ступиц. Лошадь много раз падала. Приходилось ее выпрягать и вытаскивать из трясины. Помучились мы тогда изрядно. Пятнадцать километров по Ушмуну ехали дольше, чем тридцать пять по Конде.

В полночь на дороге нас встретили яростным лаем три здоровенных пса. Отбившись от них, прошли мы с сотню шагов и видим в темноте: сарай, рядом с ним — зимовье, а за ними зеркальная гладь озера Гунды. У крыльца остановились. В это время дверь избышки распахнулась, и в ее створе появился во всем белом рослый и широкоплечий человек. Это был Григорий Брагин. Ты его, Прокоп Ильич, должен знать. Он ведь за хребтом лучшим охотником слыл.

— Как же! Гришку-то? Ученик мой...

— Так вот, вначале он молчал, — продолжал Симов, — приглядывался к нам, а сквозь зубы потом процедил:

— Кой черт здесь по ночам шатается?

— Не черт, а охотовед, — представился я ему.

— Заходи, — пригласил он.

Просторное зимовье выходило на юг в сторону озера двумя окнами. Справа в углу стояла кровать с седлом в головах и постланными на ней полушубком и телогрейкой. В противоположном углу темнела закопченная кирпичная печь с плитой.

— Поди, уткачить пришел? — спросил Григорий.

— Нет, — ответил я ему, — прибыл озера обследовать для расселения ондатры.

— Чего? — изумился он. — Ондатры? Это что еще за штука?

Когда я ему рассказал все про ондатру, он охотно согласился поводить меня по местным водоемам.

Днем мы осмотрели ближние озера. Большинство из них оказались мелководными, не глубже 3 м, с малопрозрачной буроватой водой. Эти озера относились к заболачивающимся, зарастающим. Прибрежно-водную растительность их составляли обшир-

ные заросли невысокого тростника и рогоза. Для них были обычны сплавины из вахты, корневищных осок и сфагновых болотных мхов. На некоторых сплавинах буйно рос топяной хвощ. По зеркалу озер белели водяные лилии. Такие озера особенно охотно посещали лоси. Почти на каждом озере ютились выводки кряковых уток и чирков.

В последующие дни обошли мы левые притоки Ушмуна. Текут они все с юга на север из-под Саранакана — самой высокой горы Яблонового хребта. Первый Сахалтуй. За ним выше по Ушмуну — Гунда. Затем Укшунда, Булугунда, Чубуктуй и Яхаракта. Все эти речки небольшие, в два-три метра шириной, с тихим течением. Долины их широкие и заболоченные, покрытые местами сплошным сфагновым ковром, поросшим голубикой, багульником и кустарниковой ивой и березой. Местами возвышались небольшие бугры, площадью до гектара, заросшие лиственницей. Такие острова окружали обычно осоковые и вейниковые кочкарниковые болота. Повсюду среди болот встречались небольшие озера в 5—10 м шириной. Кругом болота обступали пологие склоны и гривки, поросшие лиственничным и сосновым лесом, да приземистые, будто затонувшие в трясине, плоские бугры, покрытые старыми, заболоченными гарями с кустарниковой березой и богатейшими ягодниками-голубичниками. По этим речкам обитало много лосей. Дня не было, чтобы мы не видели их. За неделю 23 зверя учли! Как пустим собак в гриву, так не пройдет и часу, уже лают и держат лося. С подветренной стороны под лай собак подходили к лосям на несколько десятков метров.

Уж больно собаки у него хорошо по зверю работали. Бывало, под вечер пойдем на озеро. Они все три идут за Григорием следом сзади и выглядывают из-за него то справа, то слева. Пока не скажет — ни одна вперед не выскочит. Идут осторожно. Так другим разом все вместе метров на 100 к жирующим лосям подходили. Вот как они его слушались.

Приучил он их собираться «на шапку». Понадобится ему молча позвать их, так выедет верхом на чистое место на бугорок. Остановится, глядит по сторонам. Как тишина наступит, собаки выбегают на опушку посмотреть, где хозяин. Вот тут-то он снимет шапку и помашет ею из стороны в сторону. На этот сигнал они сразу к нему.

— Хм! Ловко приучил. Для зверовой охоты толково. Как же это он? — поинтересовался Рогов.

— Очень просто, — продолжал рассказчик. — Сначала приучал подбегать с расстояния нескольких метров. Окликнет отбе-

жавшего щенка, почмокает ему, а сам рукой взмахнет, нагнется и положит к ногам кусочек мяса. Щенок раз подбежит, другой и начинает привыкать: если хозяин нагнулся и рукой коснулся земли — значит есть там чем поживиться. На второй, третий день он подманивал уже с шапкой в руке, продолжая каждый раз поощрять щенка лакомыми кусочками. Так за неделю он приучал собаку подбегать на взмах руки с шапкой на расстоянии нескольких метров. Затем учение усложнял тем, что махал шапкой, не пригибаясь к земле, и расстояние увеличивал на несколько десятков, а потом и сотен метров. Вот так постепенно и добивался, что собаки подбегали к нему. У него собаки были приучены и убитых уток из воды подавать и подвывать над убитым лосем.

— Хм! Ловко, — ухмыльнулся Рогов. — А моего Батыра еще не поздно научить? — спросил он.

— Конечно, нет! Смышленную собаку можно чему хочешь и в старости выучить. Я тебе обещаю: недели через три и твой Батыр подаст поноску, а над убитым лосем будет выть.

— Ну, ежели подаст да и подвоет — так я тебе «литру» поставлю, — пообещал Прокоп Ильич.

Услышав такое условие, Гаврила Данилыч оживился. Нары под ним заскрипели.

— Давай, давай, лейтенант! Не подкачай, — подбодрил он его. — Я тебе буду первым помощником. Этим самым, как ты подручного-то по науке называл... — Симов подсказал ему.

— Вот, вот, — подхватил старик, — самым ассистентом буду...

— Полно-те, Гаврила, брехать-то попусту, — перебил его Рогов, — слушал бы лучше...

— Экий же ты браниться, — добродушно ответил Гаврила Данилыч.

— Расскажи-ка, паря, какая там рыбешка на Гунде есть? — обратился он к Симову.

— Реки там небольшие, тихие и глубокие. Водятся в них гольяны, чебаки-сороги, караси, окуни да щуки. В самом озере Гунде рыбы этой как в котле. Очень удобный для рыбы водоем. Площадь его — гектаров 5. Вода чистая, проточная. Озеро с ямой, под южным берегом, глубиной до 14 метров. Кругом эту яму подковой огибает двухметровой глубины отмель, заросшая водноболотными растениями. Щуки там и окуна полным-полно. В сентябре в любой день пуд, а то и два рыбы наловишь. На спиннинг мне попадались щуки на полпуда. Григорий сказывал,

что ему довелось на жерлицу вытащить щуку в 20 килограммов. Вот «красной» рыбы — тайменей, ленков и хариусов — там нет.

— А почему у нас здесь таймень и щука есть, карась и чебак тоже, а окуня нет ни в реках, ни в озерах? — спросил Прокоп Ильич. Симов задумался. Действительно, эта рыба отсутствовала в верховьях Ингоды и во всем бассейне Амура. Объяснение этому явлению таилось в истории формирования водной фауны, и потому Симов не смог сразу найти понятного для товарищей объяснения.

Видя замешательство своего молодого товарища, Гаврила Данилыч вступился за него.

— Ты, Прокоп, вечно не к месту со своими «почему» да «отчего». Видишь, товарищ устал. Да и тебе, неугомонный, спать пора... — с этими словами он слез с нар, отстранил Рогова от печки, поворошил в ней и, разогнувшись во весь саженный рост, закрыл трубу. Встал и Прокоп Ильич. Потягиваясь, он полез на нары. За ним улегся Симов, немногим позже и Уваров.

На следующий день в поисках лосей охотники отправились вниз по Ушмуну. На рассвете они миновали Инду и разошлись по распадкам.

Уваров вышел к устью речки Ернистой. Здесь по берегу Ушмуна бродил сохатый. Пропуская между ногами молодые березки и ивы, он пригибал их грудью и обкусывал побеги. Кору с осин он сдирал резцами нижней челюсти, двигая ею снизу вверх. Кончив кормиться, лось вышел на устье минерального ключа и

стал лизать на ледяной накипи коричневый налет, образованный кристаллами выступивших железистых солей.

Бесшумно расставив сошки и положив на них винтовку, старик прицелился. Лось в это время опустился на колени и старательно вылизывал кругом себя покрытый бурым инеем лед. Когда зверь поднялся и повернулся к охотнику боком — раздался выстрел. Пуля ударила высоко по холке и сбила его с ног. Пока он ворочался на льду, старик выстрелил второй раз.

На выстрелы Уварова подошли товарищи. Они осмотрели лося. Молодой бык с четырьмя отростками на рогах не превышал 250 килограммов. Симов зарисовал его и, подав конец рулетки Рогову, снял основные размеры. Уваров старательно записывал: длина 227 сантиметров, высота в плечах — 167, высота в крестце — 154, ширина в груди — 38 сантиметров.

Симов промерил кишечник лося и насчитал 41 метр в тонком отделе и 26 метров в толстом отделе. В последнем обращала на себя внимание слепая кишка полутораметровой длины.

Закончив разделку туши, охотники отложили полпуда мяса на еду, а остальное зарыли в снег и тщательно замаскировали.

Первая неделя февраля была морозной, и охотники не добыли ни одного лося. Однажды, после неудачной утренней охоты, Симов встретился со стариками на устье Сохатихи.

— Беда! Снег скрипит, невозможно подойти к зверю, — пожаловался Рогов. — Обошли мы с Гаврилой семь сохатых и ждем, когда потеплеет. Может, за полдень, по распору, снег помягчит и допустит скрасть зверей. — С этими словами Прокоп Ильич указал на густую поросль тальника, где залегли лоси. Следы их проходили сосняком, где звери кормились, и наломали много молодых сосен.

— А что, если на входном следу двоим встать, а третьему обойти и стронуть их? — предложил Симов.

— Чего же не попробовать? Я в загон могу сходить, — вызвался Гаврила Данилыч.

— Загон можно сделать, — подтвердил Рогов. — Лоси не иначе, как своим следом пойдут в эту гущу, — сказал он, показывая на склон. — Давай, Гаврила, заходи!

Уваров закинул карабин за спину и поспешил к лесу.

Тем временем Рогов выбрал на опушке место с низкорослым редким сосняком. В тридцати метрах от лосиных следов он поставил за густой сосенкой Симова, а сам встал за деревцем по другую сторону звериной тропы. Оба охотника выдавались грудью над деревцами.

Спустя полчаса Уваров вышел на болото против стрелков и

начал гнать. В чаще вскочили семь лосей. Вначале они сгрудились табуном, затем выстроились вереницей и ровной рысью направились на стрелков.

— Береги — береги — береги-и-и!... — донесся призывный клич Гаврилы Данилыча.

Лоси цепочкой бежали один за другим и издали напоминали серую призрачную ленту, которая извивалась между кустарниками и плавно ныряла в ложбинах. Животные с каждой секундой приближались. В морозном воздухе слышалось ритмичное поскрипывание снега под копытами.

Впереди бежали два полугодовалых телка, за ними две коровы и сзади три рогатых быка. Прошли секунды, и они вышли на линию стрелков. Телята и коровы мгновенно проскочили ее. Рогов выстрелил в первого быка. Он круто повернул на старика и тут же упал. Следом раздался выстрел Симова. Задний бык высоко вскинул голову и с рыси перешел на шаг. Симов выстрелил вторично, одновременно с Роговым, и лось упал.

Середина февраля ознаменовалась для Рогова еще одной удачей. Зверуя в Инде, он услышал в ближнем ключе, заросшем густым ельником, лай Батыра и поспешил к собаке на помощь. Пробравшись сквозь чащу, он оказался у поваленной вековой пихты, в корнях которой лаял Батыр. Полагая, что собака нашла соболя, охотник забросил за спину винтовку и подошел ближе. В это время из-под вывороченных корней показалась мохнатая медвежья голова. Рогов отпрянул назад и едва успел выстрелить в пробегающего мимо медведя. Выстрел был удачным — в шею. Зверь тут же упал замертво, уткнувшись широколобой головой в снег. Пока старик рассматривал свой трофей, Батыр спрыгнул в берлогу — в яму под выворотнем — и съел там новорожденного медвежонка. Спустя четверть часа, Рогов нашел второго медвежонка. Он уже замерз в снегу перед входом в берлогу, по-видимому, оторвавшись от соска матери при выходе ее наружу. Медвежонок этот был слепой, с редкой шерстью, и по весу не превышал 500 граммов.

Богатые трофеи этих дней позволили охотникам собраться в обратный путь. Рогов считал, что хотя и мало по лосю «на нос», но задерживаться больше было нельзя: в конце февраля могли задуть бураны и завалить сугробами долины рек.

Пятнадцатого февраля, уложив на сани мясо и по копешке сена, бригада по Ушмуну выехала домой. По ледяной глади прокипевшей реки охотники к концу дня достигли Ингоды. Здесь мощные сугробы преградили путь. В кривунах они были настолько глубокими, что лошади проваливались по грудь. Местами

Кабан.

встречались пропарины — тальцы, заваленные мокрым снегом, которые приходилось объезжать. Кони с большим трудом тащили груз. Под вечер они выбились из сил и покрылись инеем. Пришлось остановиться на ночлег в неудобном месте — на ветру, далеко от топлива. Выехали с рассветом. По острым вершинам сугробов тревожно курились струйки снежной пыли, завивались в космы и уползали вверх по реке. Лицо резал встречный ветер. Уваров, завернувшись в доху, сидел спиной к лошадям. На задних санях, зарывшись в сено, лежали Прокоп Ильич и Симов. Ехали шагом. На устье Улелея передний воз остановился. Уваров выбрался из сена, чтобы посмотреть в чем дело, и увидел впереди матерого кабана со свиньей. Мгновенно вскинув винтовку, он выстрелил. Кабан упал, но тотчас же вскочил и, одурев после контузии, бросился вниз на речку, к охотникам.

Тем временем вывалились из саней и Рогов с Симовым. Схватив карабины, они приготовились отбить атаку секача. Однако зверь и не помышлял нападать и галопом промчался мимо востов. Вслед ему непрерывной очередью прогремело с десятков выстрелов. Пули взрывали снег, рикошетили о лед и со свистом провожали убегающего зверя. Наконец, он скрылся за поворотом. Как всегда, после такой горячки наступила минутная тишина. Рогов, почесывая щетинистый подбородок, с удивлением глядел на Симова. Уваров, который на охоте не отличался меткостью, усердно осматривал свою винтовку, с интересом заглядывал в ствол и проверял положение мушки. Симов недоумевающе смотрел в сторону скрывшегося кабана.

— Упустили!.. — наконец, процедил он сквозь зубы.

— Да как упустили-то, а?! — проворчал Гаврила Данилыч. —

Простреляли в землю, как в копейку... Мне-то простительно, я больше капканщик и рыбак... Но ты-то, Прокоп, куда стрелял? А?

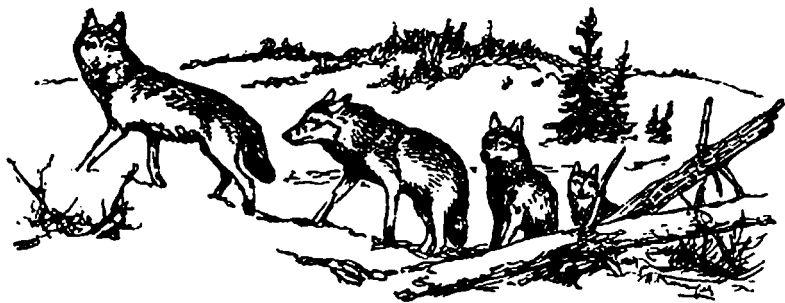
— Туда же, куда и ты, — нехотя ответил Рогов. — Вот эта хламида помешала, — добавил он, подправляя свалившуюся с плеч косулю доху.

Охотники поднялись на берег и подошли к месту падения кабана. На земле остались клочья длинной щетины, вырванной пулей из холки. Крови нигде не было. Все остальные пули пролетели под брюхом и перед рылом зверя.

К полудню поземка усилилась. Зашумела на склонах тайга. Посыпался косой колючий снег. За ним скрылись дали, ближние сопки и берега реки. Рыхлый снег налипал на полозья. Приходилось часто останавливаться и топором оббивать сани, а отбойными молотками — копыта лошадей.

За два дня охотники с трудом одолели тридцать километров и добрались до Хинкарайской долины. Сено к этому времени кончилось, и лошади голодали. К счастью, на лугу близ устья Хинкарайки нашлись остатки стога, которыми удалось покормить лошадей. Переночевав в зимовье и отдохнув, охотники продолжили свой путь и к вечеру вернулись домой.

Глава X

ОХОТНИКИ В КОЛХОЗЕ

В марте лейтенант получил приказ: передать лошадей и инвентарь колхозу и прибыть в штаб с рапортом и годовым отчетом. Узнав об этом, Рогов встревожился:

— Пошто тебя отзывают? Неужто немцы оправились и наши подмогу на фронт посылают? Не может того быть, ведь фашистов на полтыщи верст от наших границ выбросили. Или обратно: война к концу и нашей бригаде конец? Не нужны, значит, больше?

Помолчав, он с грустью добавил:

— Ты в свою часть вернешься, на самолет. Фока здесь, дома, в своем колхозе будет. А мне с Гаврилой придется отсюда подаваться, до осени работу сезонную искать.

— Ты погоди, не торопись с решением, — перебил его Симов. — Почему бы тебе с Гаврилой Данилычем в колхоз здешний не вступить?

— В колхоз? — переспросил Рогов. — Ты что? Это дело не для меня. Я ведь охотник. Понимаешь? С мальства приучен... Вот уж полсотни лет зверую. Поэтому к сельскому труду душа не лежит. Поставь меня за плуг или к коням, а я все буду поглядывать на сопки. Подойдет же сезон — все брошу и зверовать подамся. Ружье спрячь, а я все одно уйду в тайгу. Тянет она меня к себе...

Старик не находил слов для объяснения, чем именно привлекала его тайга. Да и у Симова в этом и не было необходимости. Он отлично понимал Рогова, так как сам мог неделями бродить по сопкам и смотреть и слушать, как живет лес.

— Такие работники колхозу не нужны, — продолжал Рогов. — Почета здесь охотникам не стало. К примеру, Мартеха, колхозный конюх. Каждый год на охоту отпрашивается. А сколько тут наговорят ему, прежде чем отпустят? А отпускали-то на месяц, в ноябре, а иной раз и того позже. Он и подготовиться ладом к охоте не может. Сам знаешь, если надумал зверовать, то с весны надо полянки осмотреть да солонцы поправить, с лета запасти сенцо, подремонтировать зимовья, да плашки, да кулемки. За месяц до охоты зверей привадить надобно. А из Мартехи что? Одно посмешище, а не охотник получался. Перебивается бедняга из года в год в разваленных избушках, путается по сгнившим путикам. Вот потому и добывает ерунду. Из тайги, другим разом, запаздывал, так ему в правленье такую давали нахлобучку! И дезертиром, и черт его знает какими только словами не ругали.

— Ну, а в колхозную охотничью бригаду пошел бы? — спросил Симов.

Рогов задумался.

— Нет, паря, это мне тоже не глянется, — ответил он после некоторого размышления. — В такой бригаде, что добудешь, все сдай в колхоз, а тебе в конце года за охотничью-то добычу крохи начислят. В колхозе здешнем не шибко богатые трудодни. Уже гола три не более полкило хлеба на трудодень дают. А ведь и одеться надо, и припас купить. Вот и гляди, как мне с моей старухой жить. Кто постоянно здесь живет — обзавелся скотиной и усадьбой. Ну и пробавляются всем этим, а к трудодням у них не стало интереса. Похаживают на колхозные поля, абы сработать норму, чтоб из артели не погнали. Не работают, как надобно, потому и трудодень ни во что стал; он ведь, паря, от работы зависит. Вот карусель и получается. Бывал я в агинских степях. Там, действительно, есть колхозы крепкие, трудодень богатый, ничего не скажешь. К примеру, вот в Долгокыче колхоз, Федор Сараев председателем. Там по совести работают, ну и хорошо живут. Загляденье! Однако нам, зверовщикам, в тех местах делать нечего. А здесь хоть и самое зверовое, охотничье место — мы, вроде, не ко двору.

— Ты хочешь, чтобы бригада наша сохранилась? — спросил Симов. — Так вот, договорился я с председателем артели собрать на следующей неделе колхозников. Об охоте докладывать

им буду. Здесь, в тайге, колхоз не должен сторониться этого дела. Вот расскажи и ты им, о чем сейчас мне говорил.

— И расскажу, — охотно согласился Рогов. — Так по порядку все им и выложу!

К сельсовету подъехала кошовка. Из нее вылез председатель колхоза. Увидев Симова, он направился к нему.

— Ты вот как нужен мне! — сказал он, резанув себя ладонью по горлу. — Беда у нас на конеферме. Сегодня в ночь два волка ворвались на конный двор. Кони сгрудились, сломали прясло, ушли за луг. Там волки отбили кобылицу, угнали ее в Устиниху и задавили. Туша лежит, не доели ее, сучьи дети! Вот и решил с твоими охотниками посоветоваться, как волков уничтожить. Ведь за зиму третий случай!

Симов сходил за Роговым и вместе с председателем они отправились на Устиниху, на место происшествия.

В тридцати шагах от трупа лошади лежала вывороченная сосна. В корнях ее Прокоп Ильич решил устроить сидьбу, сесть в нее в тот же вечер и подкараулить волков.

За два часа перед закатом Рогов был в полной готовности.

Стеганые брюки с телогрейкой и шинелью, большие валенки домашней катки, овчинный тулуп и рукавицы мохнатки из собачины надежно защищали охотника от холода.

К сидьбе подъехала вплотную. Рогов шагнул в укрытие, уселся поудобней и положил на корни дерева винтовку. Рядом он пристроил дробовик, заряженный картечью. Уваров проехал дальше, полого развернулся и исчез в кустах. Вскоре все затихло.

Затих и Рогов, прислушиваясь к шорохам лесной опушки. Ему казалось, что вот завоет старый волк, ему ответит и придет на пиршество волчья стая. Волки станут терзать добычу, подымут меж собой грызню...

Стало смеркаться. И все случилось совсем иначе. Из кустов в ста шагах от сидьбы, крадущейся походкой вышла волчица. Она шла понуря голову и пригнувшись к земле. За ней следом шел матерый волк. Его голова бы-

ла высоко поднята. Мощная гривастая шея казалась шире лобастой морды.

Волк не спеша поднялся на пригорок, огляделся по сторонам. Остроконечные уши зверя сторожко повернулись из стороны в сторону. Зверь остановился и, издали глядя на тушу лошади, стал с силой царапать оголенную землю. Из-под задних лап полетели смерзшиеся листья и галька. Зверь был чем-то взволнован.

Прижав винтовку к плечу, Рогов следил за волком через оптический прицел. Затем он перевел телескоп на волчицу, подвел прицельную стрелку под ее грудь и выстрелил. Волчица тут же свалилась, а волка как сдуло с пригорка. Рогов перетащил свой трофей к засаде, накрыл тулупом и отправился домой.

Как всегда, задолго до рассвета первой встала Дарья Степановна и растопила русскую печь. Поднялся рано и Гаврила Данилыч. Он достал с чердака два тарелочных капкана № 3 и, осмотрев их, очистил подпилком ржавчину. У каждого капкана проверил работу насторожки, затем положил один из них на пол и встал обеими ногами на пружины. Под весом его тела плечи обеих пружин сжались, и концы их едва коснулись друг друга. Такая сила пружин была вполне достаточной для того, чтобы удержать волка за лапу.

Убедившись в исправности капканов, Уваров развел в чистом ведре полкилограмма гуджира и опустил в раствор капканы. Прокипятив, он промыл их в чистой воде и натер хвоей. Затем слегка нагретые капканы покрыл тонким слоем парафина. Так самоловы были лишены всех подозрительных для волка запахов. Покончив с обработкой капканов, Гаврила Данилыч немедленно вынес их во двор на сани и зарыл в сено. С рассветом он уже

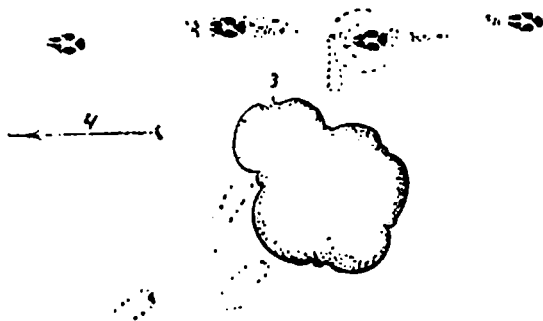
След волка.

подъезжал к сидьбе. Почуввав волчий дух, лошадь попятилась назад, надвинув на голову хомут. Старик успокоил и привязал ее. Затем вытащил волчицу и извлек из туши мочевой пузырь и матку. В ней было шесть зародышей. Содержимое пузыря он слил в бутылочку, закупорил и спрятал. После этого достал из-под сена деревянную лопату, нанизал на нее капканы, не прикасаясь к ним руками, отправился тропить волка.

В верховье Устинихи, на седловине, ему попался знакомый волчий след в ладонь величиной. От следов собаки он отличался размерами, удлинненной формой и плотно сжатыми с боков пальцами. Вблизи выступающего из-под снега пенька было несколько следов, среди них и вчерашние

отпечатки небольших лап волчицы.

Охотник подошел к пеньку, побрызгал на него мочой волчицы, а в полуметре от него зарыл в снег капкан, привязав к нему метровую палку в руку толщиной. Второй капкан с таким же волоком он поместил в пещерку, вырытую в снегу под следом волка. Поверхность снега он аккуратно заровнял, загладив его лопатой. После этого набрал на лопату рыхлого снега и, подбросив его вверх, запорошил снежную поверхность над капканом и вокруг них. Повторил он это несколько раз, пока заглаженное место не сравнялось с фоном окружающей снеговой поверхности.

1 — волчья тропа, 2 — замаскированный в снегу капкан, 3 — куст, 4 — направление ветра, 5 — замаскированные следы охотника.

Отступая назад, старик также загладил лопатой и припорошил на протяжении нескольких метров свои следы. При такой установке капканов можно было не сомневаться, что в первую же ночь матерый волк в поисках волчицы пойдет переходной тропой, свернет к пеньку и попадет в капкан.

Гаврила Данилыч, уверенный в успехе, на другой же день проверил капканы и к вечеру вернулся домой со шкурой матерого волка. От своих степных рыжеватых сородичей забайкальский лесной волк отличался пышным мехом, пушистым хвостом и красивой темно-серой окраской ости с голубой подпушью.

Весть о приезде в деревню районных властей в одно мгновение облетела Новые Ключи. В назначенное для собрания время люди потекли к зданию школы. Просторный класс вскоре заполнился. Люди старались не греметь скамейками. Собравшиеся с любопытством поглядывали на учительский стол, за которым, рядом со своими сельскими, сидели и гости: председатель исполкома районного Совета и начальник госохотинспекции.

Симов подвесил на классной доске карту и, обернувшись, перебирал глазами собравшихся. Товарищей его еще не было. С волнением он следил за открывающейся дверью в надежде увидеть их. Но председатель колхоза уже постучал по столу школьным ключом и открыл собрание. Симов вышел к карте и начал свой доклад.

— Охота — одно из самых древних занятий человека. Она возникла много тысяч лет назад, когда наш первобытный предок впервые взял в руки дубину и каменный топор. Только благодаря охоте человек устоял перед льдами и стужей, надвинувшейся на материка в эпоху оледенения. Охота тогда служила основой его существования. Она нашим предкам давала пищу и одежду, воспитывала отвагу, стойкость и, наконец, способствовала одомашнению собаки и скота.

— Летописи свидетельствуют о том, что охота издревле была широко распространена на Руси. Природа тогда во многом отличалась от нынешней. Непроходимые леса почти сплошь покрывали Русь. Зверей и птиц водилось в них невероятно много. На севере — бобры, куницы, соболи и горностаи. Запад богат был зубрами, лосями и бобрами. На юге во множестве водились дикие быки — туры, олени, кабаны. Когда войска Ивана Грозного шли на Казань, они питались преимущественно дичью. Вот что писали об этом очевидцы: «Мы не имели с собой запасов, везде природа до наступления поста готовила для нас обильную тра-

пезу. Лоси являлись стадами, рыбы толпились в реках, птицы сами падали на землю перед нами...». Сибирь в те времена была еще богаче. Вскоре после похода Ермака государство Московское получило два миллиона сибирских соболей.

— Но запасы дичи и пушных зверей, тогда казавшиеся неисчислимыми, стали быстро убывать. Спрос на пушнину, непосильный ясачный сбор и расточительная рубка леса подорвали охотничьи запасы, заставив звероловов еще настойчивей преследовать и истреблять оставшихся зверей. Капитализм и связанный с ним бессердечный «чистоган» дельцов еще больше способствовал уничтожению животных. Насколько быстро это происходило, свидетельствует следующий пример. Еще недавно в Америке водились миллионные стада бизонов. И вот в конце прошлого столетия за двадцать лет они были истреблены и сведены к несколькимстам головам. Царская Россия шла к таким же результатам. К началу нынешнего века у нас были почти истреблены сайгаки, зубры, бобры, куланы. Значительно подорваны запасы лося, изюбра, соболя и выдры.

— Когда в семнадцатом году был свергнут прогнивший строй, лес и его богатства перешли во владение народа. Охота стала одной из немаловажных отраслей народного хозяйства. В первые же дни советской власти были утверждены сроки и правила охоты. В дальнейшем изданы законы об укреплении охотничьего хозяйства: запрещена частная скупка и выделка мехов, организованы заповедники и промхозы, утверждены стандарты на пушнину. Перед нами стали задачи не только планового промысла зверей и птиц, но и увеличения их поголовья.

— Животный мир в нашей стране самый богатый на земле. Около сотни видов промысловых зверей и столько же видов пернатой дичи обитают на территории Советского Союза. Для сохранения и роста этих охотничьих богатств у нас была запрещена охота на соболя, бобра, куницу, изюбра, лося и сайгака, а также на лебедя, белую цаплю и некоторых других. На наших глазах этот запрет принес свои плоды. Во многих областях эти животные снова стали обычными, и нынче в ограниченном количестве разрешена их добыча по разрешениям охотинспекции.

— В охотничьи районы, где ценные животные были истреблены, их завозили и выпускали вновь. Так расселен был соболь в Якутии и на Алтае, в Иркутской, Томской и Тюменской областях. Восстановлена численность бобров на северном Урале, в Белоруссии и многих центральных областях. Ценная белка с Оби и Иртыша была расселена под Красноярском, в Крыму и Казахстане. Расширена область распространения зайца-русака.

Теперь он обитает не только в Европейской части СССР, но и во многих областях Сибири. Енотовидные собаки, которые водились только на юге Дальнего Востока, теперь появились на западе страны. Еноток там развелось столько, что промышляют их как и лисиц. За годы пятилеток в нашу страну были завезены и выпущены во многие области американские ондатры, нутрии, еноты и норки. Сейчас промысел этих ценных зверей дает многие сотни тысяч шкурок.

— В организованных охотничьих хозяйствах животным улучшают места обитания: подкармливают их, подсаживают кормовые, защитные и лекарственные растения, создают удобные места для нор и гнезд. Уничтожают волков, шакалов, ястребов и других вредных хищников. Ведут борьбу с заболеваниями диких охотничьих зверей. Во всех этих делах и в освоении охотничьих богатств участвуют десятки тысяч охотников.

— Труд промыслового охотника тяжелый и опасный. Плышет ли он порожиистой рекой, бредет ли по перволедью или скалистым горным склонам, встречается ли с кабаном, с медведем, с лосем — повсюду он часто рискует жизнью. Сотни километров проходит охотник по лесным тропам. В зимнюю стужу ночует под открытым небом. С годами вырабатываются у него стойкость, воля и знание таежной жизни. Вот почему необходимо таких людей использовать для освоения охотничьих богатств...

В это время дверь класса распахнулась, и в ее створы показались Уваров, Рогов и Трохин. Стоявшие в проходе расступились. Председатель колхоза пригласил охотников занять свободные места. Потупив головы под взорами собравшихся, они прошли к первой скамье.

Симов продолжал свой доклад:

— Годовой опыт известных вам товарищей, — говорил он, повернувшись к своим друзьям, — показал, что наилучшей формой труда охотников является бригада. Объединенный труд этих трех человек позволил им за год выстроить пять зимовьев, отремонтировать сотни кулемок, запастись вдоволь сена и тем самым освоить свыше тысячи километров тайги и добыть на сто пятьдесят тысяч рублей мяса, рыбы и пушнины. Вашей артели есть прямой расчет закрепить опыт этой бригады и организовать колхозное охотничье хозяйство на Джиле — одной из самых богатых речек в Улетовском районе. В ее верховьях и в Улурийском гольце развелось немало соболей. В борах скопилось много белки. Повсюду водятся колонки. Обычны стали зайцы, кабарги. Часто встречаются рыси и россомахи. По речкам и ключам стоят

сохатые. По всей Джиле в увалах пасутся табуны изюбров. Многочисленной стала и борвая дичь.

— Здесь же, вблизи деревни, в долине Ингоды живут косули, лисицы, горностаи. Пожаловали к вам непрошенные волки. Немало на пролете и водоплавающей дичи. Большим подспорьем может служить и рыба. Все это составляет ваш охотничий фонд, который вы можете освоить, а потом выгодно сдать государству на сотни тысяч рублей пушнины, мяса, рыбы. Подумайте, какой это доход для колхоза! И это еще не предел. Можно построить новые зимовья, расчистить тропы к ним, нагородить побольше солонцов. На зиму можно запасти изюбрам и лосям копны с подсоленной травой. Устроить соболям подкормочные срубы. Для зайцев навалить осин. На ближайших озерах поставить уткам гнездовые дуплянки. В Сигово озеро выпустить карпа. Дел для охотничьей бригады много, и все они приведут к увеличению охотничьих запасов, к умножению колхозного дохода.

— Могли бы вы заняться и звероводством: развести в клетках кроликов, черных лисиц, енотов, норок. Со временем придут в охотничье хозяйство машины. Вездеходы проложат дороги к зимовьям. Пойдут по речкам мотолодки. В охотничьей разведке поможет самолет, а вертолет доставит охотничьи бригады в глубинные таежные районы. Налажена будет с охотниками радиосвязь. Появятся у вас тогда самые совершенные живоловушки, капканы, ружья, удобная охотничья одежда и всевозможный необходимый скарб. Со всем этим уйдет в прошлое тяжелый труд охотника и станет человек тогда полным хозяином тайги.

За Симовым взял слово колхозный полевод.

— Охота, конечно, — дело неплохое, но только не для нас, — начал он. — Нет в нашем колхозе добрых звероловов. Поэтому наши охотничьи запасы — журавель в небе. А нам нужно иметь в руках хотя б синицу. Наши поля и скот всегда в наших руках, и нам есть большой расчет поставить это хозяйство...

— Одно другому не мешает, — заметил председатель райисполкома.

— Вот то-то, что мешает. У нас и так рук не хватает. С посевам, косовицей и с уборкой вечно запаздываем, от этого несем большой урон. А тут еще людей да коней в тайгу пускай! Нам это не годится.

Не успел кончить полевод, как поднялась телятница.

— У нас прохудилась ферма и надо строить новую. А вы тут предлагаете за сотни километров зимовья городить да разные ку-

лемки. Куда нам это? Тут под глазами управиться не можем...

Видя, что выступления пошли не по тому руслу, Симов кивнул Рогову.

— Давай же, — напомнил он об уговоре.

Прокоп Ильич поднялся.

— В народе есть молва, — начал он тихим голосом, — что, мол, охотник обычно живет в самой крайней, покосившейся худой избе и что в усадьбе у него нет ни кола и ни двора.

По классу прокатилось оживление, раздался возглас: «Точно Мартехина изба и двор!..»

— Так это касается лодырей, которые лень свою охотой прикрывают. У настоящего охотника работы много, он без дела по лесу бродить не будет. Ведь там, в тайге, никто с охотника не требует работы. Он сам знает, что кормят его ноги: что там натопаешь, то и полопаешь. Наша бригада добыла двадцать тонн мяса и рыбы, на сорок тысяч рублей пушных зверей. А почему? А потому, что старались. Ежели мы работали бы так, как вы здесь, то и двух тонн не сдали бы. Вы говорите, что не хватает рук. Да ведь работаете вы больше на своих участках, а на колхоз — абы выполнить норму. Бывало, солнце уже пригревает, мы уж с рыбалки воротились, а здесь, в деревне, бригадиры народ только собирают на работу. Срамота одна! Запаздываете...

— Сами запаздываете!.. — крикнул кто-то из задних рядов.

Рогов запнулся, с досады крякнул. Забыл, про что хотел сказать и растерянно взглянул на председателя, затем на лейтенанта.

— Работали... — успел ему шепнуть Симов. Прокоп Ильич мгновенно оживился, протер очки и обратился к сидевшим сзади:

— Товарищ попрекнул, что мы опоздали на собрание. Так мы не на печи лежали. Не со своим добром возились, а на артель работали. Пока вы собирались здесь, мы втроем на прорубях две тонны отменных карасей добыли... Так что, товарищи начальство, — продолжал он, повернувшись к столу, — вы нас за опоздание простите...

Сидевшие за столом, как один, кивнули головами.

Осмелев, Рогов стал доказывать, что охотника, как и пахаря, день кормит и что упусти время — они бы завтра карася не взяли. Потом рассказал про «карусель» и как она мешает ему вступить в колхоз.

Затем слово взял председатель райисполкома. Он рассказал о трудностях войны, о важности освоения естественных богатств. Приведя в пример хорошие колхозы, он крепко покритиковал недостатки здешнего колхоза.

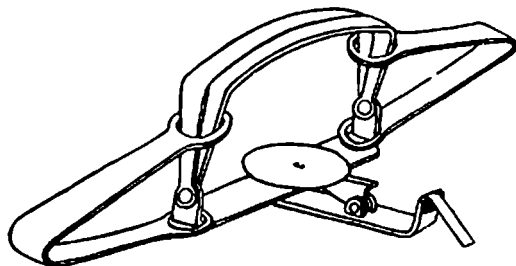
— Здесь предлагают организовать колхозную охотничью бригаду. Правильное предложение, выгодное колхозу и нужное государству, — сказал он в заключение и посоветовал вести расчет с охотниками так, чтоб было выгодно для них и для артели.

В поддержку Рогова выступили также охотинспектор и голова колхоза.

Общее мнение сошлось на том, что надо организовать колхозное охотничье хозяйство, а за продукцию охотников выплачивать им половину по государственной цене, а другую половину зачислять в доход артели и за нее — за каждые 20 рублей — насчитывать трудодень.

Это решение пришлось по душе Рогову. С ним согласился и Уваров.

На этом же собрании обоих друзей приняли в колхоз, и все единодушно согласились премировать каждого из них телушкой и домашней птицей за истребление волков.

Глава XI

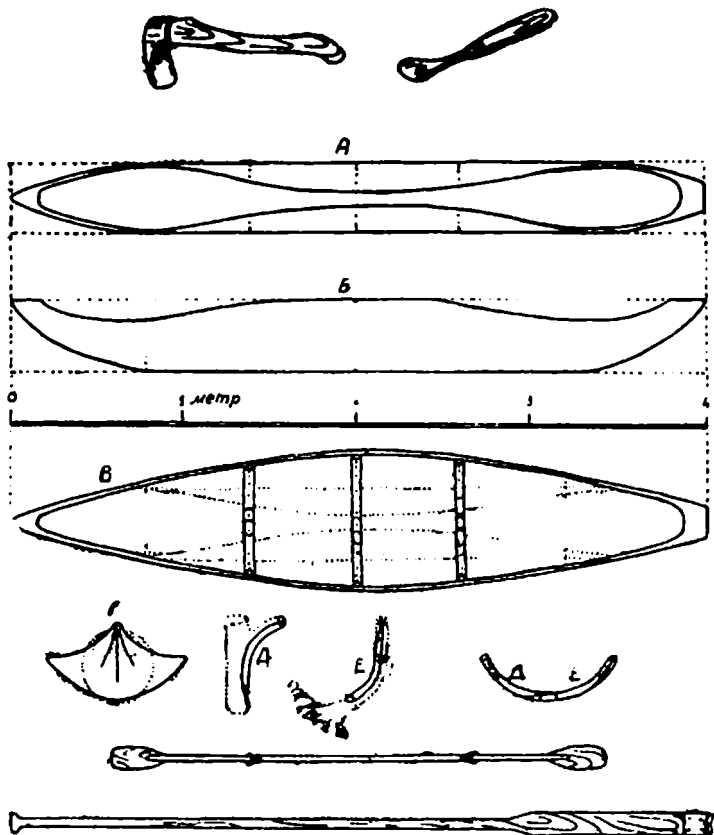
ПО ИНГОДЕ НА ПЛОТУ

В конце апреля охотники собрались в Читу. Прокоп Ильич купил для сына пятистенную избу и разобрал ее для сплава в город. Симов помогал возить бревна к реке и вязать плоты.

Тут же на берегу Гаврила Данилыч сажал сеть. Меж двух вбитых колов он натянул две тетивы и к ним пришел полуметровой высоты сетьевое полотно — дель-«трехперстку». С обеих сторон к этой сети он прикрепил режу — крупноячеистую сеть из шпагата. Верхнюю тетиву оснастил наплавами из бересты, а нижнюю гайками. Получилась сплавная трехстенная сеть.

Тем временем Фока мастерил долбленный челнок. Он добыл пятиметровое осиновое бревно в обхват толщиной, ободрал его и обтесал концы, придав ему форму челнока. Затем по всему бревну, через десять сантиметров наметил продольные и поперечные линии, а на пересечении их просверлил буравчиком отверстия: по бокам бревна на глубину двух сантиметров, а снизу — на три сантиметра. В каждую дырочку он вбил по кольишке из сосновой коры.

После этого в верхней части бревна были прорублены две выемки в двадцать сантиметров шириной и через них выбрана

Изготовление долбленого челна из осинового бревна.

Вверху инструменты—кайлушка и стамеска. А — вид челна сверху после обработки бревна; Б — вид сбоку; В — развернутый челн, вид сверху; Г — вид с носовой части; Д и Е — распорки; внизу — весло и шест.

«кайлушкой» сердцевина. Долбил он до тех пор, пока не появились в стружках темные крошки сосновой коры, забитой в дырочки. Благодаря этому стенки челнока получились нужной толщины.

За день он выбрал всю сердцевину бревна, затем перевернул будущую лодку кверху дном и развел под ней во всю длину костер. Распарив древесину, он развел на метр в стороны боковые стенки и укрепил их поперечными распорками. Получился красивый, прочный и легкий челн.

По реке прошел лед. К этому времени в оттаявшей курее против деревни уже стоял на приколе плот из трех сплотов, сделанных из шестиметровых толстых бревен. На заднем сплоте лежали дверные косяки, оконные рамы, доски, половицы, окна... На переднем стояли бочки с мясом, мешки с картофелем, кули с кедровыми орехами. Средний сплоток был обнесен перилами. На нем возвышалась копешка сена, накрытая челноком. Рядом стояла тачанка с высоко поднятыми оглоблями и привязанная к ней лошадь.

Прокоп Ильич еще раз осмотрел плот, проверил прочность узлов, связывающих сплотки между собой, надежность весел, прочность перил. Затем вышел на задний сплоток и встал к веслу. За переднее взялся Симов.

— Отваливай! — скомандовал старик.

Гаврила Данилыч и Фока навалились на шесты, сдвинули плоты с места и медленно повели к реке. Через несколько минут передний сплоток вышел из залива в русло. Течение реки услужливо подхватило его. Подгребая веслами, охотники вывели плот на середину полноводной реки. На повороте Рогов и Симов помахали на прощанье шапками. С берега им ответили Степановна, Фока, Гаврила Данилыч и собравшиеся односельчане.

Быстрая Ингода, вспученная на середине бугром, стремительно уносила вниз весеннюю серо-желтую воду. По реке вместе с плотами плыли посеревшие льдины и черные коряжистые пни. Охотники проплывали мимо знакомых берегов. Миновали устье Смирняги. Ниже мощным потоком влилась Джила. Ее прозрачная вода косым клином шла до середины Ингоды. Здесь боковым течением плоты потеснило к левому берегу. За Джилой они медленно пошли вдоль высокого обрывистого берега. С этого плеса поминутно поднимались табунки хохлатой чернети и уносились вниз по реке.

Иногда воздух наполнялся свистом, напоминающим часто повторяющиеся слоги «ти-ти-ти...», и высоко в небе проносились табунки гоголей. Под нависшими кустами ивняка белели лутки. С приближением плота они исчезали под водой и выныривали далеко позади. Свечкой вверх взлетали кряковые утки с селезнями.

Плоты вынесло к широкому распадку у устья Ямной. Охотники завели плоты в заливчик и высадились.

Пока Прокоп Ильич перенес на берег необходимый скарб и перевел коня, Симов обошел курею с озером и вернулся с кряковым селезнем. Принимая трофей, старик поздравил товарища «с весенним полем» и посоветовал ему посидеть зорю на озере.

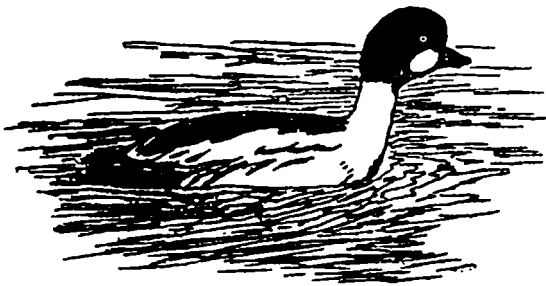
Захватив полсотни заряженных «тройкой» патронов, жестяные утиные профили и манок, Симов спустил в воду челн и поплыл через курею в дальний конец озера. Там он срезал три сухие метровые палки в три-четыре сантиметра толщиной. Сложив из них треугольник и связав концы бечевкой, он середину каждой палки слегка расщепил и в образовавшиеся щели вдвинул три профиля утки-гоголя. Этот треугольник плавал на веревочке с грузиком в двадцати метрах от сидьбы. Остальные десять профилей, изображавших уток-чернетей, шилохвостей и крякух, Симов укрепил на полуметровых палочках и воткнул на отмели в пяти-десяти метрах от берега. Затем он затащил в тростники челн, замаскировал его и, усевшись в нем поудобнее, стал ждать.

Легкие порывы ветерка рябили озерную гладь. Треугольник с гоголями парусил, поворачивался из стороны в сторону.

Неожиданно к шуршанию ветерка в тростниках присоединился шум крыльев, рассекающих воздух: селезень-гоголь с высоты спикировал вниз и, сделав круг, с шумом упал на плес шагах в семидесяти от охотника. С такого расстояния стрелять было нельзя, и Симов стал ждать, когда птица приблизится на верный выстрел — метров на тридцать.

Белобокий гоголь настороженно осмотрелся по сторонам, затем крякнул по-особому, по-гоголиному, будто чихнул, на мгновение окунул голову в воду, всплеснул крылышками воду и поплыл к жестяным профилям. Когда селезень приблизился на 30 метров, он встревоженно поднял голову, подозрительно рассматривая одним глазом странных птиц. В это время прогремел выстрел. Гоголь захлопал по воде крыльями и, перевернувшись вверх белым брюшком, затих.

Прошло минут пятнадцать, и над озером «прошваркал» крякаш. Симов ответил ему в манок радостным кряканьем. Селезень

Гоголь.

круто завернул назад, растопырил полукругом крылья и, вытянув вперед ярко-оранжевые лапы, снизился на плес против сидьбы. Осмотревшись, он, покрякивая, поплыл к берегу.

Рогов, не любивший охоту по птице, отправился с винтовкой в долину Ямной выслеживать медведя. По пути он встретил разбитый пень и развороченный муравейник. В косогоре ему попались перевернутые каменные глыбы и разной давности следы медведя. Поднявшись, Прокоп Ильич медленно шел вдоль лесной опушки. Весь вид его указывал на готовность к внезапной встрече с опасным зверем.

На опушке лесной чащи он увидел старый выворотень, укрылся за ним и стал ждать.

Весенний день угасал. Дали померкли. Из низин поднялась кисейная дымка. В вечерней тишине с озера доносились редкие выстрелы Симова. Затаившись, старик просидел вечер и, не дождавшись зверя, вернулся на стоянку.

Рассвет охотники встретили вместе, на увале. Снизу, из чащи, доносились подозрительный шорох и потрескивание сухих веток. Порой будто слышался тяжелый топот. Старик поглядывал на лейтенанта. Симов сжимал в руках винтовку, прислушивался, всматривался в темный лес. Просидели они до восхода. Солнце уже поднялось, а на поляну так никто и не вышел.

Прокоп Ильич скинул моршни и в волосяных носках бесшумно пошел чащей. Симов — за ним. Они обходили куртины кустарников, валежины с сухими ветками, поминутно прислушиваясь.

Немного спустившись по косогору, товарищи остановились: из-за небольшой гривы, поросшей мелколесьем, раздавался храп

Перед лосем на земле лежал медведь и держал его зубами за нос.

и была слышна странная возня. Охотники тихо поднялись на вершину гривы и увидели внизу необычайное зрелище. В лощине на берегу Ямной, в молодой поросли тальника, стоял на коленях огромный лось. Левый бок его и грудь были окровавлены. С плеча свисали клочья кожи и мяса. Перед ним, припав к земле, лежал медведь и держал его зубами за нос. Земля вокруг зверей на несколько десятков метров была утоптана и залита кровью.

Охотники мгновенно присели за колодину и приготовились стрелять. В это время лось навалился на медведя грудью и, собравшись с силами, поволок по земле, пытаясь высвободиться. Но силы его, видимо, иссякли. Он оступился, задние ноги подвернулись, и он упал набок. Ударом лапы медведь тут же разорвал ло-

сю щеку и перехватил зубами горло. Бык забил ногами по земле и утих. Свирепо встряхнув горло лося, медведь отскочил в сторону и прыгнул в речку. Все это произошло настолько быстро и неожиданно, что охотники не успели выстрелить.

Прокараулив зверя и не дождавшись его, охотники спустились вниз, на забоку реки, где скрылся бурый разбойник. Его там не оказалось. Они вернулись к лосю. На левом боку гиганта шкура и мясо были содраны до костей, на голове разбиты надглазные кости, горло перегрызено до позвонков. Рогов с удивлением рассматривал эти страшные раны, причиненные сравнительно небольшим медведем.

Повернув быка на спину и подложив под бока бревна, охотники принялись разделять тушу.

Работа близилась к концу. Прокоп Ильич поднялся расправить спину и в то же мгновение, толкнув Симова в бок, кивнул головой в кусты. Шагах в тридцати от них стоял медведь и, подняв голову, смотрел в их сторону...

Старик быстро, но плавно взял винтовку, легким движением поднял ее к плечу и выстрелил. Мохнатая взъерошенная голова зверя исчезла. Раздался треск ветвей, затем всплеск воды. Рогов с винтовкой наперевес побежал к реке. У берега, в воде, он увидел мертвого медведя. Зверь, действительно, оказался небольшим и весом не превышал ста килограммов. На его туше Симов обнаружил сильные кровоподтеки и ушибы.

Плот, подгоняемый попутным ветром, миновал гранитный утес у Ямной и вошел в тихий плес. По-прежнему с воды поднималось несчетное количество уток разных пород. Хохлатые чернети, шилохвости и касатые летали стаями. Гоголи, чернети и лутки поднимались всегда навстречу ветру и часто подлетали к плотам на выстрел. Протянуло несколько косяков гусей-гуменников. Одни из них летели треугольником, другие — косою цепочкой.

Прокоп Ильич рассказал, что в конце апреля на пашнях, вблизи деревень Гарекан и Гареки, собираются тысячи гусей... На пашнях они жируют, а затем, вблизи селитряного озера и николаевских лугов, днюют.

На поворотах реки, где вода подмывала берег и над рекой нависали кусты и деревья, Рогов подавал команду. Оба охотника наваливались на весла. Плоты послушно переходили к противоположному пологому берегу в тихое течение. Во второй поло-

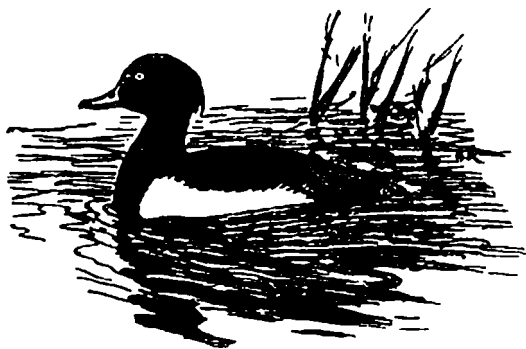
вине дня на левом берегу появились Улеты. На берегу реки стояли деревенские коровы. Прожевывая жвачку, они лениво поворачивались и провожали печальным взглядом проплывающий мимо плот с зеленой копешкой.

Миновав поселок Хадакта, охотники завели плоты в первый проток и причалили к берегу. Здесь Рогов решил остановиться дня на три и пострелять гусей.

Два раза в день — утром с восходом солнца и вечером за два часа до заката — гуси-гуменники летели через Ингоду пастись на пашни и поля. На рассвете, с мест гусиной дневки и ночевки, охотники слышали многоголосый гогот. С восходом солнца гуси с шумом поднимались на крыло и, построившись треугольниками и шеренгами по пятьдесят-сто птиц, полетели к полям.

Рогов прежде всего определил пути пролета птиц. После этого в кустах, над которыми чаще тянули гуси, Симов отрыл полуметровую яму и соорудил над ней шалаш с открытым верхом. Рогов тем временем переплыл на другой берег и отправился на пашни. Там он определил посещаемые птицами полосы жнивья и вырыл три ямы. Выброшенную землю заровнял и тщательно замаскировал соломой.

Едва рассвело, как охотники уже заняли свои сидьбы. С восходом солнца пролетел первый одинокий гусь. Затем поднялись все остальные. Первый треугольник гусей тяжелым размеренным полетом стелился над вершинами кустов. Поравнявшись

Хохлатая чернеть.

с шалашом, откуда раздавались выстрелы, треугольник дрогнул, передние птицы круто взмыли вверх. Один гусь сложил крылья и камнем упал вниз. Через несколько минут налетел второй косяк, за ним третий, четвертый... Над шалашом почти каждый раз из стаи падал вниз подстреленный гусь.

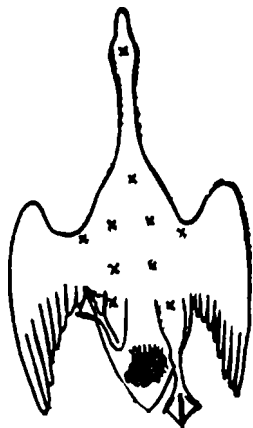
Прокоп Ильич встречал гуменников на пашнях. Они подсаживались к нему за сто-двести метров. Рогов стрелял из карабина. Когда один гусь после выстрела оставался на месте, остальные поднимались и перелетали на другой край пашни. Охотник поворачивался и снова стрелял.

За три дня охотники добыли сорок шесть гусей.

В пути они всю птицу выпотрошили и каждой протерли мелкой солью ротовую и брюшную полости. Для более надежного засола Симов развел в кипяченой воде насыщенный раствор соли и, набирая полный 200-граммовый шприц, впрыскивал рассол в мышцы и под кожу неоципанной гусятиной тушки. В каждую тушку делалось десять уколов по двадцать граммов.

Такой способ посола гусей позволил хранить их в прохладном погребе без льда в течение пяти недель. Посол был как раз в меру: при поджаривании или варке гуся не нужно было ни вымачивать мясо, ни подсаливать его.

На тихих перекатах Рогов сталкивал челн в воду и отплывал от плотов в сторону. Симов спускал за ним в воду сплавную сеть. Растянув ее поперек реки, старик плыл вдоль берега. Параллельно с ним по течению плыла крестовина. От нее к лодке цепочкой тянулись наплава-поплавки. Порой они вздрагивали и ныряли в воду. Рогов заплывал снизу по течению, навстречу крестовине, и выбирал сеть в лодку. В ней трепыхался трехкилограммовый таймень или ленок. Распутав рыбу, Прокоп Ильич снова выбрасывал сеть в воду и сплавлял ее вниз по реке до следующей удачи.

**Рассол следует впрыскивать
в мышцы в точках,
помеченных на рисунке.**

Так, за охотой и рыбной ловлей, прошла неделя. За это время охотники проплыли около двухсот километров и приближались к городу с богатой добычей: туши лося и медведя, две бочки, доверху наполненные соленой рыбой, свыше сотни гусей и уток — все это было отличным подарком горожанам.

Плоты плыли мимо пригородных хозяйств, а табунки уток все еще продолжали налетать. Впереди показался лесозавод. Перед ним через реку протянулся лесоулавливатель — ровный ряд бревенчатых понтонов, соединенных стальным канатом в руку толщиной. На середине один поплавок оторвался, и тяжелый канат провис в воде, образовав ворота. В них-то и нужно было провести громоздкие плоты.

Рогов внимательно следил за течением реки и, наконец, подав команду, повел плоты на стальной барьер. Охотники дружно взяли за весла и прошли ворота, не задев поплавков. Это последнее препятствие служило городской чертой. Впереди, на склонах сопки, ярусами, живописно раскинулась Чита. Нижняя часть города рядами небольших домов расположилась в пойме Ингоды и левого ее притока — Читинки. Второй ярус амфитеатром многоэтажных домов взбегал на склоны сопки. Крайние здания города терялись в вековом бору.

Охотничий плот закончил свой путь.

В лучезарное солнечное утро 9 мая все население города высыпало на улицы. Площадь Ленина не вмещала людские потоки, устремившиеся к ней.

Народ собирался под уличными репродукторами, с волнением прислушиваясь к мелодичному позывному мотиву: «Широка страна моя родная». Знакомый голос диктора оповестил: «8 мая в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена».

Будто радостный бурный вихрь пронесся над толпами. Незнакомые люди поздравляли друг друга, обнимались, вытирали слезы счастья. Победа! Сияние глаз, улыбки, пожатия рук, объятия!.. Прокоп Ильич и Симов крепко расцеловались. Счастливые и опьяненные многолюдием, они полдня прошатались в праздничной толпе. После многомесячного таежного безмолвия этот ликующий день стал для них особенно памятным. С восторгом,

переходя с места на место, слушали они радостные марши и здравицы в честь Советской Армии, вместе со всеми до хрипоты кричали «ура!», подбрасывали кверху шапки. Людское счастье волнами переливалось по улицам и площадям.

На следующий день лейтенант Симов получил назначение по своей военной специальности и в кругу новых боевых товарищей готовил в полет свой воздушный корабль.

Командир самолета, получив путевые документы, поднялся в кабину. Старт был дан. Самолет нехотя тронулся с места и покатился по взлетной дорожке. С каждой секундой скорость нарастала. Внизу замелькала трава. Затем все слилось в серые полосы. Самолет плавно поднялся. Земля под ним накренилась, по сторонам покосились сопки.

Набрав высоту, воздушный корабль сделал над аэродромом прощальный круг и лег на курс в южном направлении.

Внизу показались горные отроги Даурского хребта. Справа от них вилась широкой серебряной лентой Ингода. Слева вдаль поблескивал среди сопек Оленгуй. Впереди из сине-маревои дали двигались навстречу бесконечной чередой горные хребты, сопки. Некоторые из них с большой высоты напоминали гигантских спрутов с распростертыми по сторонам мохнатыми щупальцами — горными отрогами и гривами, покрытыми дремучей тайгой.

Временами казалось, что самолет неподвижно висит в воздухе. И только пронесившиеся мимо облака свидетельствовали о большой скорости, с которой моторы уносили воздушный корабль вперед.

Симов с затаенным дыханием смотрел вниз на живописные просторы знакомой горной тайги, прорезанные серебром Оленгуя и украшенные блестящими зеркальцами озер.

Спустя полчаса самолет перелетел широкую и заболоченную в верховьях оленгуйскую долину. Навстречу поползли отроги и сопки Борщовочного хребта. Среди них на юго-западе возвышался двухкилометровой высоты Улурийский гонец, в отрогах которого терялись истоки Ушмуна и Инды.

Юго-западнее, вдаль, синела гора Сохондо. За час самолет пролетал над дремучей тайгой 300 километров — пространство, по которому пешком по тернистым горным тропам пришлось бы идти больше месяца.

На южных отрогах Борщовочного хребта леса заметно поредела. Чаще стали появляться солнцепечные склоны с зеленеющими лугами. На них паслись стада скота, как горсточка рассыпанного риса.

Спустя еще четверть часа поперек протянулась голубая лента Онона — правого истока Амура. Его широкая распаханная падь уходила на северо-восток и терялась в лиловой дымке Давурской степи.

Далеко-далеко позади остались всегда близкие и дорогие сердцу края — долины, луга и таежные дебри, деревни и надежные товарищи — суровые забайкальские охотники, дружба с которыми родилась и окрепла на трудных и опасных таежных тропах, у таборных костров.

Симов мысленно с ними расставался: прощай, родной край! До скорой встречи, дорогие друзья!

МЕСТНЫЕ СЛОВА, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ТЕКСТЕ

- Волок** — груз, привязанный к капкану.
- Выволока** — короткая бороздка в глубоком снегу между следами. Образуется конечностью зверя при вытаскивании ее из снега во время хода.
- Вязья** — деревянное крепление полозьев.
- Голошек** — лед на реке, не припорошенный снегом.
- Гуджир** — самородная сода с примесью поваренной, глауберовой и других солей.
- Дошлый** — умелый, догадливый, старательный.
- Ерник** — заросли кустарниковой березы.
- Загоило** — не везет.
- Заездок** — отцеживающая плотина для ловли рыбы.
- Залавок** — терраса прирусловой поймы реки.
- Ичиг** — мягкий выворотный сапог без каблука.
- Калтус** — болото.
- Камас** — кожа, снятая с ног крупных копытных животных.
- Коченок** — укрытие, сложенное из бревен.
- Курья** — небольшой лиман, залив на реке.
- Лони** — прошлый год.
- Лыть** — сила.
- Морока** — облака. **Морошно** — облачно, пасмурно.
- Моршни** — охотничьи чувяки, легкая обувь без швов, сделанная из сыромятной кожи, снятой с ног лося или изюбра.
- Нагрезить** — напортить, набедокурить.
- Накипня** — буроватый иней на поверхности замерзшего железистого ключа.
- Наптула** — поросль молодых сосен.
- Оходил** — съел.

- Паря** — форма обращения к человеку.
- Плашка** — давящий самолов на мелких пушных зверей.
- Поволока** — длинная бороздка в глубоком снегу перед следом животного.
- Рясный** — урожайный, нарядный.
- Сайба** — небольшой амбар из бревен.
- Сидьба** — загороженное место, в котором подкарауливают зверей.
- Сколотень** — берестяной цилиндр, снятый со срубленной березы.
- Стегно** — бедро и часть крупа.
- Тулун** — длинный узкий мешок.
- Турпан** — красная утка, ошибочно называемая забайкальскими охотниками огорью.
- Увал** — крутой склон горы южной экспозиции, покрытый редколесьем и горными лугами.
- Ургуй** — сон-трава (прострел Турчанинова).
- Ушкан** — заяц.
- Хлынять** — ехать рысью.
- Чага** — бесплодная форма гриба-трута, паразитирующего на березах и реже на некоторых других деревьях. Образует черные наросты, которые мелко крошат и употребляют как чай. Крепкий настой чаги обладает бактерицидными и лечебными свойствами, предупреждающими возникновение некоторых желудочно-кишечных заболеваний и злокачественных опухолей.
- Чуман** — коробка из бересты.
- Чумбур** — узкий сыромятный ремень.
- Шарба** — уха без овощей и специй.
- Шивера** — порог на реке.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. В дальний путь.	3
Глава II. Весной в тайге.	32
Глава III. За пантачами.	48
Глава IV. Нехоженными тропами.	68
Глава V. На Ушмуне.	86
Глава VI. В кедровнике.	108
Глава VII. Ревут изюбры.	116
Глава VIII. Трудные дни.	134
Глава IX. В зимней тайге.	157
Глава X. Охотники в колхозе.	174
Глава XI. По Ингоде на плоту.	185
Местные слова, встречающиеся в тексте	197

Художник А. КОМАРОВ.
Технические рисунки автора.

ГЕРАСИМОВ ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

ТРОПОЙ ТАЕЖНОГО ОХОТНИКА

Редактор Н. Малиновская. Художественный редактор И. Табаков.
Технический редактор М. Юрганова. Корректор Э. Перевалова.
Сдано в набор 25 марта 1960 г. Подписано в печать 14 мая 1960 г.
Форм. бум. 60x84 1/16-6,25 бум. л. = 12,285 печ. л. (11,08 уч. изд. л.)
Заказ № 1845. Тираж 15000 экз. ФД 01403.

Читинское книжное издательство. Ленинградская. 3.
Типография управления культуры. Чита. Анохина. 2.
Цена 4 р. 85 к.